

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

ЛИВАДНАЯ Юлия Александровна

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ ДЕЛИКТ:
ПОНЯТИЕ, СОСТАВ, НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
(СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный
процесс; муниципальное право

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук
Колосова Нина Михайловна

Москва – 2022

Оглавление

Введение	4
 Глава I. Генезис и развитие признаков понятия конституционного правонарушения, оснований и порядка привлечения к юридической ответственности в конституциях и актах конституционного значения стран мира	15
§ 1. Развитие оснований привлечения к юридической ответственности в конституциях и актах конституционного значения стран Европы	15
§ 2. Особенности оснований и порядка привлечения к юридической ответственности в конституциях США и стран Латинской Америки	27
§ 3. Основания и механизм привлечения к юридической ответственности в первых конституциях стран Азии	39
§ 4. Возникновение и развитие института привлечения к конституционной ответственности в период становления российского конституционализма	45
 Глава II. Основные признаки понятия конституционного деликта	53
§ 1. Роль признаков общественной опасности (общественной вредности) и противоправности в процессе разграничения конституционного деликта и остальных видов правонарушений	53
§ 2. Особенности виновности как элемента понятия конституционного деликта	67
§ 3. Значение наказуемости как элемента понятия конституционного деликта	83

Глава III. Особенности состава конституционного деликта ...	99
§ 1. Объект конституционного деликта	99
§ 2. Объективная сторона конституционного деликта	113
§ 3. Особенности субъекта и субъективной стороны конституционного деликта	130
Заключение	152
Список использованных нормативных правовых актов и научной литературы	158

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Возрастание роли и значения конституционной ответственности органов государственной власти, их должностных лиц как одного из способов обеспечения верховенства конституции обусловлено процессами, закономерными для развития правового государства и демократии. Не менее важна роль конституционной ответственности в процессе укрепления конституционной законности. В этой связи значительное внимание исследователи уделяют анализу конституционного деликта¹ как фактического основания конституционной ответственности.

На современном этапе развития конституционного права можно с уверенностью говорить о самостоятельном характере данного вида правонарушения, определенной степени изученности его правовой природы и о разработанном понятийном аппарате. В то же время теоретическое обоснование проблемы содержит противоречивые положения; авторами по-прежнему подчеркивается сложность и неоднозначность предлагаемых подходов к ее решению. Кроме того, сохраняются неурегулированные вопросы, что требует дальнейшего исследования основных признаков и внутренней структуры конституционных деликтов. Так, в отечественной юридической литературе неоднократно подчеркивалось пересечение ряда конституционных деликтов и преступлений ввиду совпадения диспозиций отдельных норм конституционного и уголовного права². Речь идет, например, о части 4 статьи 3 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой «...захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону». В свою очередь,

¹ В юридической литературе используется также равнозначное понятие «конституционно-правовой деликт».

² См.: Скифский Ф.С. Ответственность за конституционные правонарушения. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 1998. С. 7; Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М.: Городец, 2000. С. 39; и др.

статья 278 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает ответственность за действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации, а также за действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации.

Анализ конституций зарубежных стран показывает, что подобные бланкетные диспозиции конституционно-правовых норм характерны для законодательства многих государств.

Однако, несмотря на распространенную практику закрепления в нормах конституций (актов конституционного значения) оснований конституционной ответственности и довольно высокую степень научной разработанности данной проблематики, результаты исследований по-прежнему имеют обособленный характер. Существуют теоретические пробелы в части определения места конституционного деликта в общей системе правонарушений, в области исследования особенностей элементов состава названного правонарушения, остается неизученной взаимосвязь оснований конституционной ответственности с основаниями иных видов ответственности с точки зрения последовательного или одновременного применения соответствующих норм конституционного и иных отраслей права.

Настоящее исследование позволит систематизировать имеющиеся знания в области определения понятия и состава конституционного правонарушения, а также восполнить обозначенные пробелы как в теории, так и в практике применения конституционной ответственности, что обуславливает актуальность выбранной темы диссертации.

Степень научной разработанности темы исследования. В настоящее время существует множество исследований, раскрывающих общие вопросы конституционной ответственности и оснований ее наступления, понятие конституционного деликта и его виды. В то же время, несмотря на актуальность и достигнутые результаты изучения названных вопросов, по-прежнему отсутствуют работы, посвященные комплексному исследованию генезиса, сущности и состава

конституционного деликта по сравнению с иными видами правонарушений, особенно в части анализа оснований наступления ответственности при условии совпадения диспозиций конституционно-правовых и иных отраслевых норм либо в случае бланкетности диспозиции конституционно-правовой нормы, отсылающей к соответствующей отраслевой норме.

Теоретические и методологические вопросы оснований наступления конституционной ответственности и понятия конституционного деликта были отражены в трудах таких ученых-правоведов как: С.А. Авакьян, М.В. Баглай, С.Н. Братусь, Н.А. Боброва, В.А. Виноградов, Н.В. Витрук, О.В. Гороховцев, Р.М. Дзидзоев, Л.В. Забровская, А.В. Зиновьев, Т.Д. Зражевская, Н.М. Колосова, А.А. Кондрашев, О.Е. Кутафин, В.В. Лазарев, О.Э. Лейст, В.О. Лучин, П.П. Серков, Ф.С. Скифский, И.А. Умнова, Д.Т. Шон, Б.С. Эбзеев и многих других.

Научные труды в указанной области, как правило, либо отражают наиболее общие вопросы конституционной ответственности, лишь отчасти анализируя отличительные признаки и структуру конституционного деликта, либо направлены на определение понятия названного правонарушения, обоснование классификации его видов и определение круга субъектов конституционной ответственности, либо затрагивают вопросы конституционной ответственности отдельных видов субъектов конституционного права. Иными словами, полного и всеобъемлющего исследования, посвященного комплексному изучению вопросов возникновения, определения признаков понятия и дифференциации конституционного деликта, т.е. отграничения его от иных видов правонарушений, в науке не представлено.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с наступлением юридической ответственности, основанием которой служит наличие в деянии субъекта состава конституционного деликта.

Предметом диссертационного исследования являются конституционно-правовые нормы как отечественного, так и зарубежного законодательства, прямо или косвенно регулирующие правоотношения, которые складываются в ходе привлечения субъектов права к конституционной ответственности, определяют

отдельные признаки и виды конституционных деликтов, а также основополагающие идеи, отраженные в научных исследованиях по аналогичной тематике, направленные на определение понятия конституционного деликта, систематизацию его видов и затрагивающие вопросы разграничения понятий конституционного деликта и иных видов правонарушений.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является развитие теоретических основ понятия конституционного деликта, особенностей его состава, содержание которых должно отражать современный уровень развития нормативно-правового регулирования оснований и порядка привлечения к конституционной ответственности.

Исходя из базовой цели, ставятся следующие взаимосвязанные научные задачи:

1) определить генезис и развитие конституционно-правового регулирования деликта в первых конституциях и актах конституционного значения государств Европы, США и странах Латинской Америки, государств Азии, а также Российского государства в период зарождения конституционализма;

2) выявить, с учетом зарубежного опыта, основные признаки понятия конституционного деликта в современном конституционном праве;

3) провести сравнительный анализ понятия конституционного деликта с иными видами правонарушений, что позволит определить его место в общей системе правонарушений;

4) выявить особенности элементов (объект, объективная сторона, субъективная сторона, субъект) состава конституционного деликта;

5) выработать рекомендации, дающие возможность оптимально применять основания привлечения к конституционной и (или) иной юридической ответственности в случае нарушения деянием одновременно конституционно-правовой и иной отраслевой нормы.

Методологическая основа исследования представлена совокупностью общенаучных (в частности, методы анализа, синтеза, дедукции, индукции, статистический метод) и частнонаучных (в том числе сравнительного,

сравнительно-правового, конкретно-исторического, формально-юридического методов, а также метода правового моделирования) приемов и способов.

Теоретическую основу исследования составляют фундаментальные труды отечественных ученых, изучающих понятие, виды, структуру конституционных деликтов, а также отдельные вопросы дифференциации данного вида правонарушения по его отличительным признакам.

Нормативно-правовая база исследования включает Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы (от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»), федеральные законы (от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и др.), регламентирующие вопросы оснований привлечения к конституционной ответственности субъектов конституционного права в Российской Федерации, а также конституции и акты конституционного значения зарубежных государств, как действующие, так и те, которые регулировали указанные вопросы в иные исторические периоды.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в выработке авторского подхода к определению понятия и состава конституционного деликта посредством проведения сравнительно-правового анализа его правовой природы с иными видами правонарушений.

Автором впервые выявлены особенности возникновения и развития законодательного регулирования конституционного деликта в историко-правовой ретроспективе.

На основании анализа действующего отечественного и зарубежного законодательства проведено комплексное сравнительно-правовое исследование таких признаков понятия конституционного деликта, как общественная опасность

(общественная вредность), противоправность, виновность и наказуемость, а также элементов состава данного правонарушения. Это позволило обнаружить отличительные особенности названных признаков понятия конституционного деликта, которые обуславливают специфику его состава, и сформулировать понятие конституционного деликта.

В соответствии со степенью общественной опасности и (или) общественной вредности конституционного деликта определено его место в общей системе правонарушений.

Предложена авторская классификация конституционно-правовых санкций.

В результате проведенного анализа нормативного регулирования вопросов привлечения к конституционной ответственности коллективных субъектов диссертантом разработаны предложения по совершенствованию законодательства.

На основе проведенного диссертационного исследования сформулированы **следующие положения, выносимые на защиту:**

1. Признавая конституционный деликт видом правонарушения, автор обосновал следующую специфику его основных характеристик.

Предлагается считать конституционный деликт не только общественно вредным (как полагают некоторые правоведы), но и общественно опасным. Это обусловлено рядом факторов, в частности, посягательством на наиболее значимые общественные отношения, в том числе на авторитет власти, наличием конституционного и иного отраслевого (например, уголовного, административного, гражданско-правового) запрета на совершение определенных в законодательстве деяний, а также особым конституционно-правовым статусом субъекта правонарушения.

Различаются виновность как признак конституционного деликта и вина в качестве элемента его состава. Виновность как признак конституционного деликта означает соответственно наличие или отсутствие вины при совершении конкретного конституционного правонарушения. При отсутствии вины как психического отношения к содеянному возможна незавершенность состава названного правонарушения, что не исключает наличия основания для

привлечения к конституционной ответственности, которая в данном случае выступает в качестве формы взаимоотношений субъектов конституционных правоотношений.

Понятие конституционного деликта как наказуемого деяния означает применение в отношении лица, совершившего соответствующее правонарушение, определенных в законе мер государственного принуждения и учитывает особенности конституционных санкций, которые могут, в частности, носить компенсационный характер. В случае совершения конституционного деликта, одновременно содержащего, например, признаки состава преступления или административного нарушения, речь идет о взаимообусловленной реализации конституционно-правовых, уголовных или административных санкций.

2. Конституционный деликт – это общественно опасное или общественно вредное, конституционно противоправное, виновное и наказуемое деяние.

Понятие конституционного деликта как противоправного деяния в основном совпадает с аналогичными характеристиками при определении иных видов правонарушений, то есть это нарушение соответствующих правовых норм, содержащих конституционные запреты, обязанности или права. Вместе с тем при отсутствии кодифицированного акта, предусматривающего составы конституционных деликтов, содержание их объективной стороны не всегда однозначно. В этой связи роль толкования противоправности конституционного деяния более значима, чем при определении составов иных правонарушений.

3. Специфика конституционного деликта как наказуемого деяния позволяет выделить и дифференцировать следующие конституционно-правовые санкции:

самостоятельные, являющиеся завершенными и в полной мере обеспечивающими восстановление конституционной законности;

комплексные, требующие комбинированного применения как конституционных санкций, так и санкций норм иных отраслей права. В данном случае можно говорить о конституционно-правовом и отраслевом элементах санкции.

4. С учетом положений теории правонарушений о формальном и материальном составах, установлено, что конституционный деликт относится к формальным составам, то есть конституционное правонарушение является оконченным с момента совершения деяния, а не после наступления конкретных негативных последствий, что характерно для материального состава. Это означает, что обязательным элементом объективной стороны конституционного деликта следует считать противоправное деяние в форме невыполнения конституционной обязанности, нарушения запрета или злоупотребления конституционным правом.

5. Анализ первых конституций и актов конституционного значения позволил выявить два вектора развития конституционно-правового регулирования оснований привлечения к конституционной ответственности в период ее формирования. Для защиты конституционного строя в нормах основных законов устанавливался конституционный запрет преступлений против государственной власти, общественного порядка и безопасности, адресованный неограниченному кругу субъектов, совершение которых являлось уголовно наказуемым. Одновременно в тех же нормативных правовых актах в отношении конкретных должностных лиц государства предусматривались отдельные виды правонарушений (против государственной власти; должностных преступлений либо совершенных с использованием должностного положения, например, растрата или хищение государственной собственности), совершение которых являлось основанием для применения к ним таких конституционно-правовых санкций, как отстранение от должности, утрата мандата, лишение избирательного права, а также иных мер, характерных для конституционной ответственности.

Таким образом происходило обособление конституционного деликта как самостоятельного вида правонарушения, а также формирование современного зарубежного и российского законодательства, предусматривающего меры конституционной ответственности и составы конституционных деликтов.

6. Для устранения неопределенности и пробелов правового регулирования в части оснований наступления конституционной ответственности партий, общественных объединений или иных некоммерческих организаций,

занимающихся политической деятельностью, обосновывается необходимость совершенствования федерального конституционного законодательства. Бланкетность и отсутствие в настоящее время систематизации правовых норм, регулирующих названные выше отношения, дезориентируют правоприменителя, создают условия для широкого усмотрения, что на практике может привести к нарушению принципа равенства перед законом и судом в результате применения за идентичные правонарушения серьезно различающихся по правовым последствиям мер ответственности.

В частности, в целях совершенствования правового регулирования порядка прекращения деятельности партий, общественных объединений или иных некоммерческих организаций как меры конституционной ответственности предложено внести изменение в статью 33 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», дополнив ее исчерпывающим перечнем правонарушений, являющихся основанием для наступления такой ответственности. Это позволит сориентировать правоприменительную практику на использование единого подхода к определению порядка и оснований конституционной ответственности названных выше субъектов, а также в большей степени обеспечит защиту их прав.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость работы заключается в установлении генезиса, сущности и состава конституционного деликта. Это позволило автору высказать идею о его месте в общей системе правонарушений, что ранее не было изучено в российской доктрине. Важное теоретическое значение имеют сформулированные в работе характеристики признаков конституционного деликта в сравнении с иными видами правонарушений, а также особенности состава конституционного деликта.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения основных постулатов для углубления существующих познаний в области конституционной ответственности и ее оснований.

Выводы автора могут быть использованы как в правоприменительной практике российских судебных органов, так и в последующей имплементации в

нормы законодательства с целью его совершенствования. Выдвинутые идеи предполагают развитие дальнейших научных исследований в рамках конституционного права России, конституционного права зарубежных стран. Результаты диссертации могут быть использованы в процессе преподавания учебных дисциплин по специальности 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

Апробация результатов исследования отражена в публикациях, выступлениях на профессиональных и научных конференциях, а также в ходе проведения лекций в рамках служебной подготовки для сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний.

Основные положения диссертации отражены в публикациях автора общим объемом более 1,80 печатных листов.

Положения диссертации были представлены в выступлениях на Международной научно-практической конференции – «круглом столе» МГИМО (У) МИД России «Новые реалии международных отношений: право, политика, экономика» (8 апреля 2016 г.), III Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (Академия ФСИН России, Рязань, 21 ноября 2017 г.), Ежегодной конференции аспирантов и молодых ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации «Правовые стандарты и их роль в регулировании общественных отношений» (16 мая 2018 г.), «круглом столе» «Предмет конституционного права: история и современность, тенденции и перспективы» (Московский Государственный Университет имени О.Е. Кутафина, 20 июня 2018 г.), VIII Международном конгрессе сравнительного правоведения «Сравнительное правоведение в поисках конституционного идеала» (7–8 декабря 2018 г.), XV Международной школе-практикуме молодых ученых юристов «Конституция и модернизация законодательства» (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 27 мая 2020 г. – 5 июня 2020 г.) и др.

Также некоторые положения диссертации были отражены в эссе на тему «Место вопросов преступления в предмете конституционного права и их взаимосвязь с другими отраслями права», которое заняло I место в номинации «Аспиранты» в I Межвузовском конкурсе эссе среди молодых ученых «Предмет конституционного права»; он проходил в июне 2018 года в Московском Государственном Университете имени О.Е. Кутафина.

Структура диссертации обусловлена кругом обозначенных проблем, целью и задачами исследования, состоит из введения, трех глав, разделенных на десять параграфов, заключения и библиографического списка.

Глава I. Генезис и развитие признаков понятия конституционного правонарушения, оснований и порядка привлечения к юридической ответственности в конституциях и актах конституционного значения стран мира

§ 1. Развитие оснований привлечения к юридической ответственности в конституциях и актах конституционного значения стран Европы

Несмотря на то, что понятие конституционного деликта сформировано в отечественной науке конституционного права сравнительно недавно, историю его возникновения и дифференциации по основным признакам, выделяющим его среди остальных видов правонарушений, можно проследить уже в самых ранних конституциях и актах конституционного значения зарубежных стран.

История возникновения и развития правовых норм, устанавливающих основания и порядок наступления юридической ответственности, в том числе ставшей впоследствии конституционной, богата и разнообразна. Для цели настоящего диссертационного исследования будет рассмотрено конституционное законодательство ряда стран в тех пределах и за тот исторический период, которые позволят проанализировать формирование института привлечения к юридической ответственности, опираясь на конституционно-правовые нормы стран Европы, Америки, Азии, а также отечественного конституционного законодательства.

В начале конституционного развития эти нормы носили ситуационный адресный характер и их правоприменение было призвано урегулировать правоотношения в конкретной исторической ситуации.

Мировая история развития конституционного права знает немало примеров, когда изменения формы государства (в том или ином объеме) неизбежно приводило к провозглашению либо принятию акта высшей юридической силы, не только закрепляющего подобные изменения, но и стремящегося обезопасить их от

реакционных действий. При этом любые попытки восстановления прежнего режима признавались незаконными и подлежащими наказанию.

Подобная практика восходит к Великой Хартии вольностей 1215 года, обнародованной английским королем Иоанном Безземельным, который вынужден был под давлением феодальной знати ограничить, в интересах защиты их прав, королевский произвол. Гарантией ограничения королевской власти выступало введение в политическую систему страны особых государственных органов – общего совета королевства и комитета двадцати пяти баронов. Они наделялись полномочиями предпринимать действия по принуждению короля к восстановлению нарушенных прав: «А если мы не исправим нарушения ... те 25 баронов общиной всей земли будут понуждать и утеснять нас всеми способами, какими смогут, т.е. путем захвата замков, земель, владений и всеми другими способами, какими смогут, пока нарушение не будет исправлено, согласно их решению; но неприкосновенной будет оставаться наша личность и личность нашей королевы и детей наших; а когда нарушение будет исправлено, они опять будут повиноваться нам, как повиновались прежде»³.

Это дает возможность говорить о возникновении оснований привлечения к юридической ответственности, закрепленных в конституционно-правовых нормах, и об установлении, по сути, первых конституционно-правовых санкций. Одновременно отметим, что проведение анализа названных оснований, изучение их правовой природы невозможны в отрыве от исторических событий, которые предопределили развитие права того или иного государства.

Так, в эпоху буржуазных революций стремление новой власти к дискредитации прежнего правопорядка становится характерной чертой, находящей отражение в актах высшей юридической силы, в том числе первых конституциях.

Итогом крайней степени непримиримости противников монархии к власти короля Англии в ходе первой английской революции стала не только потеря власти

³ Конституции буржуазных государств: в 3 т. Т. 1: Великие державы и западные соседи СССР. М.–Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1935. С. 48.

Карлом Стюартом, но и его восхождение на эшафот в 1649 году⁴. В заключительной части приговора Высшей судебной палаты над королем от 27 января 1649 года говорилось: «Карл Стюарт, как тиран, изменник, убийца и как враг добрых людей этой нации, должен быть предан смерти через отсечение головы от тела»⁵. С позиции современного исследователя можно с определенной долей условности говорить о совершении королем правонарушения, повлекшего применение к нему конституционно-правовой санкции в виде отрешения от власти с утратой им неприкосновенности.

Получив опыт жизнедеятельности в условиях сравнительно недолгой военной диктатуры Кромвеля (1653–1658 гг.), английская аристократия пришла к выводу о необходимости реставрации королевской власти Стюартов в лице Карла II, попутно оградив себя от королевского произвола рядом законодательных актов. Наиболее важным из них по праву признан Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (*Habeas corpus act*) от 26 мая 1679 года, призванный осудить широко практиковавшиеся королевской властью в XVII–XVIII вв. произвольные аресты и высылки в колонии и впредь гарантировать от них английских подданных, поскольку «заточенные могут, вследствие каждого подобного заточения, в силу настоящего акта учинять иск или иски о противозаконном заточении...»⁶. Проистекающая еще из Великой Хартии вольностей и развитая в *Habeas corpus act* защита прав пусть и ограниченного числа лиц, т.е. представителей элит, стала основополагающей идеей Билля о правах 1689 года. Полное его наименование – «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны», как и построенное в соответствии с ним содержание этого документа с очевидностью отражают стремление лордов закрепить правомочия нового короля Вильгельма III и

⁴ См. подробнее: Лавровский В.М., Барг М.А. Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII века. М.: Социально-экономическое Изд-во, 1958. С. 192–313; Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. М.: «Крафт+», 2000. С. 425–442.

⁵ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв.: сборник документов / под ред. П.Н. Галанзы. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1957. С. 75.

⁶ Там же. С. 122, 123.

выдвинуть обвинения в противозаконных действиях в отношении его предшественника Иакова II: «Так как последний король Иаков II, при содействии различных злоумышленных советников, судей и чиновников, состоявших у него на службе, пытался ниспровергнуть и искоренить протестантскую веру и законы и вольности этого королевства...»⁷. Изложенное стало основанием привлечения его к юридической ответственности с применением санкции в виде отстранения от власти.

Первой писаной конституцией в истории развития конституционного права Европы стала Конституция Польши 3 мая 1791 года, официально именуемая Правительственным законом. Принятие этого документа, по мнению исследователей, было обусловлено как внутренними, так и внешними причинами. Внутренние причины связывают с социально-экономическим развитием польского государства, а именно – с появлением капиталистического уклада в экономике страны⁸.

Внешние же причины во многом определили выбор формы правления – ограниченной монархии, основанной на принципе наследственности трона, который «был введен с целью ликвидации выборов, провоцирующих в среде магнатства вспышки борьбы за власть и создававших повод для вмешательства иностранных держав»⁹. Стремясь обезопасить Польшу от разного рода попыток давления на государственную власть и внутри страны, и за её пределами, авторы текста Конституции, среди которых был и польский король Станислав Август, закрепили в ней следующую норму: «Удовлетворяя общее ликование, внимательно следим за обеспечением безопасности настоящей конституции, постановляя: если кто-либо посмеет сопротивляться настоящей конституции, или посягать на нее, желая испортить или нарушать спокойствие хорошего и начинающего быть счастливым народа, сея недоверие, неверное толкование конституции, а особенно

⁷ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв.: сборник документов. С. 126.

⁸ См. подробнее: Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. М.: Юридическая литература, 1980. С. 20; Ливанцев К. Е. Польская конституция 3 мая 1791 года // Вестник Ленинградского университета. 1958. № 23. С. 136, 137.

⁹ Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. Указ. соч. С. 296.

через организацию какого-либо мятежа в стране или конфедерации, возглавляя ее или каким-либо способом способствовать этому, тот будет незамедлительно признан врагом отечества, его предателем, мятежником и самым суровым образом наказан сеймовым судом»¹⁰. Как показала история, подобная формулировка не обеспечила долголетия Конституции 3 мая 1791 года; уже осенью 1793 года Гродненский сейм аннулировал ее действие¹¹. Однако названная норма, содержащая перечень правонарушений, представляет определенный аналитический интерес для тех, кто изучает вопросы возникновения и развития конституционных оснований привлечения к юридической ответственности.

3 сентября 1791 года была принята первая Конституция Франции, ставшая промежуточным итогом череды революционных событий, развернувшихся в стране в конце XVIII века. Голодные бунты и нападение на замки французской знати, взятие Бастилии 14 июля 1789 года, расстрел петиционеров на Марсовом поле 17 июля 1791 года¹² – вот неполный список кровопролитных событий Великой Французской революции, непосредственно предшествовавших появлению этого акта. Следует отметить, что в условиях ослабления власти короля Людовика XVI за попытками поддержать правопорядок в стране и, как следствие, за привлечением к ответственности лиц, допустивших его нарушение, можно проследить, исследуя акты конституционного уровня, принятые в этот период Национальным и Учредительным собраниями. Анализ названных актов показывает, что они отражают борьбу умеренных фракций, настроенных на сохранение каркаса старого порядка хотя бы в виде ограниченной королевской власти, и радикалов, нацеленных на ее полную дискредитацию и упразднение. Основная особенность законодательной техники этого периода состоит в том, что акты конституционного значения изобилуют правовыми нормами, изложенными по образцу и подобию уголовно-правовых, с определением характеристик деяния, характера и размера

¹⁰ Конституция Польши 1791 года. URL: <http://constitutions.ru>.

¹¹ См. подробнее: Соловьев С.М. История падения Польши // Сочинения: в 18 кн. Кн. 16. Работы разных лет. М.: Голос, колокол-пресс, 1998. С. 294–298; Костомаров Н.И. Старый спор (Последние годы Речи Посполитой). М.: Чарли; Смоленск: Смядынь, 1994. С. 602, 603.

¹² См.: Французская буржуазная революция 1789–1794 / под ред. В.П. Волгина, Е.В. Тарле. М–Л.: Академия Наук СССР, 1941. С. 40–43, 59–62, 110–116.

наказания, а иногда даже с учетом вида соучастия в его совершении. Так, в соответствии с Законом 21 октября 1789 года об осадном положении, «...когда красное знамя вывешено, все собрания, вооруженные или не вооруженные, признаются преступными и разгоняются военной силой. ...Хотя бы толпа разошлась, не учиняя насилий, зачинщики и подстрекатели могут быть привлечены к ответственности и подвергнуты наказанию: если сборище было невооруженное, – до трех лет тюремного заключения, если участники его были вооружены, – смертной казни...»¹³. А статья 2 Декрета Учредительного Собрания 18 июля 1791 года провозглашала: «Всякий человек, который при скоплении народа или во время мятежа издаст крик, призывающий к убийству, будет наказан тремя годами каторги, если убийство не имело места. В случае же, если преступление совершилось, он будет рассматриваться как сообщник»¹⁴.

Приведенные примеры свидетельствуют о крайней степени дестабилизации, выход из которой авторы Конституции 1791 года видели в провозглашении конституционной монархии при условии, что королевская власть утрачивала свое исключительно божественное происхождение и полностью подчинялась закону. Как отмечал французский историк Альбер Матъез: «Раньше он был «Людовиком, милостью божьей, королем Франции и Наварры», теперь же после 10 октября 1791 года «Людовик, божьей милостью и в силу конституции государства, король французов»»¹⁵. При этом в Конституции предусматривался механизм противодействия попыткам восстановления прежнего правопорядка: «Если король станет во главе армии и направит войска против народа или если путем формального акта не воспротивится подобному предприятю, выполняемому его именем, то следует считать, что он отрекся от королевской власти»¹⁶. Совершение королем подобного правонарушения влекло за собой

¹³ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Сборник документов. С. 234, 235.

¹⁴ Там же. С. 246.

¹⁵ Матъез Альбер. Французская революция. Ростов-н/Д.: Феникс, 1995. С. 111.

¹⁶ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Сборник документов. С. 261.

сначала утрату королевской неприкосновенности, а затем возможность привлечения его к уголовной ответственности в общем порядке.

Дальнейшая история развития Великой Французской революции показала, что наличие этой конституционной нормы во многом предопределило осуждение короля Людовика XVI Конвентом к смертной казни и приведение приговора в исполнение 21 января 1793 года. Низложение монархии и переход Франции к республиканской форме правления явились следствием неухающих народных волнений, противостояния умеренных и радикальных политических сил, угрозы иностранной интервенции. В этой связи исторически оправданной была жесткость нормы пункта 27 Декларации прав человека и гражданина, являвшейся составной частью первой республиканской Конституции Франции от 24 июня 1793 года: «Каждый, кто присвоит себе принадлежащий народу суверенитет, да будет немедленно предан смерти свободными гражданами»¹⁷.

Просуществовав весь период якобинской диктатуры¹⁸, Конституция 1793 года утратила свое действие в связи с переворотом и переходом власти в руки крупной буржуазии, пожелавшей ликвидировать наследие якобинской диктатуры и закрепить собственные успехи принятием Конституция Французской Республики 5 фруктидора III года (22 августа 1795 года). Опасаясь повторения безграничной власти национального представительства, авторы конституции III года разделили законодательную власть на две палаты – Совет пятисот и Совет старейшин; исполнительная власть поручалась Директории, состоявшей из пяти членов¹⁹. При этом любые самовольные действия представителей законодательной власти по проведению заседаний вне места и времени, установленного декретом Совета старейшин, признавались преступными: «До наступления времени, указанного в декрете, ни тот, ни другой советы не могут заседать в коммуне, где они заседали до этого. Члены советов, которые продолжают осуществление своих функций,

¹⁷ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Сборник документов. С. 333.

¹⁸ См.: Манфред А.З. О природе якобинской власти // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 101–107.

¹⁹ См.: История Франции / под ред. Ж. Карпантье, Ф. Лебрена; пер. с фр. М. Некрасова. СПб.: Евразия, 2008. С. 295.

покушаются на безопасность Республики»²⁰. Если по истечении двадцати дней с момента, указанного в декрете Совета старейшин, большинство членов этих двух советов не докладывали о своем прибытии во вновь назначенное место, запускался механизм формирования нового законодательного корпуса путем созыва избирателей для избрания выборщиков. Анализ названных конституционно-правовых норм показывает, что нарушение коллективными субъектами (Советом пятисот и Советом старейшин) установленных в Конституции запретов служило основанием для привлечения их к юридической ответственности и влекло за собой применение санкции в виде утраты власти.

Однако деятельность новой системы органов государственной, а в особенности исполнительной власти, не оправдала надежд на стабилизацию обстановки в стране и вскоре полностью себя дискредитировала. Как отмечал академик Е.В. Тарле, «за годы своего правления Директория неопровержимо доказала, что она не в состоянии создать тот прочный буржуазный строй, который был бы окончательно кодифицирован и введен в полное действие»²¹. Подобное положение создало благоприятную почву для государственного переворота, состоявшегося 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 года), в результате которого к власти пришел Наполеон Бонапарт, а Директория, Совет пятисот и Совет старейшин были упразднены. Уже спустя месяц была готова Конституция Французской Республики 22 фримера VIII год (13 декабря 1799 года). Дальнейшее конституционное развитие Франции пошло по пути укрепления единоличной власти главы государства: «Вся полнота власти сосредоточилась в его руках. Все остальные учреждения существовали в виде каких-то бледных теней, никогда не имевших и не пытавшихся иметь ни малейшего влияния»²². В то же время отдельные нормы Конституции 1799 г. представляют интерес для анализа оснований и порядка привлечения к юридической ответственности. Так, например, статья 70 предусматривала порядок привлечения к ответственности должностных

²⁰ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Сборник документов. С. 392.

²¹ Тарле Е.В. Наполеон. М.: Наука, 1991. С. 64.

²² Там же. С. 81.

лиц, изначально лишая их какого-либо иммунитета: «Дела о деликтах, влекущих применение мучительных или позорящих наказаний, совершенных членом Совета или Трибуната, или членом Законодательного Корпуса, рассматриваются обычными трибуналами, после того, как орган, к которому принадлежит обвиняемый, подтвердит обвинение»²³. Аналогичный порядок привлечения к ответственности действовал в отношении министров, обвиненных в совершении частного деликта, влекущего применение мучительного или позорящего наказания (статья 71). Рассмотренные примеры представляют интерес еще и потому, что наглядно отражают взаимосвязь особенностей политического режима и такого порядка привлечения к юридической ответственности должностных лиц, при котором наложение санкции в виде лишения статуса практически не предусматривает каких-либо процедур, а основано на единоличном решении.

Германия в начале своего конституционного развития, т.е. в первой половине XIX века, представляла собой конгломерат разрозненных независимых немецкоязычных государств и государственных образований (Пруссия, Бавария, Шлезвиг-Голштейн, Саксония и др.)²⁴. Именно в рамках их обособленного правового развития можно проследить начало формирования подходов законодателей к определению как базовых конституционных признаков правонарушения, так и оснований привлечения к юридической ответственности должностных лиц различных немецких государств.

Например, в § 15 Конституционного акта Великого герцогства Баденского от 22 августа 1818 года содержалась весьма самобытная норма, отчасти характеризующая такой признак понятия правонарушения, как наказуемость: «Великий герцог может смягчать наказание и даже вовсе от него освобождать, но он ни в каком случае не может его усиливать». Аналогичную норму включал § 52 Конституции Саксонии от 4 марта 1831 года. В то же время для Конституции Саксонии характерно и закрепление в § 51 признака противоправности понятия

²³ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Сборник документов. С. 429.

²⁴ См. подробнее: Вильсон В. Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений. М.: Издание М.В. Саблина, 1905. С. 224–226.

правонарушения: «Никто не может быть преследуем, лишен свободы или осужден иначе, как на законном основании»²⁵.

Достаточно подробно в рассматриваемых актах урегулированы вопросы привлечения к юридической ответственности министров и иных должностных лиц. Единым основанием для этого являлось нарушение конституции (§ 7 Конституционного акта Великого герцогства Баденского, § 140 Конституции Саксонии). Одновременно норма § 67-а Конституционного акта Великого герцогства Баденского содержала более развернутую формулировку, в соответствии с которой формальное обвинение против министров герцогства и высших должностных лиц возбуждалось «за совершенные ими – действиями, упущениями или по грубой небрежности – нарушения конституции или установленных конституцией прав, или за тяжкое нарушение государственной безопасности и благосостояния». При этом применение санкции в виде отрешения от должности необходимо было отражать в обвинительном приговоре вне зависимости от того, последовало ли оно до возбуждения обвинения или после него.

Особый интерес представляет § 148 Конституции Саксонии, в котором определена последовательность наступления видов юридической ответственности должностных лиц. Так, отдельно урегулирован вопрос компетенции государственного суда, учреждаемого исключительно для судебной охраны конституции, которая «не простирается далее категорического осуждения поведения должностного лица и удаления его от должности». После вступления в силу решения государственного суда привлеченный к ответственности «может быть *ex officio* привлечен к уголовной ответственности обыкновенным судом; с этой целью государственный суд доводит до сведения компетентного судьи о результатах рассмотренного им обвинения». Очевидно, что в приведенном примере нормативно урегулирован порядок привлечения к иной, отличной от уголовной,

²⁵ Здесь и далее тексты Конституционного акта Великого герцогства Баденского и Конституции Саксонии приводятся по изданию: Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Сборник документов / под ред. П.Н. Галанзы. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1957. С. 485–518.

юридической ответственности, которую с позиции современного исследователя можно назвать конституционной.

Несмотря на то, что первая общегерманская конституция, принятая через год после революции 1848 года (так называемая Имперская конституция церкви св. Павла), не вступила в силу ввиду недостижения в тот момент немецкого единства²⁶, и фактически является лишь правовым памятником эпохи, отдельные ее нормы представляют интерес в рамках настоящего исследования. Так, достаточно подробно были урегулированы вопросы привлечения к юридической ответственности высших должностных лиц государства (за исключением императора, сохранившего свой статус неприкосновенной личности). Имперские министры могли быть осуждены «за свои служебные деяния»; при этом император наделялся правом их помиловать или смягчить наказание, но только по инициативе той палаты, от которой исходило это обвинение (по отношению к министрам отдельных государств эти права ему не предоставлялись) (§ 81); члены Рейхстага могли быть подвергнуты наказаниям, а в крайних случаях – исключению из членов палаты, за неподобающее поведение в палате (§ 114); судьи могли быть отстранены от своей должности лишь по судебному приговору (§ 177 (§ 44)).

В несколько более позднем документе – Конституционной хартии Пруссии 31 января 1850 года – уже конституционно закреплены отсутствующие в Имперской конституции 1849 года признаки наказуемости (статья 8), понятие правонарушения, а также, при сохранении порядка привлечения к ответственности, уточнены ее основания: «Министры могут быть обвинены по решению одной из палат в нарушении Конституции, в подкупе и измене» (статья 61). При этом порядок и основания привлечения к ответственности членов палат парламента и судей в целом не претерпели изменений²⁷.

Окончательное объединение всех немецких государств состоялось только в 1871 году под руководством Пруссии во главе с канцлером Отто фон Бисмарком и

²⁶ См. подробнее: Блос В. Германская революция. История движения 1848–1849 года в Германии. М.: Государственное Изд-во, 1922. С. 496–500.

²⁷ Текст Конституционной хартии Пруссии приводится по изданию: Вильсон В. Указ. соч. С. 41–52 (приложения).

королем (кайзером) Вильгельмом I. В том же 1871 году была принята первая общегерманская конституция – Конституция Германской империи. Однако следует отметить, что централизованное конституционно-правовое регулирование касалось лишь оснований привлечения к юридической ответственности за посягательство на целостность и безопасность Германской империи, а также на ее должностных лиц, т.е. фактически нормативное регулирование названных правоотношений отдавалось на откуп отдельным государствам, входящим в ее состав.

В то же время пункт 31 раздела V «Рейхстаг» Конституции Германской империи закреплял особый статус членов Рейхстага, обеспечивающий им (при отсутствии согласия Рейхстага на привлечение к ответственности) неприкосновенность, кроме случаев задержания на месте совершения преступления или же в течение следующего дня, а также при аресте за долги. Кроме того, на время сессии по требованию Рейхстага прекращалось всякое уголовное делопроизводство против какого-либо его члена и всякий следственный или гражданский арест²⁸.

Анализ первых конституций и актов конституционного значения Великобритании, Польши, Франции и Германии в период буржуазных революций позволяют сделать следующие выводы:

во-первых, зарождавшееся конституционно-правовое регулирование привлечения к юридической ответственности как обычных граждан, так и высших должностных лиц государства было призвано, в первую очередь, защитить государство от посягательств на его безопасность и порядок функционирования власти в конкретном историческом периоде;

во-вторых, очевидна тенденция обособить основания привлечения к ответственности лиц, замещающих высшие государственные должности как по праву рождения, так и в случае их назначения (избрания), от оснований

²⁸ Текст Конституции Германской империи 1871 года приводится по изданию: Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Сборник документов. С. 564–575.

привлечения к ответственности иных ее субъектов в случае совершения ими аналогичных правонарушений;

в-третьих, в нормах первых конституций и актов конституционного значения представлен перечень деяний (посягательства на конституцию и безопасность государства, государственная измена, незаконные вооруженные собрания и др.), влекущих особую государственную реакцию, а также определены меры государственного воздействия в случае их совершения (принуждение монарха к определенным действиям, лишение его неприкосновенности и отдание под общеуголовный суд, отрешение от должности высших должностных лиц и др.).

§ 2. Особенности оснований и порядка привлечения к юридической ответственности в конституциях США и стран Латинской Америки

Билль о правах, являющийся и в настоящее время неотъемлемой частью Конституции Великобритании, в свое время оказал огромное влияние на развитие политической и правовой мысли не только в Европе, но и в североамериканских английских колониях. По мнению В.А. Томсинова, «американская Декларация независимости 1776 года, Конституция США 1787 года и первые десять поправок к ней – так называемый Билль о правах 1791 года повторили воплощенные в английском Билле о правах приемы политического и правового мышления, а также некоторые выраженные в нем политико-правовые идеи и принципы»²⁹. В первую очередь это утверждение справедливо по поводу обвинений, выдвинутых в тексте Декларации независимости Соединенных Штатов Америки в адрес главы метрополии – короля Великобритании. Описывая историю принятия Декларации, Н.Н. Яковлев с известной долей иронии отмечает: «Большую часть Декларации занимало довольно склочное и мелочное перечисление беспрестанных

²⁹ Томсинов В.А. «Славная революция» 1688-1689 годов в Англии и Билль о правах. М.: Зерцало-М, 2010. С. 1.

несправедливостей и узурпаций, имевших своей прямой целью установление неограниченной тирании над нашими штатами». Георг III, соответственно, назывался «тираном, непригодным для правления над свободным народом»³⁰. В то же время идеологи Декларации видели решение вопроса не только в объявлении независимости от британской короны. Они изложили беспрецедентный для практики конституционно-правового регулирования постулат – Декларация независимости «смело провозгласила прирожденное право народа на революцию»³¹. Как говорится в тексте документа, право и долг свергнуть правительство и установить новых стражей для своей будущей безопасности возникает, «когда длинный ряд злоупотреблений и насилий неизменно преследует все ту же цель, обнаруживает намерение подчинить людей абсолютному деспотизму»³².

Следует также отметить неприятие североамериканскими законодателями не только формы правления своей уже бывшей метрополии, но и формы ее основного закона, поскольку «английская модель неписаной конституции воспринималась как олицетворение колониализма, как противовес тем идеалам республиканизма, которые являлись движущей силой борьбы за независимость»³³.

Будучи последовательными в стремлении обезопасить молодое государство от возможных злоупотреблений со стороны верховной власти, авторы Конституции США 1787 года закрепили в ней основания привлечения к юридической ответственности определенных должностных лиц. Так, «Президент, Вице-президент и все гражданские должностные лица Соединенных Штатов отстраняются от должности, если при осуждении в порядке импичмента они будут

³⁰ Яковлев Н.Н. Джордж Вашингтон. М.: Эксмо; Алгоритм, 2003. С. 161.

³¹ Фостер Уильям З. Очерк политической истории Америки. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. С. 170.

³² Конституции буржуазных государств: в 3 т. Т. 1. С. 15.

³³ Лафитский В.И. Конституционный строй США. М.: Статут, 2011. С. 32.

признаны виновными в измене, взяточничестве или других тяжких преступлениях и проступках»³⁴ (раздел 4 статьи II).

Борьба за независимость и образование Соединенных Штатов Америки, а также политические и правовые уроки Великой французской революции значительно повлияли на развитие освободительного движения в Латинской Америке. Как отмечает А.Х. Саидов, «Если, завоевав государственную независимость, страны Латинской Америки в поисках модели частного права обратили взоры к Европе, то конституционный образец они нашли в США»³⁵. Аналогичного мнения придерживается и заслуженный профессор Университета Сорбонна Пьер Шоню при характеристике первой конституции Венесуэлы: «Декабрьская конституция 1811 года почти цитирует конституцию Джефферсона»³⁶. В то же время отметим отдельные положения первых латиноамериканских конституций, отличающиеся очевидной самобытностью. И это в первую очередь касается конституционных основ привлечения к юридической ответственности.

Анализ конституционно-правовых норм показывает, что в начале XIX века основной акцент в странах Латинской Америки делался на признаках противоправности и наказуемости правонарушений и на целях наказания. Так, например, в соответствии со статьей 170 Конституции Венесуэлы 1811 года «ни уголовный, ни гражданский закон не может иметь обратную силу; всякий, кто будет осуществлять судебное преследование и назначать наказание за деяния, совершенные до его принятия, действует несправедливо, деспотично и вразрез с основными принципами свободного правления»³⁷. При этом истинной целью наказания названо не «истребление рода человеческого», а исправление, поэтому

³⁴ Конституция Соединенных Штатов Америки // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учебное пособие / сост. В.В. Маклаков. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 558.

³⁵ Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / под ред. В.А. Туманова. М.: Юрист, 2005. С. 196.

³⁶ Шоню П. История Латинской Америки / пер. с фр. Е.А. Ермаковой. М.: АСТ, 2008. С. 84.

³⁷ La constitucion federal de Venezuela de 1811 y documentos afines // Biblioteca de la Academia Nacional de la Historia. Caracas – Venezuela, MCMLIX. P. 197 (здесь и далее перевод с испанского Ю. Ливадной).

кровавые законы подлежат сокращению; наказания не должны быть чрезмерными, несоответствующими тяжести совершенного преступления, жестокими и бесчеловечными (статья 171). В статье 23 Апачинганской конституции от 22 октября 1814 года в Мексике провозглашалось, что «только закон должен назначать необходимые и соразмерные преступлениям наказания, которые направлены на пользу обществу»³⁸. Спустя десятилетие в статье 146 Федеральной Конституции Объединенных Мексиканских государств 1824 года было закреплено, что «позор наказания не минует преступника, заслужившего его по закону»³⁹. Несмотря на некоторый процессуальный уклон конституционно-правовое закрепление признаков противоправности и наказуемости очевидны также в статье CXVIII Конституции Аргентины 1819 года: «Ни один житель государства не может быть наказан или заключен под стражу без приговора суда, вынесенного в порядке, установленном законом», и в статье 105 Конституции Боливии 1826 года: «Ни один боливиец не может быть судим по гражданским и уголовным делам иначе как компетентным судом, ранее назначенным в соответствии с законом»⁴⁰.

Более поздние конституционно-правовые нормы характеризуются во многом схожей позицией законодателя в отношении признаков противоправности и наказуемости. Так, в соответствии со статьей 196 Конституции Венесуэлы 1830 года «ни один венесуэлец не должен быть судим, а тем более наказан, за исключением случаев совершения преступления или проступка, предусмотренного законом, вступившим в силу до его совершения...»⁴¹. Аналогичную норму содержала и статья 14 Конституции Мексики 1857 года, по которой ни один закон

³⁸ *Leyes fundamentales de Mexico 1808–1957 / direccion y efemerides de Felipe Tena Ramirez. – Mexico: Editorial Porrua, S.A., 1957. P. 34* (здесь и далее перевод с испанского Ю. Ливадной).

³⁹ Здесь и далее текст Федеральной конституции Объединенных Мексиканских государств 1824 г. приводится с сайта: Виртуальная библиотека Мигеля Сервантеса. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/constitucion-federal-de-los-estados-unidos-mexicanos-sancionada-por-el-congreso-general-constituyente-el-4-de-octubre-de-1824--0/html/> (перевод с испанского Ю. Ливадной).

⁴⁰ Здесь и далее текст Конституции Боливии 1826 года приводится с сайта Виртуальной библиотеки Мигеля Сервантеса. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/obra/constitucion-del-estado-del-19-de-noviembre-de-1826/> (перевод с испанского Ю. Ливадной).

⁴¹ Здесь и далее текст Конституции Венесуэлы 1830 года приводится с сайта Виртуальной библиотеки Мигеля Сервантеса. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/obra/constitucion-del-estado-de-venezuela-24-de-septiembre-1830/> (перевод с испанского Ю. Ливадной).

не имел обратной силы, никто не мог быть судим и приговорен, иначе как по закону, предшествующему совершению деяния.

Признак виновности занимает в конституционно-правовых нормах менее уверенные позиции, однако его можно обнаружить в самых ранних конституционных актах. Так, согласно статье 159 Конституции Венесуэлы 1811 года «каждый человек должен считаться невиновным, пока он не будет признан виновным в соответствии с законом...»⁴². А статья 30 Конституции Мексики 1814 года устанавливала, что каждый гражданин считается невиновным, пока не объявлено о его виновности.

Неслучайно особое место в нормах первых латиноамериканских конституций занимает запрет на совершение преступлений против государственной власти и общественной безопасности. Принимаемые в условиях жесточайшей борьбы различных политических сил внутри государства, первые конституции стран Латинской Америки и акты конституционного значения содержали нормы, направленные на защиту нового конституционного порядка.

Так, в соответствии со статьей 216 Конституции Венесуэлы 1811 года любое собрание вооруженных (и даже безоружных) людей, если оно не основано на приказе законной власти, рассматривалось как посягательство на общественную безопасность, и в случае оказания сопротивления подлежало разгону с применением оружия⁴³.

В торжественном акте провозглашения независимости Испанской Северной Америки от 6 ноября 1813 года признавался «преступником, виновным в государственной измене, всякий, кто прямо или косвенно противится ее независимости, защищая европейских угнетателей делом, словом или письменно, отказываясь нести расходы, давать займы и платить налоги для продолжения войны

⁴² Las constituciones de la Argentina (1810–1972) / recopilacion, notas y studio preliminary Arturo Enrique Sampay. Buenos Aires: EUDEBA, 1975. P. 276 (здесь и далее перевод с испанского Ю. Ливадной).

⁴³ См.: La constitucion federal de Venezuela de 1811 y documentos afines. P. 207.

до тех пор, пока мысль о независимости Америки не будет внушена чужеземным нациям»⁴⁴.

В статье 10 Конституции Мексики 1814 года «посягательство на суверенитет народа, совершенное отдельным лицом, организацией или городом, наказывается государственной властью как преступление против нации»⁴⁵. При этом совершение подобного преступления влечет утрату гражданства (статья 15). Аналогичным образом утрата гражданства наступала в случае предательства общественных интересов в соответствии с пунктом 1 статьи 19 Конституции Боливии 1826 года. Одним из полномочий третьей палаты конгресса в Боливии – палаты цензоров, являлось осуждение «на вечный позор узурпаторов государственной власти, выдающихся предателей и крупных преступников» (пункт 7 статьи 60).

Принятие первой конституции Аргентины 1819 года проходило на фоне борьбы двух политических сил, представленных унитариями и федералистами: первые добивались создания единого централизованного государства, возглавляемого правительством с широкими полномочиями; вторые выступали за федеративное государственное устройство при сохранении полной автономии провинций⁴⁶. В итоге конституция 1819 года закрепила унитарную форму государственного устройства, что ознаменовало временную победу сторонников сильного централизованного государства. Однако принятие конституции отнюдь не ослабило политическую борьбу, а, наоборот, привело к ее дальнейшему обострению, несмотря на то, что в статье CXXXVIII содержалась достаточно жесткая конституционно-правовая норма: «Всякий, кто посягает или способствует посягательству, направленному против настоящей Конституции, будет признан врагом государства и подлежит самым суровым наказаниям вплоть до смертной казни и изгнания в зависимости от тяжести совершенного преступления»⁴⁷.

⁴⁴ Цит. По: Хрестоматия по новой истории: учебное пособие: в 2 т. / под общ. ред. А.А. Губера и А.В. Ефимова. Т. 1. 1640–1815. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 469.

⁴⁵ *Leyes fundamentales de Mexico*. 1808–1957. P. 33.

⁴⁶ См. подробнее: Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. Новая история стран Латинской Америки. М.: Высшая школа, 1970. С. 73, 74.

⁴⁷ *Las constituciones de la Argentina (1810–1972)*. P. 277.

Эта норма в несколько измененном виде отражена и в ныне действующей Конституции Аргентины 1853 года: «Измена родине состоит исключительно в вооруженном восстании против государства в соединении с его врагами, пособничестве и оказании им содействия. Конгресс специальным законом устанавливает наказание за это преступление, которое, как и позор, которым покрывает себя преступник, не распространяется на его родственников любой степени родства» (статья 119)⁴⁸.

Особое внимание в конституции Венесуэлы 1811 года было уделено правонарушениям в области избирательных прав. В соответствии со статьями 211 и 212 гражданам запрещалось появляться с оружием на приходских и избирательных собраниях под угрозой лишения права голоса и участия в подобных собраниях в течение 10 лет; попытка купить или продать голоса в упомянутых собраниях либо принудить к тому или иному выбору путем угроз, интриг, иных действий влекла за собой исключение из ассамблеи и запрет занимать государственные должности в течение 20 лет, а в случае неоднократных нарушений — навечно.

В одной из последующих конституций указанные нормы были несколько смягчены. Так, статья 44 Конституции Венесуэлы 1830 года сохраняла запрет присутствовать на выборах с оружием, однако была лишена санкции. А в соответствии со статьей 46 купля-продажа голосов во время избирательной кампании вела к утрате права избирать и быть избранным в течение четырех лет, и это в дополнение к наказаниям, установленным законом.

Если конституционно-правовой запрет на совершение преступлений против государства отличается известной долей консерватизма и до настоящего времени сохранен в основных законах стран Латинской Америки в мало измененном виде, то конституционно-правовые нормы, отражающие вопросы привлечения к ответственности высших должностных лиц государства, обладают высокой степенью мобильности. Представляется, что тенденции к их изменению в сторону большей или меньшей регламентации порядка привлечения к ответственности,

⁴⁸ Статья 100 в первоначальном варианте Конституции Аргентины 1853 г.

расширения или сокращения перечня возможных правонарушений или их характеристик обусловлены внутренними политическими процессами, происходящими в момент принятия конституции.

Так, в соответствии со статьей 69 Конституции Венесуэлы 1811 года неприкосновенность сенаторов и представителей гарантировалась во всех случаях, за исключением государственной измены или нарушения общественного порядка. В свою очередь, представители исполнительной власти незамедлительно отстранялись от должности в случае обвинения их Сенатом в измене, продажности или в присвоении власти (статья 109). Дальнейшая история конституционного развития Венесуэлы несколько изменила подход законодателя к ответственности высших должностных лиц государства. По нормам Конституции 1830 года депутаты и сенаторы обладали неприкосновенностью во время исполнения своих полномочий, за исключением случаев совершения ими преступлений, которые наказывались смертной казнью (статья 83). Президент или вице-президент привлекались к ответственности в случае измены Республике, совершенной либо в интересах иностранной державы, либо при попытке изменить форму правления; за нарушение Конституции; за совершение любого из преступлений, которые по закону подлежат наказанию в виде смертной казни или позорящему наказанию (статья 122). Члены Верховного суда также подлежали ответственности за совершение измены «против независимости и признанной формы правления, против принесенной присяги, за взяточничество» (статья 148).

В соответствии со статьями 59 и 150 Конституции Мексики 1814 года депутаты и члены правительства привлекались к ответственности за совершение преступлений ереси и вероотступничества, а также преступлений против государства, связанных с нелояльностью к власти, с хищением и растратой государственных средств. Кроме того, члены правительства отвечали за нарушения запрета задерживать любого гражданина на срок свыше 48 часов без передачи задержанного в компетентный суд⁴⁹.

⁴⁹ См.: *Leyes fundamentales de Mexico 1808–1957*. P. 38, 47, 49.

Конституция Мексики 1824 года несколько изменила как субъектный состав высших должностных лиц, так и перечень возможных правонарушений (статьи 38 и 39), которые подлежали рассмотрению палатами депутатов и сенаторов в качестве судебного органа:

1) президент федерации – за измену национальной независимости, либо изменение установленной формы правления, взяточничество или подкуп, совершенные во время его нахождения в должности; за действия, явно направленные на воспрепятствование выборам президента, сенаторов и депутатов, а также осуществлению палатами своих полномочия;

2) вице-президент – за любые преступления, совершенные им во время нахождения в должности;

3) члены Верховного суда и государственные секретари – за любые преступления, совершенные во время их работы;

4) губернаторы штатов – за нарушение федеральной Конституции; за нарушение законов Союза или указов президента федерации, если эти акты не являются очевидно противоречащими Конституции и общим законам Союза; за публикацию законов или указов законодательных органов своих штатов, принятых вопреки Конституции и федеральным законам.

Согласно статье 103 Конституции Мексики 1857 года ответственности подлежали члены Конгресса Союза, члены Верховного суда и государственные секретари за общеуголовные преступления, совершенные в течение срока их полномочий, за преступления, проступки или упущения, совершенные ими при исполнении своих обязанностей; губернаторы штатов – также за нарушение Конституции и федеральных законов. Президент Республики мог быть привлечен к ответственности только в случае государственной измены, явного нарушения Конституции, посягательства на избирательные права и серьезные уголовные преступления⁵⁰.

В соответствии с нормами первой конституции Аргентины 1819 года палата представителей обладала исключительным правом выдвигать обвинение по своей

⁵⁰ См.: *Leyes fundamentales de Mexico 1808–1957*. P. 624.

собственной инициативе или по инициативе любого представителя трех ветвей власти в отношении государственных министров, дипломатических представителей, архиепископов и епископов, генералов армий, губернаторов провинции и высших судей, должностных лиц более низкого ранга в случае совершения государственной измены, хищения и растраты государственных средств, нарушения Конституции или других преступлений, которые в соответствии с законами заслуживают смертной казни или позорящего наказания (статья VIII). Сенаторы и представители могли быть подвергнуты аресту только в случае задержания их на месте преступления, за совершение которого предусмотрена смертная казнь, позорящее или иное мучительное наказание (статья XXVI)⁵¹.

Согласно конституции Аргентины 1853 года палате депутатов предоставлялось право обвинения президента, вице-президента, министров, членов обеих палат, членов Верховного суда и губернаторов провинции в государственной измене, хищении и растрате государственных средств, нарушении Конституции или в других преступлениях, которые заслуживают позорящего наказания или смертной казни (ст. 41)⁵². Действующая редакция данной конституционной нормы предоставляет палате депутатов исключительное право выдвигать перед сенатом обвинение против президента, вице-президента, главы кабинета министров и членов Верховного суда в случаях привлечения к ответственности, которую указанные лица должны нести за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, либо за совершение преступления при их исполнении, либо за общие преступления после выдвижения против них обвинения, утвержденного большинством в две трети от присутствующих депутатов (статья 53). Депутаты и сенаторы с момента их избрания и до момента сложения полномочий не могут быть арестованы; исключением являются случаи, когда их застали на месте преступления, которое заслуживает смертной казни или позорящего наказания (статья 69)⁵³.

⁵¹ См.: Las constituciones de la Argentina (1810–1972). P. 269, 271.

⁵² Там же. P. 362.

⁵³ См.: Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 1. С. 25, 27.

В Боливии исключительное право обвинения вице-президента и государственных министров в случае государственной измены, хищений или грубого нарушения основных законов государства принадлежало палате цензоров (статья 52 Конституции 1826 года). Представители законодательного органа власти в соответствии со статьей 32 не могли быть подвергнуты заключению во время исполнения своих полномочий, кроме как по решению соответствующей палаты, а также если они задержаны на месте преступления, за совершение которого предусмотрена смертная казнь.

В отличие от особенностей освободительной борьбы стран Испанской Америки, итогом которой стало образование государств с республиканской формой правления, Бразилия получила независимость от португальской метрополии, сохранив монархию во главе с принцем-регентом Педру, сыном короля Португалии Жуана VI.

Уверенные позиции Педру I во внутренней политике нашли отражение в монархической конституции Бразилии, которую император октроировал в 1824 году. По мнению исследователей, «конституция предусматривала своеобразное разделение власти, которое должно было замаскировать самодержавие императора»⁵⁴. Так, в ней предусматривались нормы об ответственности представителей ветвей власти, кроме, безусловно, самого императора, личность которого «неприкосновенна и священна: он не подлежит какой-либо ответственности»⁵⁵ (статья 99 Конституции).

Согласно статье 133 государственные министры отвечали за: государственную измену; взяточничество, подкуп или хищение; злоупотребление властью; несоблюдение закона; какие-либо действия, посягающие на свободу,

⁵⁴ Жидков О.А. История государства и права стран Латинской Америки: учебное пособие для вузов/ отв. ред. О.А. Зубрицкий; Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. М., 1967. С. 82.

⁵⁵ Здесь и далее текст конституции Бразилии 1824 года приводится с официального сайта Джорджтаунского университета США. URL: <http://pdba.georgetown.edu/Constitutions/Brazil/brazil1824.html> (перевод с португальского Ю. Ливадной).

безопасность или имущество граждан; какие-либо расточительные действия в отношении общественных благ.

Депутаты и сенаторы могли быть задержаны только на месте преступления, за совершение которого предусматривалось наказание в виде смертной казни. Во всех остальных случаях их задержание допускалось только по решению соответствующей палаты Генеральной Ассамблеи (статья 27).

Согласно статье 156 Конституции Бразилии представители судебной власти привлекались к ответственности за злоупотребление властью и должностные правонарушения.

Анализ конституционно-правовых норм рассмотренных основных законов стран Америки позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, конституционное развитие государств Америки, а особенно Латинской Америки, обозначило тенденцию к регулированию в конституционно-правовых нормах отдельных признаков правонарушения, а именно – противоправности, наказуемости и виновности, с акцентом на том или ином из них либо с отражением всех перечисленных признаков;

во-вторых, очевидно стремление законодателя не только закрепить перечень деяний, влекущих применение государственных мер воздействия, отраженных в конституционно-правовых нормах, но и дать им конституционно-правовое определение (например, государственная измена);

в-третьих, конституционно-правовыми нормами детально урегулированы вопросы оснований наступления юридической ответственности высших должностных лиц государства, порядок привлечения к ней и перечень негативных последствий такого привлечения в виде установления конституционно-правовых санкций (например, отрешение либо отстранение от должности, лишение неприкосновенности, утрата избирательного права).

§ 3. Основания и механизм привлечения к юридической ответственности в первых конституциях стран Азии

Во второй половине XIX века Османская империя столкнулась со сложной внешнеполитической ситуацией, обусловленной ослаблением ее позиций на международной арене в результате русско-турецкой войны 1828–1829 годов, Крымской войны 1853–1856 годов и угрозой интервенции европейских государств. Также крайне нестабильной была внутренняя обстановка в связи с массовыми вооруженными антитурецкими выступлениями в балканских провинциях империи, с длительным противостоянием блока «младотурок» – сторонников введения конституции, и приверженцев старого режима, а также рядом государственных переворотов со сменой султанов⁵⁶. На этом фоне 23 декабря 1876 года была провозглашена первая турецкая конституция. По мнению исследователей, «для своего времени это был, несомненно, прогрессивный акт»⁵⁷. Данное утверждение справедливо и в контексте конституционного определения признаков противоправности и наказуемости правонарушений. Так, в соответствии со статьей 10 Конституции «никто, ни под каким предлогом, не может быть подвергнут какому-нибудь наказанию, помимо случаев, определенных законом и согласно предписываемым им формам»⁵⁸.

Кроме того, конституционно-правовыми нормами достаточно подробно урегулированы вопросы привлечения к ответственности высших должностных лиц государства, за исключением султана, личность которого согласно статье 5 признавалась священной и неприкосновенной.

⁵⁶ См. подробнее: Петросян Ю.А. Османская империя. М.: Алгоритм, 2013. С. 187–236.

⁵⁷ Миллер А.Ф. 50-летие младотурецкой революции. М.: Знание, 1958. С. 7.

⁵⁸ Здесь и далее текст Конституции 1876 года приводится из книги А. Убичини. П. де-Куртейль. Современное состояние Оттоманской империи: Статистика, правление, администрация, финансы, армия, общины немусульманские и пр.: По официальному ежегоднику на 1875–1876 г. (Салмане на 1293 г. хиджры) и по другим новейшим документам. СПб.: Тип. О.И. Бакста, 1877. С. 216–234.

Министры привлекались к ответственности в особом судебном порядке за действия и поступки по управлению своими ведомствами. Право возбудить процедуру привлечения министра к ответственности принадлежало членам палаты депутатов (статья 31). Если после подготовки в отделении палаты мотивированной жалобы на министра было принято решение представить жалобу палате, то доклад, констатирующий такое решение, необходимо было зачитывать в публичном заседании; далее палата заслушивала объяснения обвиненного министра, призванного присутствовать на заседании, или его делегата, и могла постановить свое решение по поводу заключений доклада квалифицированным большинством в две трети голосов. В случае принятия этих заключений адрес, требующий отдачи под суд обвиненного министра, должен был направляться великому визирю, который представлял его на утверждение султана и затем направлял в верховный суд на основании императорского ирадэ (повеления султана). При этом министр, дело которого рассматривалось обвинительной камерой верховного суда, отстранялся от своей должности «до тех пор, пока он не будет оправдан в возведенном против него обвинении» (статья 34).

Рассмотренные нормы Конституции 1876 года демонстрируют, что уже в конце XIX века конституционные санкции, а именно – отстранение от должности применялось к высшим должностным лицам государства без реализации признака виновности правонарушения, т.е. до судебного признания министра виновным в совершении инкриминируемых ему деяний.

Конституционно-правовое регулирование вопросов отстранения от должности сенаторов и депутатов отличалось указанием либо на характер деяний, служивших основанием для привлечения к ответственности, либо на вид уголовного наказания, применение которого лишало депутатов и сенаторов их звания. Так, в соответствии со статьей 48 сенаторы и депутаты лишались своих званий в случае их обвинения в измене, покушении на нарушение Конституции или в подкупе, если это обвинение было поддержано квалифицированным большинством в две трети голосов соответствующей палаты. Кроме того, всякий

сенатор или депутат лишался своего статуса, если на основании закона был приговорен к тюремному заключению или ссылке.

Однако все прогрессивные нормы Конституции 1876 года нивелировались статьей 113, в соответствии с которой «его величеству султану принадлежит исключительное право изгонять из пределов территории империи тех лиц, которые, на основании сведений, заслуживающих доверия и собранных полицейским управлением, будут признаны наносящими ущерб безопасности государства». Как показала дальнейшая история Османской империи, правоприменение именно этой нормы обеспечило нежизнеспособность Конституции 1876 года⁵⁹.

Во второй половине XIX века Япония, с начала XVII века проводившая, как и ее соседи (Китай, Корея), политику изоляции, столкнулась с реальной угрозой евро-американской колонизации. Если Российская империя вела себя достаточно мирно, то экспедиция американского коммодора Перри характеризовалась прямой угрозой вооруженного вторжения в случае сохранения закрытости⁶⁰.

В этих условиях модернизаторская группировка князей – дайме, преимущественно с южных островов, решила устранить архаический изоляционистский режим сегуната и передать полноту власти императору на передовых европейских основах, т.е. создать конституционную монархию. После непродолжительной вооруженной борьбы со сторонниками старого режима этот курс был оформлен в виде серии реформ, известных как Революция Мэйдзи⁶¹, правовым закреплением которых стала первая японская конституция 1889 года.

При сохранении полной неприкосновенности особы императора для отдельных должностных лиц государства устанавливалась ограниченная неприкосновенность. Так, члены обеих палат в течение сессии не могли быть задержаны иначе, как с согласия парламента, исключая случаи задержания на месте преступления или же за преступные деяния, связанные с

⁵⁹ См.: Миллер А.Ф. Указ. соч. С. 8.; Петросян Ю.А. Указ. соч. С. 238.

⁶⁰ См. подробнее: Норман Г. Возникновение современного государства в Японии. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 25–34.

⁶¹ См. подробнее: Богданович Т.А. Очерки из прошлого и настоящего Японии. СПб.: Тип. товарищества «Просвещение», 1905. С. 224–247.

внутренними волнениями либо с войной за пределами государства (статья 53)⁶². Судьи не могли быть отрешены от должности иначе, как за наказуемые деяния по приговору уголовного или дисциплинарного суда (абзац 2 статьи 58). Очевидно, что названные нормы характеризуются применением конституционных санкций – лишением статуса членов палат парламента, отстранением от должности, а следовательно, речь идет об иной, отличной от уголовной, юридической ответственности.

К середине XIX века социально-экономическое и политическое положение Ирана было крайне тяжелым. На фоне господствовавших в стране феодальных отношений с низким уровнем развития производительных сил росло проникновение на рынок товаров иностранных держав, главным образом Англии и России, что наносило тяжелый удар по местному ремеслу. Все это осуществлялось в условиях ослабления государственной власти, когда «шах, его министры, губернаторы и ханы фактически превратились в послушных проводников политики иностранных держав и почти ничего не предпринимали для развития страны»⁶³. Недовольство таким положением уже в 1848–1852 годах вызвало весьма кровопролитные массовые выступления под руководством Баба, лидера религиозной шейхитской секты⁶⁴. Таким образом, к началу XX века Иран подошел в ситуации обострения экономических и общественно-политических противоречий, обусловивших назревание революционной ситуации. По мнению М.С. Иванова, «этими противоречиями были, во-первых, противоречия между потребностями прогрессивного для того времени буржуазного развития страны и господством отсталых средневековых пережитков в общественно-экономическом строе и, во-вторых, противоречие между политикой империалистических держав и

⁶² Здесь и далее текст Конституции Японской империи 1889 г. приводится из книги: Конституции буржуазных стран. Т. I: Великие державы и западные соседи СССР. М.–Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1935. С. 190–197.

⁶³ Анаркулова Д.М. Социально-политическая борьба в Иране в середине XIX в. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 19.

⁶⁴ См. подробнее: Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 105.

стремлением народа Ирана к укреплению национальной независимости и самостоятельности»⁶⁵.

9 сентября 1906 года Мозаффар од-Дин-шах утвердил положение о выборах в меджлис, а 30 декабря подписал первую конституцию страны. После его смерти в 1907 году вопрос об ограничении власти шаха «приобрел особую важность, так как новый шах, Мохаммед Али, упорно противился тому, чтобы отказаться от контроля над армией и казной»⁶⁶. Это вызвало новую волну революционного движения, которое удалось обуздать только с приходом к власти Реза-хана и установлением в Иране «харизматического лидерства», с последующим завоеванием им абсолютной власти⁶⁷.

Основной закон Ирана 1906 года представляет определенный интерес для анализа вопроса возникновения и развития оснований привлечения к юридической ответственности, поскольку имеет ряд характерных особенностей, отличных от исторического опыта других государств. Так, он гарантировал неприкосновенность членам Национального совета даже в случае, если кто-либо из них совершил преступление или проступок и был арестован на месте преступления. Наказание в отношении члена Национального совета могло быть приведено в исполнение лишь с ведома меджлиса (статья 12)⁶⁸.

Ограничивались основания и порядок привлечения к ответственности представителей судейского корпуса. Так, судья гражданского суда мог быть временно или окончательно уволен от своей должности не иначе, как по судебному приговору и при наличии доказательств его виновности (статья 81 Дополнения к Основному закону Ирана от 8 октября 1907 г.).

Достаточно подробно урегулированы вопросы оснований и порядка привлечения к ответственности министров. Так, они подлежали ответственности

⁶⁵ Иванов М.С. Иранская революция 1905–1911 годов. М.: Изд-во ИМО, 1957. С. 506, 507.

⁶⁶ Годс М. Реза. Иран в XX веке. Политическая история / пер. с англ. И.М. Дижур. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 53.

⁶⁷ Там же. С. 126–142.

⁶⁸ Здесь и далее текст Основного закона Ирана 1906 года и Дополнения к Основному закону Ирана 1907 г. приводится из книги: Конституции государств Ближнего и Среднего Востока. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. С. 175–199.

«перед священной особой Его Величества» в случае, если меджлис усмотрит какое-либо нарушение или невыполнение законов. При этом министру предоставлялось право дать объяснение, и если будет установлено, что он действовал ошибочно и издал «какой-либо письменный или устный приказ от имени священной особы Его Величества, противоречащий какому-либо из действующих и получивших высочайшее одобрение законов, то он должен будет признать свою ошибку и нерадивость и отвечать по закону» (статьи 27, 28). Если министр не сможет оправдать своих действий получившими высочайшее утверждение законами, и если будет установлено, что он действовал в противоречии с законами или превысил свои полномочия, то меджлис возбуждает ходатайство перед Его Величеством об отставке министра, а если его вина будет точно доказана на суде, то впредь он не сможет занимать государственные должности (статья 29). В статье 61 Дополнения к основному закону Ирана от 8 октября 1907 года предусматривалась, помимо индивидуальной ответственности министров за дела, непосредственно относящиеся к их министерству, их коллективная и солидарная ответственность перед обеими палатами за свои действия по вопросам, имеющим общий характер. Если палата Национального совета или сенат абсолютным большинством голосов заявят о своем недоверии Совету министров или одному из министров, то Совет министров или этот министр должны выйти в отставку (статья 67). В случае предания министра суду палатой Национального совета или сенатом либо же в случае возбуждения против него лично обвинения теми или иными лицами в связи с его служебной деятельностью, преступление и наказание определялись по особому закону.

Анализ первых конституций Турции, Японии и Ирана позволяют сделать следующие выводы:

во-первых, для рассмотренных конституций стран Азии характерна ведущая роль признака наказуемости понятия правонарушения;

во-вторых, достаточно четко регламентированы порядок и основания привлечения высших должностных лиц к конституционной ответственности. Особенно этот институт развит в части конкретизации таких деяний депутатов,

совершение которых влекло за собой применение установленных мер ответственности (Османская империя, Япония), и в отношении детализации порядка привлечения к ответственности министров (Османская империя, Иран);

в-третьих, наиболее распространенной конституционной санкцией в этих странах являлось отрешение от должности. Причем указанная санкция могла быть применена как до вынесения приговора судом (Османская империя), так и после (Иран).

§ 4. Возникновение и развитие института привлечения к конституционной ответственности в период зарождения российского конституционализма

По мнению большинства исследователей отечественного конституционного права⁶⁹, конституционное развитие нашей страны началось с издания 17 октября 1905 года императором Николаем II Высочайшего Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», который был нацелен на принятие мер «к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий», и даровал «населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»⁷⁰. В 1906 году в соответствии с Манифестом был принят Свод основных государственных законов, а также ряд нормативных правовых актов конституционного значения, анализ которых дает основание сделать следующие выводы.

⁶⁹ См., например: Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. Т. 1. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 201–203; Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1997. С. 36; Чиркин В.Е. Конституционное право в Российской Федерации. М.: Юрист, 2001. С. 39.

⁷⁰ Текст Высочайшего Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. приводится из книги: Ольденбург С.С. Царствование Николая II. М.: АСТ, 2003. С. 343, 344.

Во-первых, акты конституционного значения Российского государства содержали положения, отражающие общемировые тенденции определения в конституционно-правовых нормах отдельных признаков правонарушения (по большей части – преступления), в частности, противоправности и наказуемости: «Никто не может быть судим и наказан иначе, как за преступные деяния, предусмотренные действовавшими во время совершения сих деяний уголовными законами, если притом вновь изданные законы не исключают совершенных виновными деяний из числа преступных»⁷¹ (статья 74 Основных Государственных Законов).

Во-вторых, в конституционно-правовых нормах определялись основания и порядок привлечения к ответственности высших должностных лиц, за исключением священной и неприкосновенной особы Государя Императора. Однако не будет преувеличением утверждать, что в отечественных актах конституционного уровня отражение этих вопросов носило, по сравнению с нормами подобных актов зарубежных стран, беспрецедентный характер в части детальной проработки оснований и порядка привлечения к ответственности названных субъектов.

Так, согласно статьям 123, 124 Основных Государственных Законов председатель Совета министров, министры и главноуправляющие отдельными частями были ответственны перед государем императором за общий ход государственного управления; при этом каждый из них нес персональную ответственность за свои действия и распоряжения. В случае же совершения должностных преступлений председатель Совета министров, министры и главноуправляющие отдельными частями подлежали гражданской и уголовной ответственности согласно закону. При этом в соответствии с пунктом 4 статьи 68 Учреждения Государственного совета устанавливалось особое полномочие Первого департамента Государственного Совета по ведению дел об ответственности за нарушения долга службы председателем Совета министров,

⁷¹ Свод Законов Российской Империи. Т. I. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/169/18.html>

министрами и главноуправляющими отдельными частями, наместниками и генерал-губернаторами, а также об ответственности за преступные деяния, совершенные членами Государственного Совета и членами Государственной Думы при исполнении или по поводу исполнения ими обязанностей, и о предании суду за совершение должностных преступлений прочих высших чинов.

Законодатель дифференцировал порядок привлечения к ответственности или освобождения от нее для разных категорий высших должностных лиц. Так, по окончании следствия Первый департамент Государственного Совета мог вынести постановление либо о прекращении дела, либо о наложении на привлеченного к ответственности взыскания без суда, либо о предании обвиняемого суду в отношении всех указанных выше должностных лиц, за исключением членов Государственного Совета и членов Государственной Думы, по поводу которых могло быть вынесено постановление либо о прекращении дела, либо о предании обвиняемого суду (статья 92).

В свою очередь, члены Государственной Думы, помимо прочих оснований, не обусловленных совершением правонарушения, лишались своего статуса в следующих случаях:

1) совершение дисциплинарного проступка, «если член Государственной Думы не посетит ни одного ее собрания в продолжении целого года без отпуска» (пункт 5 статьи 18 Учреждения Государственной Думы);

2) совершение преступлений, предусмотренных в пунктах 1, 2, 8 статьи 10 и пунктах 1, 2, 7 статьи 228 Положения о выборах в Государственную Думу 1907 года, а именно:

– преступных деяний, влекущих за собой лишение или ограничение прав состояния, либо исключение из службы, а равно кражи, мошенничества, присвоения вверенного имущества, укрывательства похищенного, ростовщичества, покупки и принятия в заклад заведомо краденого или полученного через обман имущества (при этом последующее за осуждением освобождение от наказания за давностью, либо в связи с примирением, либо в силу помилования не принималось во внимание);

– преступных деяний, повлекших наказание в виде отрешения от должности
– в течение трех лет со времени отрешения (при этом последующее освобождение от наказания за давностью либо в силу помилования не принималось во внимание);

– уклонения от воинской повинности;

3) признание несостоятельными в судебном порядке, «кроме тех, несостоятельность которых признана несчастною» (пункты 6 статьи 10 и 5 статьи 228 Положения о выборах в Государственную Думу 1907 года);

4) нарушение моральных либо общепринятых норм поведения неправового характера, что повлекло лишение духовного сана или звания за пороки, или же исключение из среды обществ или дворянских собраний по приговорам соответствующих сословий (пункты 8 статьи 10 и 7 статьи 228 Положения о выборах в Государственную Думу 1907 года).

В более ранних документах, также вошедших в Свод законов Российской империи, есть нормы о порядке и основаниях привлечения к ответственности должностных лиц судебных и надзорных органов. Так, в соответствии с статьей 248 Учреждения Правительствующего сената 1892 года члены указанного высшего государственного органа, с начала XIX века наделенного надзорными функциями за деятельностью государственных учреждений, а с 1864 года – также полномочиями высшей кассационной инстанции (статья 3 Учреждения Правительствующего сената), привлекались к ответственности за совершение должностных преступлений.

Порядок и основания привлечения к ответственности судей определялись Учреждением судебных установлений 1892 года. По общему правилу статьи 261 должностные лица судебного ведомства подвергались ответственности либо в порядке дисциплинарного производства, либо по приговорам уголовного суда.

При этом принудительное освобождение от должностей судей могло быть применено в следующих случаях:

1) по дисциплинарным основаниям: если лица, определенные к судебным должностям, не явились на службу в установленные сроки (не позднее одного месяца со дня определения их к должности; если место службы находилось на

расстоянии свыше ста верст, то прибавлялся поверстный срок – по одному дню за каждые пятьдесят верст) без особо уважительных причин (статьи 224, 228);

2) по решению Высшего Дисциплинарного присутствия Правительствующего сената, принятому в индивидуальном порядке с рассмотрением объяснений судьи, если:

– судья был в уголовном порядке подвергнут какому-либо взысканию или наказанию за преступление или проступок, хотя бы это и не повлекло за собой потерю права на службу (статья 295);

– судья был подвергнут личному задержанию за долги или объявлен в установленном порядке несостоятельным должником (статья 298);

3) По решению Высшего Дисциплинарного присутствия Правительствующего сената на основании обвинений, выдвинутых Министерством юстиции:

– если судья совершил такие служебные упущения, которые хотя и не влекут удаления его от должности по суду, но по своему значению или многократности свидетельствуют о несоответствии виновного в них судьи занимаемому им положению или о явном с его стороны пренебрежении к своим обязанностям (пункт 1 статьи 295-2);

– если судья вне службы совершил поступки, противные нравственности или предосудительные, которые хотя и не имели последствия в виде привлечения к уголовной ответственности, но будучи несовместимыми с достоинством судейского звания и получив огласку, лишают его необходимых для звания судьи доверия и уважения (пункт 2 статьи 295-2).

Подведем итоги сравнительно-правового анализа генезиса и развития признаков конституционного правонарушения, а также оснований и порядка привлечения к юридической ответственности в конституциях и актах конституционного значения стран мира.

Во-первых, генезис соответствующих отечественных норм и норм зарубежных государств свидетельствует о формировании конституционного деликта путем его выделения в основном из преступлений, но отчасти и из

гражданско-правовых, дисциплинарных и иных видов правонарушений. Конституционный деликт характеризовался не только наличием соответствующих конституционно-правовых санкций, но и специфическими характеристиками субъекта его совершения – высшего должностного лица государства, а также временем содеянного (в период исполнения полномочий).

С учетом влияния исторических реалий на развитие государственности в отдельных странах можно, с определенной долей условности, говорить о четырех базовых моделях развития нормативного регулирования привлечения к конституционной ответственности:

1) «либеральная модель» характерна для стран Западной Европы. Вектор конституционного развития направлен на нормативное ограничение власти монарха и назначаемых им лиц с применением системы конституционно-правовых санкций за злоупотребление властью;

2) «революционная модель» характерна для государств Латинской Америки и иных стран, освобождающихся от колониальной зависимости. Основным объектом конституционной защиты выступают обретенный национальный суверенитет и формирующееся на принципе относительного равенства гражданское общество;

3) «консервативная модель» характерна для государств Азии. Основной целью конституционно-правового регулирования является защита сложившихся общественных отношений.

4) «смешанная модель». Она построена на опыте иных государств, и в ней преобладающую роль играют национально-исторические особенности развития конституционно-правового регулирования вопросов привлечения к юридической ответственности (например, США, Россия).

Следует отметить, что отнесение России к «смешанной модели» одновременно подчеркивает: а) самобытность отечественного процесса формирования нормативного регулирования данных вопросов в части детализации порядка и условий привлечения к конституционной ответственности представителей государственной власти (председатель Совета министров,

министры, главноуправляющие, члены Государственной Думы, судьи и др.); б) присущие ей черты иных моделей. Последнее объясняется тем, что динамичное развитие института конституционной ответственности в нашей стране проходило в начале XX века, когда у российского законодателя была уникальная возможность рецепировать многолетний положительный опыт других государств. Например, в первых отечественных актах конституционного значения, как и в конституциях стран Европы, Азии и Америки, было весьма развито нормативно-правовое регулирование следующих вопросов:

- определение признаков противоправности и наказуемости понятия правонарушения;

- закрепление широкого перечня конституционных правонарушений, в том числе посягающих не только на уголовно-правовые, гражданско-правовые и дисциплинарные нормы, но и на моральные либо общепринятые нормы поведения неправового характера;

- обособление в качестве основной конституционно-правовой санкции отрешения от должности с детальной регламентацией порядка ее применения в зависимости от особенностей статуса субъекта правонарушения.

Во-вторых, конституционное развитие государств проходило под влиянием общемировых тенденций регулирования в конституционно-правовых нормах отдельных признаков понятия правонарушения, а именно: противоправности, наказуемости и виновности, с акцентом на том или ином из них либо с отражением всех перечисленных признаков.

Во-третьих, обстоятельный анализ генезиса оснований и порядка привлечения к юридической ответственности в конституциях и актах конституционного значения позволил выявить общие закономерности, характерные для всех стран, а именно – наличие двух векторов развития их конституционно-правового регулирования. С одной стороны, государства в стремлении защитить конституционный строй в нормах основных законов отразили конституционный запрет преступлений против государственной власти, общественного порядка и безопасности, адресованный неограниченному кругу субъектов. С другой стороны,

совершение отдельных видов преступлений (против государственной власти; должностных преступлений либо совершенных с использованием должностного положения, например, растрата или хищение государственной собственности; общеуголовных преступлений, за совершение которых предусмотрены наиболее тяжкие виды наказаний), по мысли законодателя, являлось основанием привлечения должностных лиц государства к конституционной ответственности с применением санкций в виде отстранения от должности, утраты мандата, лишения избирательного права и др.

Это позволяет говорить о формировании иного, отличного от остальных (например, от преступления) видов правонарушений, а именно о конституционном деликте, который выделяется не только наличием соответствующих конституционно-правовых санкций, но и характеристиками субъекта его совершения – определенного должностного лица государства, а также временем совершения деликта (в период исполнения этим лицом своих полномочий), и, как следствие, нередко обладает большей, по сравнению с иными видами правонарушений, включая преступления, степенью общественной опасности либо общественной вредности.

Выявленные в результате проведенного сравнительно-правового анализа признаки понятия конституционного деликта, сложившиеся в ходе исторического развития нормативного регулирования оснований и порядка наступления конституционной ответственности, позволят более обстоятельно изучить современную специфику и особенности состава названного правонарушения.

Глава II. Основные признаки понятия конституционного деликта

§ 1. Роль признаков общественной опасности (общественной вредности) и противоправности в процессе разграничения конституционного деликта и остальных видов правонарушений

В новейшей теории конституционного права значительное внимание исследователи уделяют изучению конституционного деликта как фактического основания конституционной ответственности. Уже не вызывает сомнений самостоятельный характер данного вида правонарушения, разработан понятийный аппарат и предложены отдельные виды оснований для классификации конституционных деликтов (по объектам посягательства и субъектам, их совершившим)⁷².

При определении понятия конституционного деликта большинство отечественных исследователей, с которыми следует согласиться, единодушны в понимании его как деяния (действия или бездействия) субъекта конституционно-правовых отношений, не соответствующего должному поведению и влекущего за собой применение мер конституционно-правовой ответственности⁷³. При этом отмечается, что понятию конституционного деликта, как и иным правонарушениям (с учетом их особенностей и отраслевой принадлежности), присущи такие признаки, как определенная степень общественной опасности или общественной

⁷² См.: Лучин В.О. Конституционные деликты // Государство и право. 2000. № 1. С. 12–19; Забровская Л.В. Конституционно-правовые деликты: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2003. С. 67–166.

⁷³ См.: Лучин В.О. Указ. соч. С. 12; Забровская Л.В. Указ. соч. С. 14; Виноградов В.А. Понятие и особенности конституционно-правовой ответственности: проблемы России, опыт зарубежных стран. М.: Институт права и публичной политики, 2003. С. 28.

В юридической литературе приводятся также текстуально несколько иные определения понятия конституционного или конституционно-правового деликта (что тождественно), однако равнозначные по смыслу с вышеизложенным (См., например: Гороховцев О.В., Бибиев А.Ш. Конституционная ответственность в Российской Федерации: монография. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2014. С. 16; Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2014. С. 48; и др.).

вредности, противоправность, виновность и наказуемость. Сложность состоит в том, что для отражения указанных признаков понятия конституционного деликта приходится руководствоваться общетеоретическим пониманием правонарушения, поскольку, как справедливо отмечает В.О. Лучин, «описание большинства конституционных деликтов неполно и настолько отличается от соответствующих характеристик, например, преступлений, административных деликтов, что требует «доставлять» их до общей модели правонарушения»⁷⁴.

Таким образом, при выборе подхода к пониманию конституционного деликта научное сообщество полагает наиболее востребованным рассмотрение его как одного из видов правонарушений с одновременным анализом особенностей понятия конституционного деликта.

Несмотря на обстоятельное исследование основных составляющих теории и практики конституционной ответственности, сохраняется целый ряд нерешенных проблем, требующих дальнейшего исследования правовой природы названного правонарушения, главной из которых по-прежнему остается конкуренция норм конституционного и иных отраслей права в тех случаях, когда деяние одновременно нарушает и конституционный, и иной отраслевой запрет. В то же время в юридической литературе подчеркивается тесное взаимодействие конституционного и, например, уголовного права. Речь идет о мерах по укреплению конституционной безопасности, которые явились следствием того, что «в настоящее время преступность приобрела принципиально новые качества, стала представлять угрозу не только отдельным гражданам (группе граждан), но и основам конституционного строя, гражданскому обществу и государству»⁷⁵.

Принимая во внимание историю возникновения и развития конституционного деликта, а также тесное взаимодействие – в области нормативного регулирования оснований конституционной ответственности – между конституционным и уголовным правом, при проведении сравнительно-

⁷⁴ Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 294.

⁷⁵ Конституционное право России / под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 614.

правового анализа названного деликта и других видов правонарушений основное внимание в настоящем параграфе уделено разграничению конституционного деликта и преступления.

В конституциях многих государств содержатся бланкетные нормы, отсылающие к отраслевому законодательству, в основном, к уголовному. При этом включение в конституцию конкретного запрета не всегда означает наличие конституционного правонарушения. Так, в соответствии с частью 2 статьи 7 Конституции Греции «пытки, нанесение любых телесных повреждений, вреда здоровью или применение психологического насилия, равно как любое иное оскорбление человеческого достоинства, воспрещаются и наказываются так, как это определено законом»⁷⁶. В Конституции Индии аналогичным образом построена статья 17, посвященная отмене неприкасаемости: «...Применение каких-либо правоограничений на основании неприкасаемости является преступлением, наказуемым по закону»⁷⁷. Включение запрета в конституцию может также означать одновременное наличие составов конституционного и уголовного правонарушения. Например, часть XLII статьи 5 Конституции Бразилии оставляет за уголовным законодательством только право определять размер наказания, закрепляя в конституционно-правовой норме запрет практики расизма как преступления, которое не имеет срока давности, не допускает освобождение от суда под залог и влечет наказание в виде лишения свободы в соответствии с законом⁷⁸.

Частью 4 статьи 3 Конституции Российской Федерации установлен запрет присвоения власти в Российской Федерации: «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону». Подобные деяния могут быть

⁷⁶ Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. Л.А. Окунькова. М.: НОРМА, 2001. С. 648.

⁷⁷ Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 2 / под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 183.

⁷⁸ См.: Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 3 / под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. С. 127.

квалифицированы по статье 278 Уголовного кодекса Российской Федерации как действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации.

Такого рода совмещения очевидно требуют научно обоснованного ответа на вопрос о том, какое из правонарушений – конституционный деликт или преступление – имеет место в случае посягательства на подобные конституционно-правовые нормы и, следовательно, к какому виду ответственности – конституционной или уголовной, либо к обоим этим видам в совокупности должно привлекаться лицо, совершившее данное деяние.

В этой связи необходимо провести сравнительный анализ конституционного деликта и иных видов правонарушений с целью выявить критерии разграничения этих понятий.

Соглашаясь с разработанным в юридической науке определением понятия конституционного деликта, диссертант предлагает рассматривать его, исходя из общетеоретического определения правонарушения, как общественно опасное или общественно вредное, конституционно противоправное, виновное либо невиновное и наказуемое деяние. Представляется, что такой подход позволит конкретизировать признаки понятия конституционного деликта и установить их взаимосвязь с элементами состава названного правонарушения.

В Российской Федерации определение понятий тех или иных видов правонарушений принадлежит отраслевому законодательству и (или) разрабатывается в научной литературе. Так, в соответствии с частью 1 статьи 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность». Трудовое законодательство под дисциплинарным проступком понимает неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей (статья 192 Трудового кодекса

Российской Федерации). Определение гражданского правонарушения как «правонарушения, предусмотренного законом или договором, например, неисполнение или ненадлежащее исполнение лицом возникших для него из договора обязанностей либо причинение какому-либо лицу имущественного вреда»⁷⁹, разработано в юридической литературе. Понятие преступления определено как в статье 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, так и в теории уголовного права, где еще в советское время сложились несколько иные подходы к определению преступления, наиболее полно отражающее основные признаки этого понятия и не противоречащее современной законодательной формулировке: преступление – это общественно опасное, противоправное, виновное и наказуемое деяние (действие или бездействие)⁸⁰.

Анализ действующих конституций зарубежных стран позволяет выявить отдельные признаки (противоправность, наказуемость и виновность) понятия правонарушения (например, абзац 2 статьи 103 Основного закона Германии, абзац 2 статьи 25 Конституции Италии, § 10 главы 2 Конституции Швеции, пункт 6 статьи 49 Конституции Венесуэлы, абзац 1 статьи 72 Конституции Вьетнама, и другие). В соответствии с частью 2 статьи 54 Конституции Российской Федерации никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Синтез базовых признаков этого понятия, закрепленных в нормах основных законов государств, позволяет дать его конституционно-правовое определение: правонарушение – это деяние, виновность в совершении которого и (или) наказуемость которого устанавливается в соответствии с законом, действующим на момент его совершения. В то время как общественная опасность (общественная вредность) остается за рамками конституционно-правового регулирования. Между тем представляется, что именно

⁷⁹ Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. С. 452.

⁸⁰ См.: Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Государственное Изд-во юридической литературы, 1961. С. 29; Герцензон А.А. Уголовное право. Общая часть. М.: Издание РИО ВЮА КА, 1946. С. 124; Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. С. 202.

признак общественной опасности (общественной вредности) является ключевым для понимания правовой природы конституционного деликта и разграничения этого понятия с другими видами правонарушений.

В отечественной юридической науке принята общетеоретическая концепция о наиболее высокой степени общественной опасности преступления по сравнению с иными видами правонарушений⁸¹. Однако исследования правовой природы конституционных деликтов, проводимые в течение двух последних десятилетий, заставляют усомниться в справедливости этого подхода. Как отмечает Л.В. Забровская, «что касается конституционно-правовых деликтов, то общественная вредность многих из них достигает уровня общественной опасности по своим политическим, экономическим, социальным и правовым последствиям»⁸². Полагаем, сегодня можно утверждать, что ряд конституционных деликтов, с учетом степени их общественной опасности и специальных характеристик субъекта правонарушения, представляют более высокую угрозу охраняемым законом общественным отношениям, правам и интересам, чем аналогичные преступления, совершенные иными субъектами права. Так, Президент Российской Федерации может быть отстранен от должности, если он совершил государственную измену или иное тяжкое преступление (статья 93 Конституции Российской Федерации). Аналогичная норма содержится, например, в Конституции Республики Беларусь (часть 2 статьи 88)⁸³. Бесспорно, что подобные деяния высших должностных лиц того или иного государства представляют собой наибольшую общественную опасность.

В отдельных государствах конституционно-правовые нормы закрепляют перечень преступлений, совершение которых может привести к утрате неприкосновенности:

члена парламента (например, в соответствии со статьей 102 Конституции Беларуси – государственная измена или иное тяжкое преступление; пункт 13 статьи

⁸¹ См., например: Теория государства и права / под ред. А.В. Малько. М.: КНОРУС, 2014. С. 271; Лазарев В.В. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2015. С. 416.

⁸² Забровская Л.В. Указ. соч. С. 17.

⁸³ См.: Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1. С. 315.

15 Конституции Ирландии добавляет к этому перечню преступления против мира, пункт 22 статьи 10 Конституции Королевства Бутан не распространяет иммунитет от уголовного преследования на коррупционные действия члена парламента)

или судьи (в соответствии с частью 3 статьи 129 Конституции Болгарии судья освобождается от должности, если в отношении него вступает в силу приговор, которым предусмотрено наказание в виде лишения свободы за совершение умышленного преступления; статья 99 Конституции Македонии предусматривает отставку судьи, если он осужден за совершение уголовного преступления и наказан лишением свободы на срок не менее шести месяцев.

Совершение должностных преступлений также является основанием для освобождения судьи от должности в ряде государств Центральной и Южной Америки (статья 239 Конституции Сальвадора, статья 142 Конституции Суринама, статья 76 Конституции Чили и др.).

Очевидно, что такие конституционные деликты, с учетом специального статуса их субъектов и возможных общественно опасных последствий, имеют более высокую, по сравнению с аналогичными общеуголовными преступлениями, степень общественной опасности.

Помимо специального статуса субъекта отличительной чертой рассмотренных конституционных деликтов является последовательный характер наступления конституционной и уголовной ответственности за совершение конституционного деликта, одновременно имеющего признаки преступления. Речь идет о том, что в данном случае наделенное неприкосновенностью лицо, будь то государственный орган (президент) или должностное лицо (депутат, судья) становится субъектом уголовной ответственности только после лишения его специального статуса в ходе применения конституционно-правовых санкций. Представляется, что, если в конституционно-правовых нормах будет закреплено, в качестве основания для лишения неприкосновенности специального субъекта, совершение им, например, административного либо дисциплинарного проступка, порядок наступления конституционной и иной отраслевой ответственности будет аналогичным.

Конституционному праву зарубежных стран также известны случаи закрепления в конституционно-правовых нормах оснований освобождения от должности членов правительства и привлечения их к ответственности (например, в соответствии со статьей 156 Конституции Польши члены Совета министров привлекаются к ответственности за преступления, совершенные в связи с занимаемой должностью; за должностные преступления могут быть привлечены к ответственности и государственные министры в Бразилии (пункт I статьи 52 Конституции Бразилии). Представляется, что в отношении министров, за исключением имеющих статус, приравненный к статусу депутатов (например, в соответствии с частью 3 статьи 103 Конституции Албании члены Совета министров обладают депутатским иммунитетом⁸⁴), а также в отношении иных должностных лиц, не обладающих неприкосновенностью, в случае совершения ими конституционного деликта действует иная последовательность наступления конституционной и уголовной ответственности. В зависимости от особенностей правопорядка того или иного государства речь может идти об освобождении от соответствующей должности либо после вступления в законную силу обвинительного приговора суда, либо одновременно с началом производства по уголовному делу.

Подобная практика имеет место и в Российской Федерации. Например, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 606 А.В. Улюкаев был освобожден от должности министра экономического развития Российской Федерации в связи с утратой доверия. Основанием для отставки послужило предъявленное ему Главным управлением по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации обвинение в совершении преступления, предусмотренного частью 6 статьи 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (получение взятки лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации, с вымогательством взятки и в особо крупном размере)⁸⁵.

⁸⁴ См.: Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1. С. 200.

⁸⁵ См.: Следственный комитет Российской Федерации. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1080688>.

В свою очередь, нарушение конституционно-правовых норм, которые криминализируют те или иные виды деяния, но не предполагающих специального характера субъекта, по степени общественной опасности равнозначно нарушению аналогичных уголовно-правовых норм, что, соответственно, приводит к возникновению только уголовной ответственности. Такое положение совпадает с выводами Шона Д.Т. о том, что «конституционная ответственность может наступать за нарушение конституции, но не всякая ответственность за ее нарушение является конституционной»⁸⁶. О важности определения порядка привлечения к ответственности для понимания ее правовой природы писал еще Н.А. Стручков; он считал, что установления одного лишь содержания ответственности, определяемого сферой общественных отношений, в которой совершено правонарушение, недостаточно для решения вопроса о видах ответственности. Ответственность характеризуется не только содержанием, но и формой, выражающейся в определенном порядке ответственности, о которой «приходится говорить потому, что нарушение правила, установленного нормами одной отрасли права, может повлечь ответственность, предусмотренную нормами не только этой отрасли права»⁸⁷.

Таким образом, одновременное нарушение и конституционно-правовой нормы, и уголовно-правового запрета может быть конституционным деликтом или преступлением, предусмотренным конституционно-правовой нормой, которая корреспондируется с соответствующей нормой уголовного закона. В этой связи особый интерес представляет место указанных деяний в общетеоретической системе правонарушений.

В теории права все правонарушения принято классифицировать в зависимости от их характера, степени общественной опасности (вредности), а также от характера санкций, применяемых за их совершение, на преступления и проступки. Отмечая меньшую степень общественной опасности проступков по

⁸⁶ Шон Д.Т. Конституционная ответственность // Государство и право. 1995. № 7. С. 37.

⁸⁷ Стручков Н.А. Правовое регулирование исполнения наказаний (основные проблемы советского исправительно-трудового права): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Всесоюзный институт юридических наук. М., 1963. С. 8.

сравнению с преступлениями, одни авторы подразделяют их на административные, дисциплинарные и гражданско-правовые (деликты)⁸⁸, другие дополняют этот перечень иными видами правонарушений, например, процессуальными и конституционными. При этом конституционные правонарушения рассматриваются обособленно от иных видов правонарушений и, что немаловажно, подчеркивается их общественно опасный характер⁸⁹. Очевидно, что в свете самостоятельного характера и высокой степени общественной опасности отдельных конституционных деликтов общая система правонарушений требует корректировки⁹⁰.

Отметим, что автор разделяет обоснованную в юридической литературе позицию о дифференциации и самостоятельном характере конституционных и муниципальных правонарушений⁹¹. Исходя из этого анализ муниципальных правонарушений находится за рамками настоящего диссертационного исследования.

В соответствии с современной концепцией общественной опасности правонарушения конституционные деликты могут быть как общественно опасными, так и общественно вредными, исходя из чего представляется, что система таких правонарушений выглядит следующим образом.

1. Общественно опасные конституционные деликты, одновременно содержащие признаки состава преступления. Так, Указом Президента Российской Федерации может быть освобожден от должности глава субъекта Российской

⁸⁸ См.: Марченко М.Н. Дерябина Е.М. Теория государства и права России: учебное пособие: в 2 т. Т. 2. Право. М.: Проспект, 2019. С. 389, 390.

⁸⁹ См.: Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права. М.: Проспект, 2015. С. 365; Теория государства и права / под ред. А.В. Малько. С. 271.

⁹⁰ См.: Ливадная Ю.А. Некоторые аспекты соотношения понятий конституционно-правового деликта и преступления // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 117–124.

⁹¹ См., например: Шугрина Е.С. Муниципальное право Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Верби, Изд-во Проспект, 2007. С. 275; Коростелева М.В. Савченко А.А. Муниципальное право Российской Федерации: учебное пособие. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2017. С. 195–197.

Федерации в связи с утратой доверия, например, в случае подозрения во взяточничестве⁹².

2. Преступления, с учетом предлагаемого в юридической литературе широкого понимания их противоправности.

Конституционный деликт предполагает нарушение конституционно-правовых норм. Это положение осложняется отсутствием единого кодифицированного акта, предусматривающего составы конституционных деликтов, что делает содержание их объективной стороны не всегда однозначным. С одной стороны, это отличает названные правонарушения от преступлений, исчерпывающий перечень которых в законодательстве большинства стран содержится в уголовном законе. С другой стороны, преступление с учетом совпадения диспозиций отдельных норм конституционного и уголовного права требует, как считает правовая доктрина, расширенного понимания противоправности. Оно подразумевает, что понятие преступления может охватывать правонарушения, предусмотренные не только уголовным, но и иным законодательством, в том числе конституционным. Такой подход позволяет объединить деяния, ответственность за совершение которых установлена как уголовным, так и конституционным законодательством. При этом конституционные нормы могут совпадать с уголовно-правовыми по диспозиции или в полном объеме.

Расширительное понимание признака противоправности преступления характерно, например, для уголовного права Скандинавских стран. Так, в соответствии с формальным определением этого понятия, содержащимся в статье 1:1 Уголовного кодекса Швеции, под преступлением понимается деяние, определяемое настоящим Кодексом или другим законом либо статутом, за которое установлено наказание в виде штрафа и тюремного заключения, условного

⁹² См., например: Указ Президента Российской Федерации от 28 июля 2016 г. № 377 «О досрочном прекращении полномочий губернатора Кировской области». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41164>; Путин отстранил от должности главу Кировской области Никиту Белых // <https://www.interfax.ru/russia/520933>.

наказания, probation и передачи на специальное попечение⁹³. Согласно параграфу 1 Уголовного кодекса Дании только деяния, наказуемые в соответствии с законом или полностью сопоставимыми с ним актами, влекут наказание и иные правовые последствия⁹⁴. В приведенных примерах противоправность подразумевает запрещенность деяния не только уголовным законодательством, но и иными нормативными правовыми актами.

Весьма интересным представляется подход к определению признака противоправности, отраженный в действующей норме Конституционного акта Канады 1982 года, в соответствии с которой перечень источников права, криминализирующих те или иные виды деяний, еще более широк: «Каждый обвиняемый в совершении какого-либо преступления имеет право: ... не быть объявленным виновным за совершение какого-либо действия или бездействие, которое в момент его совершения не рассматривалось как правонарушение в соответствии с внутренним правом Канады или международным правом или которое не было уголовным в соответствии с общими принципами права, признаваемыми сообществом наций»⁹⁵ (пункт «g» статьи 11).

3. Общественно вредные конституционные деликты. Так, в соответствии со статьями 19, 20 Федерального закона «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» основанием для лишения сенатора Российской Федерации или депутата Государственной Думы неприкосновенности может послужить совершение им административного правонарушения, предусматривающего ответственность, налагаемую в судебном порядке (например, мелкого хищения (статья 7.27 КоАП РФ) или стрельбы из огнестрельного оружия в неотведенных для этого местах (часть 2 статьи 20.13 КоАП РФ)).

⁹³ См.: Вейберт С.И. Понятие и классификация преступных деяний по уголовному законодательству отдельных стран Европейского союза // Вопросы управления. 2012. № 3. URL: vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2012/03/23.

⁹⁴ См.: Юрченко И.А. Уголовное право зарубежных стран. М.: Проспект, 2015. С. 42–44.

⁹⁵ Конституции государств Америки. Т. 1. С. 367.

В конституционном праве зарубежных стран регламентированы случаи привлечения членов парламента к конституционной ответственности по причине совершения ими дисциплинарного проступка. Так, в соответствии с частью III статьи 55 Конституции Бразилии депутат или сенатор утрачивает свой мандат, если «пренебрегает присутствием на третьей части очередных заседаний во время каждой законодательной сессии Палаты, членом которой он является...»⁹⁶. Конгрессмен в Колумбии теряет свой пост, если «отсутствует в период сессии на шести пленарных заседаниях, в которых осуществляется голосование по проектам законодательных актов, законам и постановлениям о выражении недоверия»⁹⁷ (пункт 2 статьи 183 Конституции Колумбии). Отсутствие на заседаниях парламента 30 и более рабочих дней в течение одной сессии является основанием для утраты мандата депутата в соответствии с частью 3 статьи 73 Конституции Киргизии⁹⁸. Аналогичные конституционно-правовые нормы установлены во многих государствах Карибского региона (пункт «d» части 1 статьи 31 и пункт «с» части 1 статьи 41 Конституции Антигуа и Барбуды, пункт «а» ч. 3 статьи 31 Конституции Сент-Китса и Невиса, пункт «а» части 2 статьи 27 и пункт «а» части 2 статьи 34 Конституции Сент-Люсии и др.).

В 2016 году Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. № 241-7 ГД статья 44 Регламента Государственной Думы была дополнена частью 5, согласно которой в отношении депутата Государственной Думы, отсутствующего на заседании палаты без уважительной причины, устанавливается ответственность в виде уменьшения размера ежемесячных выплат, предусмотренных пунктом «а» части третьей статьи 2 Федерального закона «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», на одну шестую за каждое пропущенное заседание палаты⁹⁹. Представляется, что в данном случае речь может идти только о дисциплинарной ответственности, и было

⁹⁶ Там же. Т. 3. С. 168.

⁹⁷ Конституции государств Америки. С. 602.

⁹⁸ Конституции государств Азии. Т. 2. С. 475.

⁹⁹ Собрание законодательства РФ. 2016. № 47. Ст. 6579.

бы ошибочным рассматривать подобные штрафные санкции как проявление конституционной ответственности.

Гражданско-правовой деликт, связанный с неисполнением долговых обязательств и повлекший признание лица несостоятельным должником, является основанием утраты мандата депутата или сенатора в некоторых государствах Азии (например, статья 75 Конституции Иордании, пункт «b» части 1 статьи 63 Конституции Пакистана).

В конституциях ряда государств закреплены положения о том, что член парламента может быть привлечен к ответственности за аморальные поступки (например, в соответствии с пунктом «с» статьи 92 Конституции Мьянмы – за действие, несовместимое с нормами морали и этики¹⁰⁰; в соответствии с пунктом «h» части 1 статьи 63 Конституции Пакистана – в случае осуждения компетентным судом по обвинению в аморальном поведении¹⁰¹).

В правоприменительной практике Российской Федерации также имеет место досрочное прекращение полномочий главы субъекта Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации за совершение деяния, фактически нарушающего исключительно нормы морали¹⁰².

4. Проступки (или иные виды правонарушений).

Анализ проблемы соотношения понятий конституционного деликта и иных видов правонарушений позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, прослеживается их устойчивая взаимосвязь, обусловленная тем, что при совершении конституционного деликта могут быть нарушены иные отраслевые нормы (например, уголовного, административного, гражданского, трудового права);

¹⁰⁰ См.: Конституции государств Азии. Т. 3. С. 570.

¹⁰¹ Там же. Т. 2. С. 638.

¹⁰² См., например: Указ Президента Российской Федерации от 29 января 2020 г. № 68 «О досрочном прекращении полномочий главы Чувашской Республики». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/eWkatlcVZqyTODoSItSbKPyBmLqMsMvo.pdf>; Отставка под ключ. Глава Чувашии уволен в связи с утратой доверия. URL: <https://rg.ru/2020/01/29/reg-pfo/glava-chuvashii-uvolen-v-sviazi-s-utratoj-doveriia.html>.

во-вторых, в ряде случаев конституционный деликт дифференцируется по признаку специального статуса субъекта конституционного деликта и по определенной последовательности наступления для него конституционной и иной отраслевой ответственности; отсутствие специального статуса субъекта исключает наличие состава конституционного деликта и требует квалификации иного вида правонарушения в зависимости от характера совершенного деяния;

в-третьих, степень общественной опасности (общественной вредности) конституционного деликта по сравнению с иными видами правонарушений позволяет говорить о том, что современная система правонарушений имеет четырехзвенную структуру и включает в себя:

- общественно опасные конституционные деликты, одновременно содержащие признаки состава преступления;
- преступления с учетом предлагаемого в юридической литературе широкого понимания их противоправности;
- общественно вредные конституционные деликты;
- проступки (или иные виды правонарушений).

Представляется, что дальнейшее исследование правовой природы конституционного деликта на основании анализа элементов его состава позволит выявить отличительные особенности рассматриваемого правонарушения не только в характеристиках субъекта, но и в объекте, объективной и субъективной сторонах.

§ 2. Особенности виновности

как элемента понятия конституционного деликта

Проблема наличия признака виновности в понятии конституционного деликта названа исследователями одной из самых актуальных проблем конституционной ответственности. При этом авторами подчеркивается ее многоаспектность. Так, С.А. Авакьян указывает на наличие пяти аспектов данной проблемы: наличие вины у субъекта ответственности – индивида; вина

коллективного субъекта; применение санкций при строго правомерном поведении субъекта; вина в случае, если санкция применяется к одному субъекту, а последствия ощущают на себе иные субъекты; ситуация, при которой не всякое неблагоприятное последствие рассматривается как санкция¹⁰³. Степень проработанности вопроса определения признака виновности конституционных деликтов позволяет говорить о наличии в нем двух ключевых аспектов.

Первый аспект – дифференциация вины индивидуального и коллективного субъектов.

Рассуждая о наличии вины у субъекта конституционной ответственности – индивида, С.А. Авакьян отмечает, что в одних случаях вина в конкретном умышленном и юридически оцениваемом деянии очевидна (глава исполнительной власти субъекта Российской Федерации, издавший акт, признанный судом противоречащим Конституции Российской Федерации и не отменивший его, в том числе по предложению Президента Российской Федерации, в результате может быть отрешен от должности). В других случаях деяние есть, но трудно найти вину в правовом смысле. Автор приводит примеры случаев отзыва депутата в связи с тем, что он, несмотря на исполнительность, не справляется с работой. Либо еще более сложная ситуация: депутат, избранный в парламент по списку политической партии, не согласен с ее позицией по какому-то вопросу и по этой причине выходит из состава парламентской фракции, что влечет решение парламента о прекращении его депутатских полномочий.

Вину же коллективного субъекта конституционной ответственности С.А. Авакьян иллюстрирует примером коллективной вины членов представительного органа власти при принятии незаконного акта, что уже само по себе является незаконным действием и может повлечь применение санкций не только в виде отмены (приостановления действия) указанного акта, но и в виде роспуска представительного органа, если акт не отменяется или не исправляется¹⁰⁴.

¹⁰³ См.: Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс. Т. 1. С. 125–127.

¹⁰⁴ Там же. С. 126.

В.А. Виноградов придерживается мнения, что не следует отождествлять виновность индивидуальных и коллективных субъектов конституционной ответственности: сущность их вины различна.

Если вина индивидуальных субъектов представляет собой внутреннее психологическое отношение лица к совершаемому деянию, то с виной коллективных субъектов конституционной ответственности (государственных органов, объединений граждан, негосударственных органов и организаций и т.д.) дело обстоит иначе. Следовательно, вопрос о правовой природе вины коллективного субъекта требует отдельного рассмотрения.

Как справедливо отмечает В.А. Виноградов, это не просто ряд индивидов, а объединение граждан (иностранных граждан, лиц без гражданства), каждый из которых выполняет возложенные на него обязанности. Это утверждение позволяет ему определить две основные особенности вины коллективного субъекта.

Во-первых, возникает вопрос о соотношении коллективной вины и вины должностных лиц, членов, участников, служащих, представителей и т.п. С одной стороны, конституционный деликт, совершаемый коллективным субъектом, всегда – результат неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей отдельными (или даже всеми) его органами, должностными лицами, членами, участниками, служащими, представителями и т.п. Отсюда иногда под виной коллективного субъекта понимается вина его органов, должностных лиц, членов, участников, служащих, представителей и иных лиц, осуществляющих деятельность коллективного субъекта в пределах установленных для них прав и обязанностей. При этом не имеет значения, допущено ли нарушение одним или несколькими лицами либо коллективом в целом. В отношении коллективных субъектов в ряде случаев можно говорить о вменении в вину. «Термин «вменение», – пишет В.А. Виноградов, предполагает определенную правовую связь между лицом (группой лиц), допустившим конституционный деликт, и коллективным субъектом, который должен нести ответственность за данное деяние, и означает, что с точки зрения конституционного права этот деликт следует рассматривать как деяние коллективного субъекта». Коллективному субъекту может вменяться в вину

поведение только тех лиц, которые находятся в определенной правовой связи с этим субъектом, а также имеют установленный круг обязанностей по исполнению полномочий данного коллективного субъекта. Коллектив, по мысли В.А. Виноградова, – это не просто сумма физических лиц, а отдельный, самостоятельный и цельный организм, обладающий определенной конституционной правосубъектностью. Будучи выраженной вовне, воля коллектива приобретает затем самостоятельный и относительно независимый характер по отношению к воле отдельных его участников. Подводя итог изучению правовой природы вины коллективного субъекта, автор отмечает, что она связана со специальной правосубъектностью коллективных субъектов и не может быть сведена к сумме личной вины отдельных лиц¹⁰⁵. О справедливости рассмотренного мнения свидетельствуют многочисленные нормы конституций стран мира, определяющие характер ответственности правительства. Так, например, в соответствии с абзацем 2 статьи 111 Конституции Хорватии «председатель, заместители председателя и члены Правительства несут солидарную ответственность за решения Правительства, а также персональную за порученную им область деятельности»¹⁰⁶. Аналогичные нормы включены в конституции Италии (абзац 2 статьи 95), Польши (статья 157), Греции (статья 85), Ирана (статья 137), Объединенных Арабских Эмиратов (абзац 1 статьи 64), Аргентины (статья 102) и др.

Прямо противоположная логика привлечения к конституционной ответственности коллективных субъектов, а именно: федерации, земель, районов, общин и других объединений, а также учреждений публичного права, отражена в абзаце 1 статьи 23 Конституции Австрийской Республики. Названные субъекты несут ответственность за ущерб, причиненный лицами, действующими в качестве их представителей при исполнении законов и виновными в противоправном поведении¹⁰⁷.

¹⁰⁵ См.: Виноградов В.А. Указ. соч. С. 49, 50.

¹⁰⁶ Конституции государств Европы. Т. 3. С. 466.

¹⁰⁷ См.: Конституции государств Европы. Т. 1. С. 42.

В любом случае следует подчеркнуть наличие устойчивой правовой связи между виной коллективного субъекта и виной его отдельных должностных лиц, которая проявляется, в первую очередь, в вопросе освобождения от ответственности. Например, Конституция Венесуэлы, предусматривая в статье 242 совместный характер ответственности за решения, принятые Советом министров, определяет основание для освобождения от нее министров, «представивших мотивы, по которым они голосовали против решения»¹⁰⁸.

Во-вторых, возможность предотвратить неисполнение конституционных обязанностей у коллективных субъектов выше в силу самого факта их существования как определенного коллектива людей (что, в частности, предполагает и наличие в нем определенных специалистов). Поэтому, пишет В.А. Виноградов, подходить к вопросу о вине индивидуального и коллективного субъекта с одной меркой было бы неправильно.

Таким образом, чтобы избежать необоснованного применения психологических характеристик по отношению к коллективным субъектам, В.А. Виноградовым «предлагается вину коллективного субъекта в совершении конституционного деликта рассматривать как неприложение коллективным субъектом допускаемых и требуемых конституционно-правовыми нормами усилий, в том числе неиспользование предоставленных прав (полномочий) и возможностей, для выполнения возложенных на него обязанностей, за нарушение которых предусмотрена конституционная ответственность»¹⁰⁹.

Разделяя мнение В.А. Виноградова, Л.В. Забровская отмечает также особенности виновности, обусловленные спецификой общественных отношений, которым конституционный деликт причиняет вред. Она единодушна с позицией В.О. Лучина о том, что «вина в конституционном праве не может быть сведена к традиционному пониманию психического отношения субъекта к деянию, не соответствующему должному поведению и его возможному общественно опасному или вредному последствию. Она ассоциируется, главным образом, с

¹⁰⁸ Конституции государств Америки. Т. 3. С. 373.

¹⁰⁹ Виноградов В.А. Указ. соч. С. 51, 52.

наличием у субъекта возможности надлежащим образом исполнить конституционные обязанности и неприятием им всех необходимых мер для того, чтобы не допустить конституционного правонарушения»¹¹⁰.

Второй аспект рассматриваемой проблемы – возможность привлечения к конституционной ответственности при отсутствии вины, причем этот вопрос актуален в отношении как индивидуальных, так и коллективных субъектов.

Н.М. Колосова указывает на наличие двух подходов к пониманию вины: первый сводится к существованию исключительных случаев наступления ответственности без вины, что относится к конституционной ответственности; второй – свидетельствует о наличии в конституционной ответственности специфической вины, так как без нее любая ответственность становится «беспредметной, бесцельной, неэффективной»¹¹¹; при этом автор в основном выражает поддержку второго подхода. Сторонником одновременно и первого и второго подхода можно назвать Л. Оппенгейма, который, говоря об ответственности государства (как коллективного субъекта – *прим. Ю.А. Ливадной*) стоял на позиции, что нет международного права без умысла или преступной небрежности. То же самое он относил к действиям должностных или других лиц, совершенным по приказу или с распоряжения какого-либо правительства. Однако в примечании автор указал, что «хотя правонарушения по отношению к другому государству, вызванные интересами самосохранения в состоянии необходимой обороны, не являются международными правонарушениями, потому что отсутствует *mens rea* (вина), они тем не менее... остаются правонарушениями. Поэтому против них возможно возражение и может быть потребовано возмещение за причиненные убытки...»¹¹².

Рассуждая о проблеме применения санкций при однозначно правомерном поведении субъекта на примерах возможного роспуска Государственной Думы

¹¹⁰ Забровская Л.В. Указ. соч. С. 20; Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 292.

¹¹¹ Колосова Н.М. Указ. соч. С. 104.

¹¹² Оппенгейм Л. Международное право. Т. I: Мир. Полутон I. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. С. 315.

Президентом Российской Федерации согласно части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации (если она трижды не дает согласие на назначение Председателя Правительства) либо согласно части 3 статьи 117 Конституции Российской Федерации (если она дважды выражает недоверие Правительству Российской Федерации), С.А. Авакьян пишет, что «остается извечным вопрос о соотношении политической и правовой ответственности, о применении мер юридической ответственности за строго политические действия»¹¹³. В отдельных случаях практика отечественного правоприменения в отношении индивидуальных субъектов исходит из формулировки «в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации». Примером является досрочное прекращение полномочий мэра Москвы Ю.М. Лужкова в 2010 году. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28 сентября 2010 г. № 1183 он был отрешен от должности в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации на основании подпункта «г» пункта 1 статьи 19 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹¹⁴. Что касается ныне действующей редакции указанной нормы, то она содержит уточняющую формулировку: «При этом основанием для утраты доверия Президента Российской Федерации является выявление в отношении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) фактов коррупции или неурегулирование конфликта

¹¹³ Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс. Т. 1. С. 127.

¹¹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 40. Ст. 5049.

В действующей на тот момент редакции подпункт «г» пункта 1 статьи 19 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» был достаточно лаконичным и определял, что полномочия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) прекращаются досрочно в случае «отрешения его от должности Президентом Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации, за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 50. Ст. 4950.

интересов как правонарушений, предусмотренных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», либо установление в отношении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) фактов открытия или наличия счетов (вкладов), хранения наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владения и (или) пользования иностранными финансовыми инструментами в период, когда такое лицо являлось зарегистрированным кандидатом на данную должность»¹¹⁵.

Следует отметить, что в Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹¹⁶, статья 1 которого вступила в силу 4 июля 2020 г.¹¹⁷, установлен конституционный запрет открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации для широкого круга специальных субъектов. В их числе:

- Президент Российской Федерации (часть 2 статьи 81 Конституции Российской Федерации);
- Председатель Правительства Российской Федерации, заместители Председателя Правительства Российской Федерации, федеральные министры, иные руководители федеральных органов исполнительной власти (часть 4 статьи 110 Конституции Российской Федерации);

¹¹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. Ст. 2274; 2013, № 19. Ст. 2329; 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4359.

¹¹⁶ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

¹¹⁷ Указ Президента РФ от 03.07.2020 № 445 «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками»// Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 03.07.2020.

- руководитель федерального государственного органа (часть 5 статьи 78 Конституции Российской Федерации);
- сенаторы Российской Федерации (часть 4 статьи 95 Конституции Российской Федерации);
- депутаты Государственной Думы (часть 1 статьи 97 Конституции Российской Федерации);
- судьи судов Российской Федерации (часть 1 статьи 119 Конституции Российской Федерации);
- прокуроры (часть 2 статьи 129 Конституции Российской Федерации);
- Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (пункт «е» часть 1 статьи 103 Конституции Российской Федерации);

Таким образом, можно говорить о тенденции к признанию обязательности признака виновности в случае привлечения к конституционной ответственности поименованных индивидуальных субъектов.

В отношении же конституционной ответственности коллективных субъектов подход к вопросу о наличии (отсутствии) этого признака, повторим, несколько более сложен. Как отмечает В.А. Виноградов, в некоторых случаях вообще невозможно определить конкретную вину того или иного лица в неисполнении или ненадлежащем исполнении коллективным субъектом своих обязанностей, а иногда это просто не имеет юридического значения¹¹⁸. Полностью разделяя позицию автора, подчеркнем, что она может быть проиллюстрирована целым рядом конституционно-правовых норм и практикой их реализации. Так, например, в соответствии с частью 3 статьи 115 Конституции Российской Федерации постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации в случае их противоречия Конституции Российской Федерации, федеральным законам и Указам Президента Российской Федерации могут быть отменены Президентом Российской Федерации. Как и в случае признания Конституционным Судом Российской Федерации того или иного федерального закона неконституционным, когда вопрос об установлении вины принявшей его

¹¹⁸ См.: Виноградов В.А. Указ. соч. С. 50.

Государственной Думы, одоббившего его Совета Федерации и подписавшего его Президента Российской Федерации просто не ставится. В приведенных примерах следует говорить о превалировании признака противоправности и непринятии во внимание признака виновности при определении оснований конституционной ответственности.

Утверждение об отсутствии вины при совершении конституционного деликта может быть справедливым, если речь идет о тех правонарушениях, которые одновременно не нарушают отраслевые запреты, предполагающие исключительно виновный характер содеянного (например, в случае совершения преступления, административного правонарушения, дисциплинарного проступка). Если же при совершении конституционного деликта одновременно совершено иное виновное правонарушение, то в данном случае виновность является обязательным признаком конституционного деликта, при отсутствии которого нет и самого правонарушения. Например, согласно статье 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» под экстремистской деятельностью (экстремизмом) понимается целый перечень деяний (насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни и др.)¹¹⁹, которые совершаются только виновно. Именно указанные деяния могут стать основанием в соответствии со статьями 42, 44 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» для приостановления деятельности и, в дальнейшем, для ликвидации (запрета) общественного объединения. Аналогичные основания применяются для ликвидации политической партии (пункт 8 статьи 41 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»)¹²⁰.

¹¹⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1). Ст. 3447; 2007. № 31. Ст. 4008; 2008. № 19 (поправка); 2014. № 30 (1). Ст. 4237.

¹²⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3029.

Однако учитывая, что конституционные деликты, совершаемые такими субъектами конституционного права, как партии, общественные объединения или иные некоммерческие организации, не ограничиваются проявлениями экстремистской деятельности, а также в целях дифференциации вины коллективного субъекта и вины отдельных его участников предлагается дополнить Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» нормами, которые устанавливают составы подобных деликтов и предусматривают ответственность за их совершение, расширив статью 33 указанного Закона:

«Статья 33. Ответственность некоммерческой организации

1. Некоммерческая организация в случае нарушения настоящего Федерального закона несет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

2. Некоммерческая организация несет ответственность, предусмотренную настоящей статьей в случае, если от ее имени или в ее интересах осуществляются организация, подготовка и совершение следующих правонарушений:

- а) экстремистской деятельности;
- б) террористической деятельности;
- в) коррупционных правонарушений;
- г) преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина;
- д) преступлений против общественной безопасности и общественного порядка;
- е) преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства;
- ж) преступлений против мира и безопасности человечества;
- з) нарушений порядка проведения публичных мероприятий, если такие нарушения создают реальную угрозу для жизни и здоровья граждан, а также для имущества физических и юридических лиц;

и) правонарушений, создающих условия для совершения правонарушений, указанных в пунктах «а» – «з» части 2 настоящей статьи.

3. В случае вступления в законную силу приговора (решения) суда за совершение правонарушений, указанных в части 2 настоящей статьи, в отношении учредителя, руководителя или члена руководящего органа некоммерческой организации, некоммерческая организация обязана в течение пяти дней со дня вступления указанного приговора в законную силу публично заявить о своем несогласии с действиями такого лица, а также в течение 30 дней со дня вступления указанного приговора в законную силу представить в уполномоченный орган в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, доказательства об отсутствии у высшего органа управления некоммерческой организации и (или) исполнительного органа управления некоммерческой организации сведений о подготовке и совершении указанных правонарушений.

Если соответствующая некоммерческая организация такого публичного заявления не сделает и (или) таких доказательств не представит, а равно в случае, если представленные доказательства будут признаны уполномоченным органом недостаточными, это рассматривается как факт, свидетельствующий о том, что упомянутые лица совершили правонарушение от имени и (или) в интересах указанной организации.

4. В случае, если вступившим в законную силу приговором (решением) суда за совершение правонарушений, указанных в части 2 настоящей статьи, в отношении члена (группы членов) некоммерческой организации установлено, что названные правонарушения совершены от имени и (или) в интересах некоммерческой организации, некоммерческая организация обязана в течение пяти дней со дня вступления указанного приговора в законную силу публично заявить о своем несогласии с действиями такого лица (таких лиц) и осуждении указанных действий.

Если соответствующая некоммерческая организация такого публичного заявления не сделает, это рассматривается как факт, свидетельствующий о том, что

упомянутые лица совершили правонарушение от имени и (или) в интересах указанной организации.

5. В случаях, предусмотренных частями 3 и 4 настоящей статьи, некоммерческие организации могут быть ликвидированы по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему соответствующего прокурора, а также уполномоченного органа.

В случае принятия судом по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, решения о ликвидации некоммерческой организации их региональные и другие структурные подразделения также подлежат ликвидации.

Оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество некоммерческих организаций, ликвидируемых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, подлежит обращению в собственность Российской Федерации. Решение об обращении указанного имущества в собственность Российской Федерации выносится судом одновременно с решением о ликвидации некоммерческой организации.

6. Применение предусмотренных настоящей статьей мер ответственности к некоммерческой организации не освобождает от ответственности за указанные в части 2 настоящей статьи правонарушения виновное физическое лицо, равно как и привлечение к уголовной или иной ответственности за указанные правонарушения физического лица не освобождает некоммерческую организацию от ответственности за данное правонарушение.

7. Положения настоящей статьи распространяются на иностранные юридические лица в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации».

Существующая в настоящее время правовая неопределенность как в части оснований наступления конституционной ответственности коллективных субъектов (партии, общественные объединения или иные некоммерческие организации), так и в части порядка применения мер этой ответственности обусловлена бланкетностью и разрозненностью соответствующих правовых норм, отсутствием их систематизации.

Предлагаемое совершенствование нормативного регулирования позволит, с одной стороны, внести определенный вклад в развитие существующих познаний о правовой природе признака виновности понятия конституционного деликта, совершенного коллективным субъектом, а с другой – использовать единый подход к определению порядка и оснований привлечения к конституционной ответственности коллективных субъектов. Кроме того, это обеспечит более высокую степень защиты их прав.

Таким образом, следует отметить ряд особенностей признака виновности понятия конституционного деликта:

если конституционный деликт, одновременно содержащий признаки иного виновного правонарушения, совершен индивидуальным субъектом (гражданином, иностранцем, лицом без гражданства, должностным лицом), то виновность здесь определяется исходя из классического понимания вины субъекта правонарушения, т.е. как внутреннее психическое отношение лица к совершаемому деянию;

если такой конституционный деликт совершен коллективным субъектом, то следует говорить о вменении его в вину коллективному субъекту в ходе привлечения к конституционной ответственности и о вычленении вины отдельных должностных лиц для привлечения их к иному виду ответственности.

Так, например, в Белгородской области были отменены итоги выборов на избирательном участке № 1198 из-за вброса бюллетеней в урны для голосования. По версии следствия, глава участковой избирательной комиссии, который находился в Яковлевском районе, вместе с неустановленными лицами вбросил бюллетени в урны для голосования. По факту вброса возбуждено уголовное дело по статье 142.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (фальсификация итогов голосования)¹²¹. Таким образом, конституционный деликт – фальсификация итогов голосования – вменен в вину участковой избирательной комиссии как коллективному субъекту, что повлекло конституционно-правовую санкцию – отмену итогов голосования. Одновременно в ходе расследования уголовного дела в отношении главы участковой избирательной комиссии подлежит доказыванию

¹²¹ РБК. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/57e0f9bb9a79473eb55f09b4>.

его личная вина в совершении преступления, предусмотренного статьей 142.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Отметим, что привлечение к этим видам ответственности не всегда происходит в указанном выше порядке (сначала наступает конституционная ответственность для коллективного субъекта, а затем иная отраслевая ответственность – для соответствующих должностных или иных лиц); в зависимости от обстоятельств совершения конституционного деликта этот порядок может быть и обратным.

Российскому законодательству известны также случаи, которые можно охарактеризовать как «конституционную преюдицию». Например, Закон «О противодействии экстремистской деятельности» предусматривает ликвидацию (для юридических лиц) либо запрет деятельности (для организаций, не имеющих формального статуса юридического лица), что не влечет за собой уголовной ответственности руководителей и членов этих организаций, если в их действиях не было состава преступления. Однако попытки возобновления деятельности запрещенной организации повлекут уголовную ответственность по статье 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (организация деятельности экстремистской организации). Естественно, в этом случае конституционная ответственность не наступает, поскольку запрещенной организации де-юре уже не существует. Таким образом, мы можем говорить о том, что в приведенном примере виновность физического лица определяется в связи с тем, что оно игнорирует решение, уже вынесенное судом по факту вменения в вину коллективному субъекту (организации) совершения конституционного деликта.

Признак виновности отражается в понятии правонарушения, а чаще – в понятии преступления практически с самого начала развития конституционного законодательства. Он был закреплен в наиболее ранних конституционных актах, например, стран Латинской Америки. Так, согласно ст. 159 Конституции Венесуэлы 1811 года «каждый человек должен считаться невиновным, пока он не будет признан виновным в соответствии с законом...»¹²². Статья 30 Конституции

¹²² La constitucion federal de Venezuela de 1811 y documentos afines. P. 193.

Мексики 1814 года устанавливала, что «каждый гражданин считается невиновным пока не будет объявлено о его виновности»¹²³.

В настоящее время в конституционно-правовых нормах ряда стран также уделяется определенное внимание виновности как признаку, присущему понятию правонарушения (чаще речь идет о преступлении). Так, в соответствии с частью 1 статьи 29 Конституции Албании «никто не может быть обвинен или признан виновным по уголовному делу, которое во время его совершения не признавалось правонарушением». В конституционных нормах государств Азии признак виновности встречается довольно редко. Пожалуй, следует сказать о двух наиболее ярких примерах – пункте «а» статья 59 Конституции Мальдив: «Никто не может быть обвинен в совершении какого-либо действия или проступка, который не имеет состава правонарушения в соответствии с законом шариата или законодательным актом на момент совершения такого действия»¹²⁴; и пункте 6 статьи 13 Конституции Шри-Ланки: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления вследствие совершения какого-либо действия или бездействия, которое на момент совершения такого действия или бездействия не составляло такое преступление»¹²⁵.

Отражение признака виновности наличествует и в нормах конституций стран Африканского континента. Так, статья 46 Конституции Алжира устанавливает, что «никто не может быть признан виновным, за исключением случаев, когда это связано с промульгированным ранее законом, относящимся к инкриминируемому акту»¹²⁶.

Таким образом, вопрос об обязательности либо возможном отсутствии признака виновности в понятии конституционного деликта, совершенного как индивидуальным, так и коллективным субъектом, остается весьма дискуссионным и требует отдельного научного исследования. В рамках настоящей работы автор

¹²³ Leyes fundamentales de Mexico 1808–1957. P. 35.

¹²⁴ Конституции государств Азии. Т. 3. С. 480, 481.

¹²⁵ Там же. Т. 2. С. 869.

¹²⁶ Конституция Алжирской Народно-Демократической Республики. Конституции государств (стран) мира. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru>.

придерживается позиции, что конституционное право допускает ответственность за невиновные, т.е. лишь объективно противоправные деяния, совершенные как коллективным, так и индивидуальным субъектом. Это является его отличительной чертой по сравнению со всеми иными отраслями публичного права, которые при урегулировании вопросов привлечения к ответственности за совершение общественно опасных (общественно вредных) противоправных деяний не допускают объективного вменения и предусматривают ответственность только за виновные правонарушения. В конституционном же праве принцип недопустимости объективного вменения проявляется, в полной мере, исключительно в случае совершения (как коллективным субъектом, так и физическим лицом) конституционного деликта, который одновременно нарушает иные отраслевые нормы, предусматривающие виновный характер совершенного деяния.

§ 3. Значение наказуемости как элемента понятия конституционного деликта

Наряду с признаками общественной опасности или общественной вредности, противоправности, виновности понятию конституционного деликта, равно как и иному виду правонарушения, присущ признак наказуемости, который предполагает наличие негативных последствий в виде применения конституционных санкций в случае нарушения соответствующей нормы закона.

Конституции государств подходят к закреплению признака наказуемости дифференцировано. В ряде конституций отражен признак наказуемости только преступлений (часть 1 статьи 7 Конституции Греции, часть 1 статьи 25 Конституции Испании, статья 27 Конституции Объединенных Арабских Эмиратов и ряд других). Конституционно-правовые нормы других государств демонстрируют более общий подход законодателя к наказуемости как признаку правонарушения вообще. Так, в соответствии с частью 2 статьи 54 Конституции Российской Федерации «никто не может нести ответственность за деяние, которое

в момент его совершения не признавалось правонарушением». Часть 2 статьи 103 Основного закона ФРГ устанавливает: «Деяние может подлежать наказанию, только если его наказуемость была установлена законом до его совершения»¹²⁷. Аналогичный подход прослеживается, например, в статье 16 Конституции Нидерландов «не подлежит наказанию ни одно правонарушение, если оно не признавалось таковым к моменту его совершения»¹²⁸. Статья 25 Конституции Италии устанавливает, что «...никто не может быть наказан иначе как на основании закона, вступившего в силу до совершения деяния»¹²⁹. Похожая норма закреплена в п. «а» части 1 статьи 12 Конституции Пакистана: никакой закон не может предусматривать «наказание для лица за деяние или проступок, который не является наказуемым во время его совершения»¹³⁰.

В Российской Федерации признак наказуемости правонарушений имеет отраслевой характер и четкую регламентацию в законодательстве, что характерно не только для публичных отраслей права. Так, например, в уголовном и административном праве установлен исчерпывающий перечень наказаний (статья 44 Уголовного кодекса Российской Федерации, статья 3.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). Трудовое право не допускает применения дисциплинарных взысканий, не предусмотренных федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине (часть 4 статьи 192 Трудового кодекса Российской Федерации).

Полагаем, что такой признак понятия конституционного деликта, как наказуемость, определяет наличие закрепленной в законодательстве системы санкций.

Согласно Конституции Российской Федерации санкциями являются:

– отрешение от должности Президента Российской Федерации Советом Федерации (статья 93);

¹²⁷ Конституции государств Европы. Т. 1. С. 615.

¹²⁸ Там же. Т. 2. С. 615.

¹²⁹ Там же. С. 108.

¹³⁰ Конституции государств Азии. Т. 2. С. 620.

- освобождение от должности Генерального прокурора Российской Федерации Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации (часть 2 статьи 129) и иные случаи освобождения от должности, закрепленные в Конституции Российской Федерации;
- приостановление действия актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации Президентом Российской Федерации до решения этого вопроса соответствующим судом (часть 2 статьи 85);
- отмена Президентом Российской Федерации постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации в случае их противоречия Конституции Российской Федерации, федеральным законам и Указам Президента Российской Федерации (часть 3 статья 115);
- выражение недоверия Правительству Российской Федерации Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации (часть 3 статьи 117);
- постановка вопроса перед Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации Председателем Правительства Российской Федерации о доверии Правительству Российской Федерации (часть 4 статьи 117);
- принятие Президентом Российской Федерации решения об отставке Правительства Российской Федерации (статья 117);
- роспуск Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Президентом Российской Федерации (статья 109);
- признание Конституционным Судом Российской Федерации неконституционными законов, нормативных актов или их отдельных положений (статья 125);
- введение на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайного положения Президентом Российской Федерации (статья 88);
- лишение неприкосновенности депутатов и сенаторов Российской Федерации соответствующей палатой Федерального Собрания Российской Федерации

Федерации по представлению Генерального Прокурора Российской Федерации (часть 2 статьи 98).

Некоторые из перечисленных выше конституционных формулировок не во всех случаях позволяют признавать конкретные меры санкциями. Например, роспуск Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации следует признать конституционной санкцией только при наличии в ее действиях конституционного деликта, что не отражено в Конституции Российской Федерации должным образом. Представляется, что признак наказуемости следует рассматривать как один из критериев выделения именно конституционных санкций.

Дискуссионной остается проблема признания или непризнания предупредительных санкций. Так, разного рода предупредительные мероприятия, осуществляемые до констатации факта наличия состава конституционного деликта, предлагают рассматривать в качестве мер профилактического воздействия, а не конституционных санкций. Такой мерой является, например, акт прокурорского реагирования, предусмотренный статьей 25¹ Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации»: «В целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях прокурор или его заместитель направляет в письменной форме должностным лицам, а при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях, содержащих признаки экстремистской деятельности, руководителям общественных (религиозных) объединений и иным лицам предостережение о недопустимости нарушения закона»¹³¹. Полагаем, что предупредительные меры можно отнести к санкциям только в случае наличия в них элемента наказуемости¹³².

В юридической литературе существует целый ряд определений понятия конституционных (конституционно-правовых) санкций. По мнению В.О. Лучина,

¹³¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3029.

¹³² Kolosova N.M., Livadnaia I.A. Constitutional Sanctions in the Context of Punishability // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 2019. Vol. 12 (3). P. 492–503. DOI: 10.17516/1997-1370-0379.

санкциями являются меры государственного принуждения, установленные Конституцией, – «правовые лишения, обременения, правовой урон»¹³³. В.А. Виноградов считает, что «конституционно-правовая санкция – это определенная нормами конституционного права мера государственного (или приравненного к нему общественного) воздействия в сфере конституционно-правовых отношений, которая применяется в случае несоответствия фактического поведения должному поведению, установленному диспозицией конституционно-правовой нормы, и которая содержит его итоговую оценку»¹³⁴. Н.М. Колосова под конституционными санкциями понимает «возможность наступления неблагоприятных последствий через законодательное принуждение по отношению к субъекту права в случаях неисполнения им конституционных обязанностей или в случае злоупотребления своими правами»¹³⁵.

Рассмотренные определения в целом отражают правовую природу этого понятия, однако ситуация осложняется тем, что в отличие от приведенных выше примеров конституционных норм зарубежных стран, структура норм Конституции Российской Федерации далеко не всегда предполагает наличие санкций. Между тем следует выразить полную солидарность с утверждением С.Н. Братуся о том, что «норма без санкции перестает быть мерой, масштабом поведения, поскольку нарушение этой меры, выход за указанные рамки не повлечет за собой надлежащую реакцию, государственное осуждение и государственное принуждение, обеспечивающее в порядке «обратной связи» регулирование нарушенных общественных отношений»¹³⁶.

С другой стороны, как справедливо отмечает Н.М. Колосова, «сам факт содержания конкретной меры ответственности в Основном законе не превращает ее автоматически в конституционную санкцию»¹³⁷. Подобные санкции можно

¹³³ Лучин В.О. Ответственность в механизме реализации Конституции // Право и жизнь. 1992. № 1. С. 41.

¹³⁴ Виноградов В.А. Указ. соч. С. 63.

¹³⁵ Колосова Н.М. Указ. соч. С. 110.

¹³⁶ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. М.: Юридическая литература, 1976. С. 68.

¹³⁷ Колосова Н.М. Указ. соч. С. 110.

встретить в конституционно-правовых нормах целого ряда государств. В Конституции Российской Федерации наиболее ярким примером является пункт 2 статьи 20, в соответствии с которым «смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей». При этом, если в российских конституционно-правовых нормах случаи отражения подобных санкций единичны, то анализ конституций стран мира показывает, что в тексте основного закона может быть не только урегулирован порядок назначения отдельных видов наказаний (например, смертной казни, конфискации имущества), но и отражена их система¹³⁸.

Однако, говоря о конституционно-правовом регулировании применения отраслевых санкций, следует отметить, что в большинстве случаев конституционно-правовые нормы представляют собой нормы-запреты тех или иных видов наказаний. При этом перечень запрещенных к применению санкций весьма разнообразен и обусловлен требованиями международных норм и принципов (например, запрет жестоких и унижающих человеческое достоинство наказаний, запрет принудительного труда, за исключением труда осужденных, применяемого в целях их исправления и ресоциализации), историческими предпосылками и особенностями действующего политического режима в той или иной стране.

Вопрос наказуемости конституционных деликтов в аспекте санкций остается по-прежнему дискуссионным. Основное направление его исследования связано, в первую очередь, с анализом соотношения конституционной

¹³⁸ Пожалуй, единственным государством, нормы конституции которого дают общее представление обо всей системе уголовных наказаний, является Бразилии. В статье XLVI Конституция Бразилии предусматривает следующие их виды:

- a) лишение или ограничение свободы;
- b) потеря имущества;
- c) штраф;
- d) альтернативные общественно полезные работы;
- e) ограничение или лишение прав // Конституции государств Америки. Т. 3. С. 128.

ответственности и санкций. В настоящее время сложилось три основных подхода к его решению:

- понятия ответственности и санкции равнозначны (О.Э. Лейст)¹³⁹;
- понятие конституционной ответственности шире понятия конституционных санкций, поскольку предполагает наличие принципов ответственности, условий освобождения от ответственности, смягчающих и отягчающих обстоятельств (В.О. Лучин, В.А. Виноградов и др.)¹⁴⁰;
- понятие конституционных санкций шире понятия конституционной ответственности, поскольку предполагает наличие предупредительных санкций (неудовлетворительная оценка тех или иных органов государственной власти, письменное предупреждение регистрирующих органов о несоответствии деятельности общественных объединений их уставным целям и др.).

Наиболее продуктивным представляется понимание конституционной ответственности как реализации (применения) санкции, иначе признак наказуемости конституционного деликта нивелируется. При этом можно рассматривать конституционную ответственность как более широкое понятие, чем санкции, если речь идет о теории конституционной ответственности, которая не может быть ограничена исследованием лишь конституционных санкций. Суждение о равнозначности рассматриваемых понятий не учитывает ряд существенных принципов и условий, которые в конечном итоге влияют на характер и размер санкций или могут привести к освобождению от ответственности. Расширительное же понимание конституционных санкций в ущерб понятию конституционной ответственности представляется не совсем обоснованным, поскольку нарушает общетеоретический постулат о том, что основанием юридической ответственности является состав правонарушения¹⁴¹.

¹³⁹ По мнению О.Э. Лейста, между ответственностью и санкцией существует определяющая прямая: без санкции нет ответственности субъекта. См.: Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 97.

¹⁴⁰ См.: Лучин В.О. Указ. соч. С. 35, 36; Виноградов В.А. Указ. соч. С. 57.

¹⁴¹ См., например: Теория государства и права / под ред. А.В. Малько. М.: КНОРУС, 2014. С. 284.

Очевидна существенная роль Конституционного Суда Российской Федерации, правовые позиции которого развивают теорию конституционных санкций. Так, в дискуссии о возможности закрепления конституционных санкций в федеральных законах одним из существенных аргументов для принятия Конституционным Судом Российской Федерации своего решения стало положение статьи 15 Конституции Российской Федерации. В пункте 2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2002 г. № 8-П было отмечено, что необходимость адекватных мер федерального воздействия в отношении законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, изложенных в Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации» обусловлена, в частности, «закреплением в статье 15 Конституции Российской Федерации их конституционной обязанности соблюдать Конституцию Российской Федерации и федеральные законы»¹⁴².

Прямое действие Конституции Российской Федерации означает применение как исключительно конституционных норм, так и в совокупности с нормами законодательства. Например, Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2000 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» закрепляет меры конституционной ответственности, применяемые к Правительству Российской Федерации. Согласно части 9 статьи 5 названного Закона акты Правительства Российской Федерации могут быть отменены Президентом Российской Федерации в случае их противоречия Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам, указам и распоряжениям Президента Российской Федерации. В свою очередь, Правительство Российской Федерации вносит предложения Президенту Российской Федерации о приостановлении действия актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случае их противоречия Конституции Российской Федерации, федеральным

¹⁴² Собрание законодательства РФ. 2002. № 15. Ст. 1497.

конституционным законам, федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина (часть 6 статьи 13). Применение указанных норм осуществляется одновременно с соответствующими нормами Конституции Российской Федерации.

Следует также отметить, что конституционные санкции могут быть закреплены в законодательстве более обстоятельно, чем в тексте Конституции Российской Федерации. Например, в соответствии с частью 1 статьи 6 приобретение и прекращение гражданства Российской Федерации осуществляется в соответствии с федеральным законом. Кроме того, гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его (часть 3 статьи 6 Конституции Российской Федерации). Как и в утратившем в настоящее время силу Законе РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 1948-І «О гражданстве Российской Федерации», так и в действующем Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» содержатся нормы, предусматривающие применение мер конституционной ответственности¹⁴³. Речь идет о том, что решение о приеме в гражданство Российской Федерации отменяется в отношении лица, которое приобрело гражданство Российской Федерации на основании заведомо ложных сведений и фальшивых документов (статья 22). При этом прямое действие конституционных норм осуществляется и в процессе применения названных конкретных норм отраслевого законодательства.

В современной юридической литературе предложено немало авторских перечней (Д.Т. Шон, Т.Д. Зражевская, В.О. Лучин и др.) и классификаций конституционно-правовых санкций по различным основаниям.

С.А. Авакьян, определяя правовую природу санкций как мер негативной конституционно-правовой ответственности, сгруппировал их (заранее оговорив определенную долю условности подобной классификации) с учетом круга лиц, к которым применяются соответствующие меры, и направленности на защиту тех или иных правоотношений следующим образом:

¹⁴³ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 6. Ст. 243; 1993. № 29. Ст. 1112; Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

1) меры, принимаемые к физическим и юридическим лицам для обеспечения интересов государства и народа (отмена ранее принятого решения о принятии в гражданство, ликвидация общественного объединения и запрет на его деятельность по решению суда и др.);

2) меры, принимаемые для обеспечения федеративных и иных «вертикальных» правоотношений (принятие мер к отмене правового акта, досрочное прекращение полномочий органа государственной власти, высшего должностного лица субъекта Российской Федерации и др.);

3) меры, принимаемые в связи с реализацией избирательных прав граждан и организацией избирательного процесса в Российской Федерации (лишение или приостановление избирательного права гражданина, признание выборов недействительными и др.);

4) меры, принимаемые в связи с деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, а также депутатов и должностных лиц (ропуск законодательного органа власти, отрешение от должности выборного должностного лица и др.)¹⁴⁴.

Н.М. Колосова полагает, что главным основанием для классификации санкций должны быть названы неблагоприятные последствия и характер или способ законодательного принуждения к нарушителям конституционного законодательства. Соответствующим образом автор указывает на наличие четырех видов санкций: 1) правовосстановительные (признание неконституционным федерального закона и др.), 2) предупредительные (письменное предупреждение органов юстиции о прекращении деятельности общественного объединения и др.), 3) меры взыскания, имеющие цель наказать правонарушителя (досрочные выборы, отрешение от должности Президента, лишение гражданства и др.), т.е. карательные санкции, 4) санкции пресечения (введение чрезвычайного положения, приостановление действия акта органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, вето Президента Российской Федерации)¹⁴⁵.

¹⁴⁴ См.: Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс. Т. 1. С. 108–124.

¹⁴⁵ См.: Колосова Н.М. Указ. соч. С. 113, 114.

В.А. Виноградов разделяет конституционно-правовые санкции на основные, которые применяются исключительно в качестве главных, самостоятельных мер, и дополнительные санкции, которые могут применяться наряду с основными мерами¹⁴⁶.

Разработанная им классификация санкций основана на существенных типовых признаках, которые объединяют различные конституционно-правовые санкции в виды и обнаруживают основные закономерности их нормативного определения и применения.

1. Лишение общего или специального конституционно-правового статуса, досрочное прекращение (лишение) полномочий (ропуск; расформирование; запрещение деятельности; отстранение от должности, лишение мандата; отзыв; лишение гражданства; лишение государственных наград и почетных званий; отмена регистрации, исключение из государственного реестра).

2. Ограничение, лишение (изъятие) субъективного конституционного права (например, ограничение пассивного и активного избирательного права).

3. Отказ (в признании (непризнание) мандатов, в утверждении (неутверждение) актов (отчетов), в подписании акта (или его части) в случае его неконституционности (незаконности) и др.).

4. Возникновение у другого субъекта конституционно-правовых отношений дополнительного конституционного права (полномочия), возложение конституционной обязанности (например, возложение обязанности на премьер-министра подать заявление об отставке кабинета министров в связи с утратой доверия парламента).

5. Переход конституционных полномочий (например, переход права подписания законов от главы государства к председателю парламента в случае, если первый уклоняется от его подписания в установленном порядке).

6. Оценочные (экспендициальные) санкции (выражение недоверия (признание деятельности неудовлетворительной), отзыв доверия; признание неконституционным (антиконституционным); заявление возражения;

¹⁴⁶ См.: Виноградов В.А. Указ. соч. С.76.

представление о пресечении недолжного поведения и предупреждение; признание действий неконституционными (незаконными)).

7. Отмена (признание недействительным) юридически значимого результата (например, признание собранных подписей избирателей в поддержку кандидата, федерального списка кандидатов недействительными).

8. Отмена (приостановление), признание неконституционными актов.

9. Принуждение к исполнению конституционных обязанностей (федеральное вмешательство (принуждение, интервенция); приостановление собственного управления, введение президентского правления; выдворение, высылка, депортация).

10. Конституционно-правовые санкции процедурного характера (например, предупреждение, выговор, временное отстранение от участия в работе парламента).

11. Конституционно-правовые санкции, имеющие финансовый (имущественный характер)¹⁴⁷.

Степень проработанности этого вопроса оставила в прошлом тезис о том, что санкции в праве имеют универсальный характер, и действие конституционных норм может быть обеспечено санкциями других отраслей права¹⁴⁸. Анализ современных подходов позволяет выделить особенности конституционных санкций:

в отличие от санкций в других отраслях публичного права, перечень конституционных санкций не является исчерпывающим;

конституционные санкции в большинстве своем являются самобытными и не могут выступать в качестве санкций иных видов юридической ответственности. Исключения составляют возмещение материального ущерба, которое может быть санкцией не только гражданско-правовой, но и конституционной ответственности¹⁴⁹, и лишение государственных наград и почетных званий¹⁵⁰,

¹⁴⁷ См.: Виноградов В.А. Указ. соч. С. 78–99.

¹⁴⁸ См. подробнее: Авакян С.А. Конституционное право России: учебный курс. Т. 1. С. 101–103.

¹⁴⁹ Колосова Н.М. Указ. соч. С. 113.

¹⁵⁰ Виноградов В.А. Указ. соч. С.83.

являющееся по природе своей уголовным наказанием (статья 48 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Приведенный выше анализ классификаций конституционных санкций позволяет признать важность каждой из них. Более того, в зависимости от целей исследования возможны и иные типологии конституционных санкций.

Выражая солидарность с мнением Н.М. Колосовой о ключевом значении для классификации таких оснований, как содержание неблагоприятных последствий и характер или способ законодательного принуждения, применяемого к нарушителям конституционного законодательства, и учитывая правовую природу конституционных деликтов как правонарушений, в основе которых могут лежать преступления, проступки и даже аморальное поведение, полагаем, что в настоящее время существует основание для новой классификации конституционно-правовых санкций, исходя из характера и объема мер государственного принуждения, применяемого к лицу, совершившему конституционный деликт. Речь идет о:

1) самостоятельных санкциях, которые являются завершенными и в полной мере обеспечивающими восстановление конституционной законности;

2) комплексных санкциях, требующих комбинированного применения конституционно-правовых санкций и санкций иных отраслей права в совокупности. В данном случае можно говорить о наличии конституционно-правового и отраслевого элемента санкции.

В свою очередь, комплексные санкции можно разделить на две группы по следующим основаниям:

1) по порядку применения:

а) санкции с предшествующим применением конституционно-правовой элемента (например, в случае лишения специального статуса (неприкосновенности) депутата, а затем привлечения его к уголовной или административной ответственности);

б) санкции с последующим применением конституционно-правового элемента (например, лишение (ограничение) избирательного права, ряда других

гражданских прав, лишение гражданства в случае назначения лицу уголовного наказания в виде лишения свободы);

в) санкции с одновременным применением и конституционно-правового, и отраслевого элемента (например, в случае задержания депутата на месте совершения особо тяжкого преступления);

2) по отрасли права, санкции норм которой применяются совместно с конституционно-правовой санкцией:

а) комплексные санкции с уголовно-правовым элементом (отрешение от должности главы государства в случае совершения им государственной измены с последующим назначением уголовного наказания исходя из санкции соответствующей нормы уголовного закона);

б) комплексные санкции с административно-правовым элементом (запрет общественного объединения в случае пропаганды и публичного демонстрирования нацистской атрибутики или символики с наложением штрафных санкций в рамках привлечения к административной ответственности);

в) комплексные санкции с гражданско-правовым элементом (на примере ряда государств Азии и Карибского региона, нормы конституций которых предполагают утрату мандата депутата или сенатора в случае признания лица несостоятельным должником в связи с неисполнением долговых обязательств);

г) комплексные санкции с дисциплинарным элементом (на примере Бразилии, где в соответствии с конституционными нормами депутат или сенатор утрачивает свой мандат, если не посещает третью часть очередных заседаний во время каждой законодательной сессии палаты, членом которой он является).

Таким образом, обязательное наличие признака наказуемости, т.е. применения в отношении лица, совершившего соответствующее правонарушение, определенных в законе мер государственного воздействия, характерен для понятия конституционного деликта наравне с иными видами правонарушений. Однако, как мы уже отмечали, перечень конституционных санкций (в отличие от, например, уголовного или административного права) не является исчерпывающим. Кроме того, правовая природа и порядок их применения в случае совершения

конституционных деликтов, одновременно нарушающих иные запреты (уголовно-правовые, административно-правовые, гражданско-правовые, дисциплинарные), дает основание говорить о комбинированном применении конституционных санкций и санкций либо мер принуждения иных отраслей права.

Проведенный анализ основных признаков понятия конституционного деликта позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, для конституционного деликта, равно как и для иных видов правонарушений, характерно наличие признаков общественной опасности или общественной вредности, противоправности, виновности и наказуемости, т.е. для определения конституционного деликта вполне справедлива формулировка – «это общественно опасное или общественно вредное, конституционно противоправное, виновное и наказуемое деяние».

Во-вторых, изучение правовой природы конституционного деликта дает возможность утверждать, что в отдельных случаях степень его общественной опасности является более высокой даже по сравнению с преступлением. Такое утверждение приводит нас к рассмотрению современной системы правонарушений как четырехзвенной структуре, включающей: общественно опасные конституционные деликты, одновременно содержащие признаки состава преступления; преступления с учетом предлагаемого в юридической литературе широкого понимания их противоправности; общественно вредные конституционные деликты; проступки (или иные виды правонарушений).

В-третьих, понятие конституционного деликта как противоправного деяния в основном совпадает с аналогичными характеристиками при определении иных видов правонарушений, то есть это нарушение правовых норм, предусматривающих конституционные обязанности или права. Именно злоупотребление конституционными правами или невыполнение конституционных обязанностей составляют объективную сторону этого деликта. Вместе с тем при отсутствии кодифицированного акта, предусматривающего составы конституционных деликтов, содержание их объективной стороны не всегда однозначно. В этой связи роль толкования противоправности

конституционного деяния более значима, чем при определении составов иных правонарушений.

В-четвертых, особенности признака виновности конституционного деликта отличают его от иных видов правонарушения: если для правонарушений в публичных отраслях права его наличие является строго обязательным, то для состава конституционного деликта не исключены случаи, когда названный признак отсутствует ввиду того, что его невозможно выявить (или его выявление не имеет юридического значения). При отсутствии вины как психического отношения к содеянному возможна незавершенность состава названного правонарушения, что не исключает наличия основания для привлечения к конституционной ответственности, которая в данном случае выступает в качестве формы взаимоотношений субъектов конституционных правоотношений. Это правило неприменимо при одновременном нарушении конституционного и иного отраслевого запрета, предусматривающего виновный характер совершенного деяния. Такое правонарушение требует обязательного наличия вины.

В-пятых, для конституционного деликта характерно обязательное наличие признака наказуемости, т.е. применения определенных в законе мер государственного воздействия. Однако перечень конституционных санкций не является исчерпывающим (в отличие от, например, уголовного и административного права). Кроме того, в случае совершения конституционных деликтов, одновременно нарушающих иные отраслевые запреты, требуется комбинированное применение конституционно-правовых санкций и санкций либо мер принуждения иных отраслей права в определенной последовательности, которая зависит от характера правонарушения и правового статуса его субъекта.

Глава III. Особенности состава конституционного деликта

§ 1. Объект конституционного деликта

Общественная опасность или общественная вредность, конституционная противоправность, виновность и наказуемость конституционного деликта позволяют дать наиболее полное определение понятия названного правонарушения. В то же время, по общему правилу, юридическая ответственность наступает только при наличии всех элементов состава правонарушения, т.е. при совокупности объективных (объект, объективная сторона) и субъективных (субъект, субъективная сторона) признаков, отражающих его внутреннюю структуру. Следовательно, изучение особенностей каждого элемента состава конституционного деликта имеет не только теоретическое, но и практическое значение для определения оснований привлечения к конституционной и (или) иной отраслевой ответственности.

При этом следует согласиться с мнением Н.В. Витрука, который, отмечая как общие черты составов конституционного и любого отраслевого нарушения, так и специфические особенности первого, пришел к выводу, что «разработанное общей теорией права и государства понятие правонарушения как логико-нормативной конструкции (модели) любого правонарушения вполне применимо к конституционному правонарушению»¹⁵¹.

Ю.А. Денисов, говоря о важнейших понятиях общей теории правонарушения, справедливо относил к ним понятие объекта правонарушения. Свои умозаключения он основывал на выводах советской уголовно-правовой науки о том, что «каждое преступление, выражается ли оно в действии или бездействии, всегда есть посягательство на определенный объект»¹⁵². Этот важный постулат Ю.А. Денисов обоснованно называл выводом общетеоретическим и

¹⁵¹ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: Норма, 2009. С. 178.

¹⁵² Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. С. 122.

экстраполировал его на всю область правонарушений¹⁵³. Вместе с тем в отечественной уголовно-правовой науке, как советской, так и современной, под объектом преступления понимаются общественные отношения, на которые осуществляется посягательство¹⁵⁴.

В.О. Лучин определяет объект конституционного деликта как «регулируемые и охраняемые Конституцией общественные отношения, на которые посягают определенные субъекты». Он полагает, что эти отношения опосредуют такие защищаемые Конституцией Российской Федерации высшие социальные ценности, как человек, его права и свободы (статьи 2 и 18), народовластие (статья 3), суверенитет Российской Федерации, целостность и неприкосновенность ее территории (статья 4), федерализм (статья 5), осуществление государственной власти на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную (статья 10) и ее институциональная организация (статья 11), идеологическое и политическое многообразие (статья 13) и т.д. В обобщенном виде, делает вывод В.О. Лучин, в качестве объектов конституционных правонарушений выступают конституционная законность и правопорядок как структурообразующие элементы конституционного строя¹⁵⁵.

В.А. Виноградов определяет объект конституционного деликта как «то, на что посягает субъект конституционной ответственности, совершая конституционный деликт, и чему причиняется или может быть причинен вред в результате деликта»¹⁵⁶. Объединяя наиболее существенные признаки понятия объекта конституционного деликта, содержащиеся в определениях В.О. Лучина и В.А. Виноградова, Л.В. Забровская дала, как представляется, наиболее полное

¹⁵³ См.: Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983. С. 118.

¹⁵⁴ См., например: Трайнин А.Н. Указ. соч. С.123; Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюрриздат, 1960. С. 4; Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Госюрриздат, 1961. С. 132–149; Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 302.

¹⁵⁵ См.: Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 290.

¹⁵⁶ Виноградов В.А. Указ. соч. С. 31.

определение рассматриваемого понятия: «Объектом конституционно-правового деликта являются общественные отношения, регулируемые и охраняемые нормами конституционного права, на которые посягает субъект, и которым причиняется или может быть причинен вред в результате деликта»¹⁵⁷. Раскрывая указанное понятие, автор поясняет, что объектами общих конституционных правоотношений являются главным образом высшие социальные ценности, в качестве которых выступают: основы конституционного строя; человек, его права и свободы; интересы общества и государства; полновластие и самоуправление народа; национальный и государственный суверенитет; федерализм; демократия, идеологическое и политическое многообразие, многопартийность; право и законность; мир и международное сотрудничество и др.

Тесная взаимосвязь объекта конституционного деликта с объектами конституционных правоотношений, по поводу которых субъекты вступают в определенные правовые связи, также была отмечена В.А. Виноградовым. Он рассматривает объект конституционного деликта как круг общественных отношений, регулируемых и охраняемых конституционным правом. Автор указывает, что «по характеру эти общественные отношения – конституционно-правовые, т.е. складываются в сфере принадлежности, организации, осуществления государственной власти, а также в сфере взаимоотношений государства и личности (гражданином и объединениями граждан, социальными коллективами и общностями)»¹⁵⁸.

Поскольку для конституционного правоотношения характерно наличие всех его элементов, к которым общая теория права относит объект правоотношения, субъекты этих отношений и содержание (субъективные права и юридические обязанности)¹⁵⁹, необходимо учитывать их структуру для характеристики механизма посягательства. Такой подход объясняется тем, что причинение вреда хотя бы одному из элементов наносит ущерб всему

¹⁵⁷ Забровская Л.В. Указ. соч. С. 25.

¹⁵⁸ Виноградов В.А. Указ. соч. С. 33.

¹⁵⁹ См., например: Теория государства и права / ред. А.В. Малько. С. 229; Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. II. М.: Юрид. лит., 1982. С. 99, 100.

правоотношению. Исходя из изложенного, совершенно справедливым является вывод В.А. Виноградова о действии механизма причинения вреда конституционно-правовым отношениям, а именно: «конституционный деликт, посягая хотя бы на один элемент общественного отношения, тем самым разрушает или деформирует все это отношение, в то время как оно защищается конституционно-правовыми нормами»¹⁶⁰.

Вместе с тем он выражает солидарность с мнением Т.Д. Зражевской об исключительных особенностях названных отношений, которые «существенным образом отличаются от общественных отношений, являющихся объектами правонарушений в других отраслях права»¹⁶¹.

Иной точки зрения придерживается П.П. Серков, который усматривает неразрывную связь конституционных норм с другим законодательством: «Фактически нарушение любой правовой нормы действующего законодательства свидетельствует о неисполнении в конечном итоге конституционных положений. Импульсы неблагоприятной ситуации с конституционным правопорядком чаще всего идут именно через нарушение действующего законодательства»¹⁶². Представляется, что именно эта позиция в настоящее время наиболее обоснована, поскольку было бы неверно отрицать близость, а местами и совпадение объектов конституционных деликтов и иных видов правонарушений.

При изучении объектов административных правонарушений в юридической литературе также подчеркивается взаимосвязь общественных отношений, которые могут быть урегулированы не только нормами административного, но и – в ряде случаев – конституционного, экологического, трудового, земельного, финансового и других отраслей права¹⁶³.

Теория права, констатируя, что «безобъектных правонарушений не

¹⁶⁰ Виноградов В.А. Указ. соч. С. 34.

¹⁶¹ Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980. С. 51.

¹⁶² Серков П.П. Конституционная ответственность в Российской Федерации: современная теория и практика. М.: Норма, 2016. С. 129.

¹⁶³ См., например: Бахрах Д.Н., Российский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник для вузов. М.: Норма, 2005. С. 533.

существует и не должно быть»,¹⁶⁴ традиционно различает понятия общего, родового и непосредственного объектов правонарушения. Это градация имеет, в том числе, системообразующее значение для отраслевого законодательства, поскольку лежит в основе, например, построения Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Так, общим объектом правонарушения признаются общественные отношения, которым наносится или может быть нанесен вред, ущерб, и которые могут быть поставлены в состояние, опасное для нормального функционирования.

Родовой (специальный) объект – это часть общего объекта. Он представляет собой отношения определенного типа, сходные, однородные по своему содержанию и назначению (например, личные права граждан, отношения собственности, безопасность государственной власти).

Непосредственный объект – это часть родового (специального) объекта, а именно: то определенное благо (интерес), которому причиняется вред в результате совершения конкретного правонарушения.

Как правило, каждое правонарушение имеет один непосредственный объект, но на практике бывают такие правонарушения (чаще речь идет о преступлениях), которые одновременно посягают на два непосредственных объекта (двубъектные правонарушения). В этих случаях один из объектов является главным (основным), а другой – дополнительным¹⁶⁵.

В отличие от весьма структурированной системы объектов в теории права, в конституционном праве их классификация как таковая отсутствует. Н.В. Витрук, говоря об объектах конституционного нарушения, отмечал, что в конечном счете ими являются конституционность и конституционный порядок. При этом объектами конкретных конституционных деликтов автор называет те общественные отношения, которые опосредуются конкретными конституционными установлениями (основы конституционного строя, основные

¹⁶⁴ См., например: Радько Т.Н. Теория государства и права. М.: Проспект, 2019. С. 317.

¹⁶⁵ См. подробнее: Наумов А.В. Указ. соч. С. 307, 308.

права и свободы человека и гражданина, демократия, федерализм, местное самоуправление и др.)¹⁶⁶. С определенной долей условности Л.В. Забровской предложена классификация конституционно-правовых деликтов по объектам посягательства, анализ которой указывает на наличие следующих видов объектов названного правонарушения:

1) конституционный строй, включающий в себя: суверенитет народа; верховенство Конституции Российской Федерации и федеральных законов в отдельных субъектах или на отдельных территориях; реализацию принципов федеративного устройства Российской Федерации; неприкосновенность территории Российской Федерации; реализацию принципов: единства системы государственной власти, разграничения предметов ведения и полномочий, равноправия и самоопределения народов, равноправия субъектов, единства экономического пространства и свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств; свобода экономической деятельности; разделение государственной власти в Российской Федерации на законодательную, исполнительную и судебную; светский характер российского государства и отделение религиозных объединений от государства и равенство их перед законом; социальный, расовый, национальный и межконфессиональный мир; нормальное функционирование органов местного самоуправления и др.;

2) нормальное функционирование институтов непосредственной демократии, а именно порядок прямого выражения власти народа путем свободных выборов на разных стадиях избирательного процесса (порядок составления списков избирателей, образования избирательных округов и избирательных участков, проведения предвыборной агитации и др.);

3) права и свободы человека, в том числе личные, социально-экономические, политические, культурные;

4) федеративные отношения, включающие государственную целостность Российской Федерации, единство системы государственной власти, разграничение

¹⁶⁶ См.: Витрук Н.В. Указ. соч. С. 184.

предметов ведения и полномочий Российской Федерации и ее субъектов, равноправие и самоопределение народов;

5) отношения между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, которые охватывают порядок заключения договора, соглашения между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, порядок реализации своей компетенции органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации и др.;

6) порядок организации и деятельности органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, в том числе порядок осуществления функций государственной власти, порядок определения сроков полномочий органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, порядок назначения на конституционные должности и освобождения от них, процедура деятельности органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации и др.;

7) организация местного самоуправления, а именно – самостоятельность органов местного самоуправления, право населения муниципального образования самолично решать вопросы местного значения; муниципальная собственность; право населения самостоятельно определять структуру органов местного самоуправления и др.

В целом соглашаясь с предложенной Л.В. Забровской классификацией, полагаем нецелесообразным рассматривать общественные отношения в сфере организации местного самоуправления как объекты конституционных деликтов, поскольку эта сфера, в соответствии с изложенной в настоящей работе позицией автора, лежит за пределами конституционных правоотношений.

Анализ конституций и актов конституционного значения зарубежных стран показывает, что общемировые тенденции определения объектов государственной защиты в целом схожи, однако имеют место и индивидуальные подходы

законодателей. Так, в ряде стран установлены конституционные запреты посягательства на перечисленные далее объекты.

Во-первых, это неприкосновенность государственной власти в целом и порядок функционирования отдельных ее ветвей. Например, в разделе 3 статьи III Конституции США дано определение государственной измены Соединенным Штатам, под которой понимается только ведение войны против них или присоединение к их врагам и оказание им помощи и содействия¹⁶⁷. Узурпация, захват власти либо вооруженный мятеж также находятся под государственным запретом конституционных норм (например, в Кыргызстане, ряде стран Латинской Америки).

Пункты 7 статей 56 и 77 Конституции Непала содержат запрет на оскорбительные высказывания в адрес Законодательного и Учредительного собрания соответственно. В случае признания, что какой-либо человек оскорбил Законодательное либо Учредительное собрание, председательствующий может, после принятия решения на заседании, вынести в его адрес предупреждение, выговор или наложить наказание в виде лишения свободы на срок до трех месяцев или штрафа на сумму до 10 тыс. рупий. Статья 100 Конституции Шри-Ланки предусматривает наказание для лиц, участвующих в голосовании в парламенте, но не имеющих на это полномочий: «Любое лицо, которое: а) было избрано в качестве члена Парламента, но во время таких выборов не имело право быть избранным, заседает и голосует в Парламенте; б) заседает или голосует в Парламенте после того, как его место стало вакантным, он потерял право заседать или голосовать в Парламенте, зная или имея весомые основания знать, что он потерял такое право или что его место стало вакантным, подлежит наказанию в размере 500 рупий за каждый день, когда оно заседало или голосовало»¹⁶⁸.

В свою очередь, Конституция Египта в статье 184, провозглашая независимость судебной власти, устанавливает, что вмешательство в судебные

¹⁶⁷ См.: Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 1. С. 818.

¹⁶⁸ Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 2. С. 929.

дела или судебное разбирательство является преступлением, которое не имеет срока исковой давности¹⁶⁹.

Во-вторых, это общественный порядок и общественная безопасность. Так, в соответствии со статьей 28 Конституции Китайской Народной Республики государство охраняет общественный порядок, подавляет предательскую и прочую контрреволюционную деятельность, карает за нарушение общественной безопасности, дезорганизацию социалистической экономики и другие преступные действия, наказывает и перевоспитывает преступные элементы¹⁷⁰.

В-третьих, это права и свободы личности. Например, часть 1 статьи 71 Конституции Королевства Дании гарантирует, что «ни один подданный не может быть каким-либо образом лишен свободы на основании его политических или религиозных убеждений, а также происхождения»¹⁷¹. В соответствии с частью 2 статьи 15 Конституции Боливии все люди, особенно женщины, имеют право не страдать от физического, сексуального или психологического насилия в семье и в обществе.

В-четвертых, это отношение государства к отдельным объектам собственности. Так, статья 19 Конституции Йемена закрепляет неприкосновенность публичных фондов и собственности; любое посягательство на них или их злостное использование рассматривается как саботаж и агрессия против общества. А статья 22 Конституции Объединенных Арабских Эмиратов, провозглашая неприкосновенность общественной собственности, устанавливает, что ее защита входит в обязанность каждого гражданина, и законом устанавливаются обстоятельства, при наступлении которых за нарушение этой обязанности назначается наказание.

В-пятых, это защита историко-культурного наследия. Наиболее ярким примером является статья 46 Конституции Испании, которая гласит: «Органы власти гарантируют сохранение и обогащение исторического, культурного и

¹⁶⁹ См.: Конституция Арабской Республики Египет. Конституции государств (стран) мира Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru>.

¹⁷⁰ См.: Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 3. С. 233.

¹⁷¹ Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1. С. 770.

художественного наследия народов Испании, а также ценностей, его составляющих, независимо от их юридического статуса и имущественного положения владельцев таких ценностей. Уголовный закон устанавливает наказание за посягательства на это наследие»¹⁷².

Очевидно, что в отличие от преступлений или административных правонарушений, имеющих исчерпывающий перечень объектов каждого вида, обусловленный структурой отраслевого законодательства, для конституционных деликтов характерен динамически изменяющийся перечень объектов. Это объясняется тем, что их система базируется не только на нормах Конституции, но и на нормах иных источников права, призванных регулировать общественные отношения, характер которых подвержен влиянию общественно-политических изменений, отражающих вектор развития того или иного государства.

Так, Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» представляет в этом смысле огромный интерес, поскольку вводит немало новелл нормативного регулирования вопросов конституционной ответственности в части определения объектов конституционной защиты. Речь идет о новых основаниях наступления конституционной ответственности, введенных конституционно-правовыми нормами путем закрепления в них следующих конституционных деликтов:

– действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям (часть 2.1 статьи 67 Конституции Российской Федерации);

– умаление значения подвига народа при защите Отечества (часть 3 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации);

¹⁷² Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2. С. 59, 60.

– введение и эмиссия других денег (кроме рубля – *прим. Ю.А. Ливадной*) в Российской Федерации (часть 2 статьи 75 Конституции Российской Федерации);

– нарушение запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, широким кругом специальных субъектов (часть 3 статьи 77, часть 5 статьи 78, часть 2 статьи 81, часть 4 статьи 95, пункт «е» часть 1 статьи 103, часть 4 статьи 110, часть 1 статьи 119, часть 2 статьи 129 Конституции Российской Федерации).

Таким образом, новеллы нормативного регулирования вопросов конституционной ответственности в Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» преследуют единую цель – конституционно защитить такой объект, как государственный суверенитет Российской Федерации, т.е. главное условие существования русского народа, который является носителем этого суверенитета, единственным источником власти и хранителем уникальной исторической памяти.

Основываясь на изложенных подходах В.О. Лучина и Л.В. Забровской к определению видов объектов конституционного деликта, а также на анализе отечественных и зарубежных конституционно-правовых норм, диссертант делает вывод, что для конституционных деликтов характерно наличие определенной иерархии объектов правонарушения, которую можно представить в виде их системы, включающей:

– общий объект – совокупность общественных отношений, благ, интересов и принципов, охраняемых нормами основного закона государства. Иными словами, это конституционная законность и правопорядок;

– родовой объект – часть общего объекта, представляющая группу однородных общественных отношений, благ, интересов и принципов, на которые посягает однородная группа конституционных деликтов. С определенной долей условности можно говорить о наличии шести видов родовых объектов, а именно:

конституционный строй; нормальное функционирование институтов непосредственной демократии; права и свободы человека; федеративные отношения; отношения между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; порядок организации и деятельности федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации;

– непосредственный объект – определенное общественное отношение, благо, интерес или принцип (часть родового объекта), которому причиняется вред в результате совершения конкретного конституционного деликта. Как уже отмечалось, непосредственный объект не всегда выступает единым отношением, благом, интересом или принципом, т.е. конституционный деликт может быть и двуобъектным, состоящим из основного и дополнительного непосредственных объектов. При этом возникают следующие трудности. В первую очередь необходимо определить, каким на самом деле является данный деликт – одно- или двуобъектным; далее, если установлена его двуобъектность, важно определить, какой из непосредственных объектов основной, и какой – дополнительный. С этой целью в каждом случае необходимо исходить из фактической направленности посягательства. Например, если в случае насильственного захвата власти были нарушены общественный порядок и общественная безопасность, причинен вред жизни и здоровью людей, уничтожено имущество, то определение непосредственного объекта конституционного деликта охватывает только конституционный строй в данном государстве в определенную историческую эпоху. Отношения же, связанные с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности, жизни и здоровья человека и неприкосновенности собственности находятся за рамками конституционного деликта и должны определяться в качестве объектов преступлений или иных правонарушений (административных проступков, гражданско-правовых деликтов) в зависимости от особенностей правовой системы государства.

Соответствующим образом, было бы ошибочным полагать, что высшее должностное лицо, совершившее убийство, посягает исключительно на права и

свободы человека и гражданина. Представляется, что эти права и свободы будут выступать в качестве дополнительного непосредственного объекта; основным же непосредственным объектом следует считать отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов государственной власти, по крайней мере до тех пор, пока лицо, совершившее преступление, сохраняет специальный статус.

Изложенное оставляет на повестке дня вопрос о критериях разграничения объектов конституционного деликта и иного вида правонарушения, решение которого позволит определить сферы конституционной и иной отраслевой защиты с применением соответствующих санкций.

По нашему мнению, для решения обозначенного вопроса необходимо провести анализ возможного совпадения (либо пересечения) видов объектов конституционного деликта и иного вида правонарушения еще на одном примере.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, случаи привлечения президентов к конституционной ответственности чрезвычайно редки¹⁷³. Однако в научных целях именно пример оснований для процедуры импичмента является наиболее показательным. Определим объекты конституционного деликта и преступления в случае совершения президентом государственной измены.

В данном случае общим объектом конституционного деликта являются конституционная законность и правопорядок, родовым объектом – конституционный строй; непосредственным – государственная безопасность.

В структуре состава преступления – государственной измены – общим объектом выступают конституционный строй, родовым объектом – государственная безопасность; непосредственным объектом – безопасность конкретного государства в данный исторический период.

В приведенном примере очевидно пересечение родового объекта конституционного деликта и общего объекта преступления, а также

¹⁷³ См.: Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М.: Белые альвы, 1996. С. 172; Соколов Н.В. Современные проблемы импичмента в связи с коррупционными нарушениями: опыт Бразилии // Конституционное право и проблемы коррупции: видение молодых ученых. М.: Юстицинформ, 2016. С. 204.

непосредственного объекта конституционного деликта и родового объекта преступления. Иными словами, объем совпадающих правовых отношений, защищаемых одновременно конституционным и уголовным правом, довольно значителен. Представляется, что такое распределение объектов правонарушения взаимосвязано (взаимообусловлено) с последовательным наступлением видов ответственности, когда конституционно-правовая ответственность строго предшествует иной отраслевой ответственности¹⁷⁴.

Таким образом, в каждом конкретном случае совершения конституционного деликта, одновременно нарушающего иной отраслевой запрет, имеет место определенное соотношение объектов конституционного деликта и иного правонарушения, характер которого зависит не только от особенностей содеянного, но и от правовых оснований квалификации в соответствующем государстве. На практике же подобное соотношение позволяет разграничить сферы защиты объектов посягательства. Это означает, что обособленность общего объекта и пересечение и (или) совпадение родового объекта конституционного деликта и общего (в отдельных случаях – родового) объекта иного вида правонарушения свидетельствуют о единстве их конституционной и иной отраслевой защиты, в то время как обособленность непосредственных объектов конституционного деликта и иного вида правонарушения дифференцирует сферы конституционной и иной отраслевой ответственности с применением соответствующих санкций.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, конституционный деликт, как и любое правонарушение, имеет структурированную систему объектов. Однако, если для, например, преступления или административного правонарушения определение видов объектов, как правило, обусловлено структурой особенной части соответствующего кодекса, то

¹⁷⁴ Особенности реализации указанного механизма по Конституции Российской Федерации описаны О.Е. Кутафиным. См.: Кутафин О.Е. Избранные труды: в 7 т. Т. 4. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М.: Проспект, 2011. С. 243–261.

виды объектов конституционного деликта могут быть названы с определенной долей условности.

Во-вторых, для конституционного деликта возможно наличие двуобъектного состава, т.е. непосредственный объект правонарушения включает основной и дополнительный объекты конституционного деликта.

В-третьих, если имеет место конституционный деликт, одновременно нарушающий иной отраслевой запрет, то при характеристике объектов данного вида правонарушения в большинстве случаев будет очевидно пересечение родового объекта конституционного деликта и общего и родового объекта иного правонарушения, а также полное или частичное несовпадение их непосредственных объектов, что позволяет определить сферы конституционной и иной отраслевой (например, уголовной, административной либо гражданско-правовой) ответственности.

§ 2. Объективная сторона конституционного деликта

Внешнее проявление конституционного деликта характеризует его объективная сторона, которая раскрывает само деяние, те негативные последствия, к которым оно привело или могло привести, а также причинную связь между деянием и наступившими последствиями (если они имели место); в то же время она входит во внутреннюю структуру этого правонарушения. В юридической литературе при рассмотрении вопросов объективной стороны конституционных деликтов большинство исследователей акцентирует внимание на противоправности как основной характеристике деяния (В.О. Лучин, В.А. Виноградов, П.П. Серков, А.А. Кондрашев и др.). Однако этот подход представляется не совсем оправданным, поскольку признак противоправности характеризует внешнее проявление конституционного деликта в целом, а не отдельного структурного элемента в составе его объективных признаков.

По нашему мнению, при рассмотрении объективной стороны следует уделять внимание характеристике видов деяния, а также иных элементов объективной стороны (время, место, способ, иные обстоятельства), которые позволяют не только подробно изучить сущность конституционного деликта, но и разграничить его и иные виды правонарушений.

В юридической литературе под деянием в рамках конституционного деликта понимается деяние, которое причиняет вред объектам, охраняемым конституционным правом, либо ставит их под непосредственную угрозу причинения вреда¹⁷⁵. В самом общем понимании, как отмечают исследователи, это те деяния, которые отступают от требуемого государством должного поведения. Такое требование есть одновременно и запрет недолжного поведения¹⁷⁶.

При нарушении деянием требований конституционно-правовых норм объективная сторона может выражаться в различных формах недолжного поведения. Так, по мнению С.А. Авакьяна, надлежит выделять следующие формы такового:

- а) неприменение государственно-правовой нормы;
- б) недолжное применение государственно-правовой нормы, что может выразиться в недостаточно эффективной реализации предписаний нормы;
- в) прямое нарушение государственно-правовой нормы¹⁷⁷.

Однако неприменение государственно-правовой нормы и недолжное применение конституционно-правовой нормы, которое может проявиться в недостаточно эффективной ее реализации, сложно квалифицировать на практике; отсюда вытекает и невозможность установить как наличие, так и отсутствие состава конституционного деликта, а, следовательно, и оснований для наступления конституционной ответственности. В указанных случаях речь идет скорее о политической ответственности.

¹⁷⁵ См.: Виноградов В.А. Указ. соч. С. 38.

¹⁷⁶ См.: Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 290.

¹⁷⁷ См.: Авакьян С.А. Государственно-правовая ответственность // Советское государство и право. 1975. № 10. С. 22.

В этой связи трудно согласиться с мнением В.О. Лучина о том, что полная устраненность, безучастность, непринятие надлежащих конституционных мер Президентом СССР М.С. Горбачевым в связи с подписанием Беловежского соглашения 1991 года об упразднении Советского Союза следует рассматривать как пример деликтного бездействия, свидетельствующего о прямом нарушении государственно-правовой нормы субъектом конституционной ответственности¹⁷⁸. Полагаем, что в данном случае речь идет о неприменении государственно-правовой нормы, а следовательно, о наступлении исключительно политической ответственности.

Именно прямое нарушение конституционно-правовых норм следует рассматривать в качестве элемента объективной стороны конституционного деликта. Оно может быть выражено вовне как в форме активных противоправных действий, так и в противоправном несовершении предписанного законом поведения (бездействии). Это утверждение согласуется с позицией, принципиально поддержанной Н.М. Колосовой, о том, что «конституционная ответственность наступает лишь в случае конституционного деликта, когда речь идет о прямом нарушении конституционных запретов, либо невыполнении конституционных функций, задач, обязанностей, возложенных на государственные и общественные органы, их должностных лиц и граждан»¹⁷⁹.

Как неоднократно отмечалось в юридической литературе, подавляющее большинство конституционных деликтов совершается путем активных действий¹⁸⁰. Неисполнение же лицом конституционно-правовых предписаний, в результате чего наступают общественно опасные либо общественно вредные последствия, образует деяние в виде бездействия. При этом следует согласиться с позицией В.О. Лучина о том, что «бездействие может быть признано таковым лишь при условии, если субъект конституционной ответственности не выполнил возложенной на него конституционной обязанности и не совершил действия,

¹⁷⁸ См.: Лучин В.О. Указ. соч. С. 291.

¹⁷⁹ Колосова Н.М. Указ соч. С. 106.

¹⁸⁰ См., например: Забровская Л.В. Указ. соч. С. 33; Виноградов В.А. Указ. соч. С. 36.

которые был должен совершить»¹⁸¹. Примером бездействия является предусмотренное частью 3.1 статьи 4 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» основание досрочного прекращения полномочий депутата по инициативе фракции, в которой он состоит, или по инициативе комитета, членом которого он является, в случае неисполнения в течение 30 и более календарных дней следующих обязанностей:

- по поддержанию депутатом Государственной Думы, входившим в качестве кандидата в региональную группу кандидатов федерального списка кандидатов, связи с избирателями на территории, которой соответствовала эта региональная группа кандидатов (т.е. с избирателями в соответствующем субъекте Российской Федерации, в соответствующей группе субъектов Российской Федерации или на части территории субъекта Российской Федерации);

- по рассмотрению обращения избирателей, ведению личного приема граждан в порядке и сроки, которые установлены Регламентом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, но не реже чем один раз в два месяца, проведению встреч с избирателями не реже чем один раз в полгода, а также по осуществлению предусмотренных законодательством Российской Федерации иных мер, обеспечивающих связь с избирателями;

- по личному участию в заседании соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации, комитета, комиссии, согласительной и специальной комиссии, членами которых они являются, в порядке, установленном регламентами палат Федерального Собрания Российской Федерации¹⁸².

В зарубежных государствах описание бездействия, характеризующего деяние в рамках конституционного деликта, может содержаться в диспозиции конституционной нормы. Так, в соответствии с § 30 Конституции Норвежского

¹⁸¹ Лучин В.О. Указ. соч. С. 291.

¹⁸² См.: Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 2. Ст. 74; 2001. № 32. Ст. 3317; 2005. № 30 (ч. I). Ст. 3104; 2008. № 44. Ст. 4996; 2009. № 20. Ст. 2391; 2010. № 31. Ст. 4181; 2016. № 19. Ст. 2670; 2017. № 24. Ст. 3476.

Королевства от 17 мая 1814 г. «если кто-либо из членов Государственного совета сочтет, что решение Короля противоречит форме правления или законам государства либо что оно явно наносит ущерб государству, то его долг выступить против решения с энергичным представлением и занести свое мнение в протокол. Тот, кто не будет протестовать таким образом, считается согласным с Королем, вследствие этого он подлежит ответственности... и против него может быть возбуждено Одельстингом обвинение перед Государственным судом»¹⁸³. В Австрии обвинение против губернатора земли, его заместителя или члена правительства земли может быть возбуждено по решению Федерального правительства в связи с неисполнением постановлений или иных распоряжений (указаний) Федерации по вопросам непрямого федерального управления, а в отношении членов правительства земли также в связи с неисполнением ими указаний губернатора по таким же вопросам¹⁸⁴ (п. «е» части 2 статьи 142 Конституции Австрийской Республики).

Несмотря на довольно незначительное количество конституционных деликтов, совершаемых в виде бездействия, нельзя не согласиться с мнением Д.Т. Шона: «...если бы ответственность применялась только за неправильные и противозаконные решения, то органы и должностные лица стремились бы вообще уклониться от принятия каких-либо решений»¹⁸⁵.

В отличие от бездействия перечень деяний в виде действия весьма разнообразен. Основываясь на анализе юридической техники изложения деликтных действий в конституционном праве, их можно разделить на две группы:

1. Абсолютно определенные действия, включающие действия, изложенные в описательных диспозициях конституционно-правовых норм, и действия, изложенные в бланкетных диспозициях конституционно-правовых норм.

Примером запрещенных действий, изложенных в описательной диспозиции конституционно-правовой нормы, является часть 3 статьи 13 Конституции

¹⁸³ Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2. С.662.

¹⁸⁴ Там же. Т. 1. С. 104.

¹⁸⁵ Шон Д.Т. Указ. соч. С. 38.

Российской Федерации, в соответствии с которой запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Подобным же образом изложены положения пунктов 3-5 части 1 статьи 13.1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в которых определены следующие основания увольнения (освобождение от должности) лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, в связи с утратой доверия:

- участие лица на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организации, за исключением случаев, установленных федеральным законом;

- осуществление лицом предпринимательской деятельности;

- вхождение лица в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации¹⁸⁶.

Аналогичные диспозиции – не редкость в конституционно-правовых нормах зарубежных стран. Так, например, в соответствии с частью 1 статьи 26 Основного закона ФРГ запрещены действия, способные нарушить мирную совместную жизнь народов и предпринимаемые с этой целью, в частности, для подготовки к ведению агрессивной войны¹⁸⁷. В статье 89 Конституции Египта

¹⁸⁶ См.: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6730.

¹⁸⁷ См.: Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1. С. 589.

содержится запрет рабства, всех форм подавления и принудительной эксплуатации людей, также как сексуальная эксплуатация и другие формы незаконной торговли людьми, которые наказуемы согласно закону¹⁸⁸.

Бланкетные диспозиции конституционно-правовых норм предполагают отсылку к положениям в основном уголовного законодательства, в нормах которого раскрывается определение соответствующих действий. Подобная практика широко распространена во многих странах мира. Так, уже упомянутая норма Конституции Российской Федерации (часть 1 статьи 93) называет одним из оснований для отрешения от должности Президента Российской Федерации обвинение его в государственной измене. При этом понятие государственной измены раскрывается в части 1 статьи 275 Уголовного кодекса Российской Федерации (совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации).

В соответствии со статьей 45 Конституции Австралии должность сенатора или депутата Палаты Представителей становится вакантной, если он напрямую или косвенно принимает либо соглашается принять взятку или гонорар за оказание услуг в пределах Австралийского Союза, или в Парламенте, от любого лица или штата¹⁸⁹. Уголовный кодекс Австралии содержит исчерпывающий перечень действий, совершение которых дает основание признать публичного чиновника

¹⁸⁸ См.: Конституция Арабской Республики Египет. Конституции государств (стран) мира Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru>.

¹⁸⁹ См.: Конституция Австралии. Конституции государств (стран) мира. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru>.

Австралийского Союза виновным в получении взятки, а именно – если «данный публичный чиновник нечестным путем:

- выпрашивает выгоду для себя непосредственно или для другого лица; либо

- присваивает или получает выгоду для себя непосредственно или для другого лица; либо

- соглашается присвоить или получить выгоду для себя непосредственно или для другого лица; и

- данный публичный чиновник действует таким образом с умыслом:

- что будет оказано воздействие на осуществление должностных обязанностей публичного чиновника Австралийского Союза; либо

- побудить возникновение, вызвать или укрепить веру в то, что будет оказано воздействие на осуществление должностных обязанностей публичного чиновника Австралийского Союза» (часть 3 статьи 141.1)¹⁹⁰.

В Южной Корее одним из оснований для импичмента президента названо обвинение в мятеже в период осуществления им своих полномочий (статья 84 Конституции Республики Корея). При этом Уголовный Кодекс Республики Корея содержит главу о преступлениях, связанных с мятежом, которая включает как само понятие мятежа, так и убийство с целью мятежа, покушение на совершение указанных действий, приготовление, сговор, агитацию или пропаганду с целью совершения мятежа или убийства с целью мятежа, а также понятие ниспровержения Конституции (статьи 87–91)¹⁹¹. Представляется, что такое расширительное толкование понятие «мятеж» в случае импичмента вызовет значительные трудности в правоприменительной практике.

Определенный интерес представляет норма части 1 статьи 46 Основного закона ФРГ, в соответствии с которой депутат ни в какое время не может быть подвергнут преследованию в судебном или административном порядке или иначе привлечен к ответственности вне Бундестага за свое голосование либо

¹⁹⁰ См.: Уголовный кодекс Австралии 1995 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 233.

¹⁹¹ См.: Уголовный кодекс Республики Корея. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 82–84.

высказывание в Бундестаге или в одном из его комитетов. Это не относится к клеветническим оскорблениям (нем. *Verleumderische Beleidigungen* – прим. Ю.А. Ливадной)¹⁹². Основание привлечения в конституционной ответственности за клеветнические оскорбления представляет собой сложный правовой феномен, поскольку в § 185 и § 187 Уголовного уложения (Уголовного кодекса) ФРГ содержатся два обособленных состава преступления – оскорбление (*Beleidigung*) и клевета (*Verleumdung*)¹⁹³. Исходя из изложенного, остается неясным вопрос, подлежит ли депутат Бундестага конституционной ответственности в случае совершения совокупности этих преступлений либо допустим иной правоприменительный подход, неочевидный исходя из смысла конституционно-правовых и уголовно-правовых норм.

2. Относительно определенные действия, деликтность которых определяется исходя из характера и степени общественной опасности (общественной вредности) или определенного вида и (или) срока наказания за их совершение.

Указание на степень общественной опасности совершенного деяния содержится, например, в части 1 статьи 93 Конституции Российской Федерации: Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности при соблюдении установленной процедуры в случае обвинения его в совершении тяжкого преступления. Аналогичные основания отрешения от должности установлены, например, в отношении главы государства частью 1 статьи 107 Конституции Азербайджана, частью 1 статьи 95 Конституции Румынии, статьей 159 Конституции Египта, статьей 108 Конституции Мексики; в отношении главы государства, а также, в качестве основания лишения депутатской неприкосновенности, в отношении членов парламента – статьями 88 и 102

¹⁹² См.: Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1. С. 595; Deutsch-Russische Juristenvereinigung e.V. // Grundgesetz. URL: https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz/gg_03/245126.

¹⁹³ См.: Головиненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. М.: Проспект, 2017. С. 178; Deutsch-Russische Juristenvereinigung e.V. // Strafgesetzbuch (StGB). URL: www.gesetze-im-internet.de/stgb/BJNR001270871.html.

Конституции Беларуси, частью 1 статьи 90 и частью 3 статьи 73 Конституции Албании; исключительно в отношении депутатов – статьей 70 Конституции Болгарии, частью 13 статьи 15 Конституции Ирландии.

Практика отражения в конституционно-правовых нормах характера совершенного деяния является менее распространенной. Примером такого законодательного подхода служит § 113 Конституции Финляндии, в соответствии с которым одним из оснований отрешения Президента от должности названо обвинение его в совершении преступления против человечества¹⁹⁴.

Определение деликтности тех или иных действий исходя из вида и (или) срока наказания, назначаемого в случае их совершения, также весьма распространено в конституционно-правовых нормах стран мира. Например, в Хорватии депутат может быть арестован без согласия палаты Сабора только в том случае, если он был застигнут в момент совершения преступления, за которое предусмотрено наказание не менее пяти лет лишения свободы (статья 75 Конституции Хорватии)¹⁹⁵. В Швеции член Риксадага может быть лишен депутатской неприкосновенности, когда речь идет о преступлении, за которое установлено наказание не меньшее, чем тюремное заключение сроком на два года (§ 8 Конституции Швеции)¹⁹⁶. В Брунее основанием для утраты статуса члена Законодательного совета является приговор к смертной казни, лишению свободы или штрафу свыше тысячи долларов (статья 30 Конституции Государства Бруней Даруссалам). Определенный интерес представляют положения статьи 69 Конституции Аргентины: депутаты и сенаторы могут быть арестованы, если «их застали на месте преступления, которое заслуживает смертной казни или позорящего наказания...»¹⁹⁷.

Следует отметить, что в нормах конституций и актов конституционного значения абсолютно определенные и относительно определенные действия не являются строго обособленными друг от друга. Анализ практики их изложения

¹⁹⁴ См.: Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 3. С. 395.

¹⁹⁵ Там же. С. 460.

¹⁹⁶ Там же. С. 607.

¹⁹⁷ Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 1. С. 27.

показывает, что законодатели стран мира используют смешанный подход, позволяющий в рамках одной статьи объединять действия, изложенные в диспозициях конституционно-правовых норм, и действия, деликтность которых устанавливается исходя из характера и степени общественной опасности или определенного вида и/или срока наказания за их совершение¹⁹⁸.

Представляется, что закрепление в конституционно-правовых нормах относительно определенных действий, с одной стороны, оправдано с точки зрения возможности совершенствовать отраслевое законодательство без внесения изменений в конституцию или акт конституционного уровня, но с другой – правовая неопределенность всегда порождает возможность злоупотребления, особенно при использовании института конституционной ответственности в политических целях.

Деяние в рамках состава объективной стороны конституционного деликта, как и иного вида правонарушения, может повлечь за собой негативные последствия в виде причинения вреда тем или иным охраняемым законом общественным отношениям, явлениям, благам. В юридической литературе специфика этих последствий в достаточной степени не изучена. Между тем можно смело утверждать, что и для конституционного деликта характерно наличие общественно опасных либо общественно вредных последствий, что порой объясняется максимально высокой степенью общественной опасности (общественной вредности) этого деяния по сравнению с другими видами правонарушений.

В соответствии со статьей 53 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. При этом правовая природа такой ответственности, как отмечает И.А. Умнова, состоит в том, что «орган государственной власти несет ее не как юридическое лицо, а как субъект, представляющий государство»¹⁹⁹. В данном случае

¹⁹⁸ См.: Ливадная Ю.А. Объективная сторона конституционно-правового деликта // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. С. 137–141.

¹⁹⁹ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма: учебно-практическое пособие. М.: Дело, 1998. С. 223.

обязанность по возмещению негативных последствий конституционного деликта лежит не на конкретном государственном органе, а на государстве в целом; при этом механизм возмещения определяется характером самих последствий.

Анализ конституционно-правовых норм стран мира показывает, что в них упоминается о наличии негативных последствий конституционного деликта, хотя и весьма редко. Например, в соответствии с частью 1 статьи 23 Конституции Австрии «федерация, земли, районы, общины и другие объединения, а также и учреждения публичного права несут ответственность за ущерб, причиненный лицами, действующими в качестве их представителей при исполнении законов и виновными в противоправном поведении»²⁰⁰. Конституция Испании обязывает органы власти следить за рациональным использованием всех природных ресурсов в целях сохранения и улучшения качества жизни, а также охраны и восстановления окружающей среды, опираясь при этом на необходимую коллективную солидарность. Лица, нарушившие эти положения, «подлежат, в соответствии с законом, уголовной или административной ответственности и обязаны возместить причиненный ущерб»²⁰¹ (части 2 и 3 статьи 45 Конституции Испании).

Структура приведенных норм во многом объясняет отсутствие указания на характер причиненного вреда в рамках объективной стороны конституционного деликта. Действительно, вред, причиненный при совершении конституционного деликта, выходит за рамки его состава и лежит в плоскости защиты чаще всего уголовного, административного или гражданского права, либо определение его характера и размера применительно к конкретному деянию объективно невозможно или затруднительно (например, в случае принятия закона субъекта Российской Федерации, противоречащего Конституции Российской Федерации).

Так, если один депутат парламента выразил свое несогласие с позицией другого путем применения к нему физического насилия, то такое деяние с точки зрения российского права нарушает одновременно и конституционный, и уголовно-правовой запрет. В то же время, учитывая более высокую степень

²⁰⁰ Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1. С. 42.

²⁰¹ Там же. Т. 2. С. 59.

общественной опасности данного конституционного деликта (посягательство на здоровье представителя власти, осуществленного другим представителем власти – депутатом) по сравнению с аналогичным преступлением, совершенным общеуголовным субъектом, следует констатировать, что это правонарушение будет окончено с момента начала совершения насильственных действий, причинивших физическую боль. В свою очередь, общественно опасные последствия в виде причинения вреда здоровью будут квалифицированы в рамках соответствующих уголовно-правовых норм.

Представляется, что аналогичным образом следует квалифицировать деяния и их последствия даже в тех случаях, когда о характере причиненного вреда речь идет в диспозиции конституционно-правовой нормы.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что ввиду высокой степени общественной опасности (общественной вредности) отдельных конституционных деликтов их объективная сторона включает только само деяние в виде действия, и тем самым состав указанного правонарушения характеризуется как формальный.

При рассмотрении объективной стороны данного правонарушения немаловажную роль играют ее факультативные признаки, а именно: место, время, способ и иные обстоятельства совершения названного правонарушения.

Для объективной стороны конституционного деликта наиболее характерен признак времени; под ним следует понимать определенный период, в течение которого было совершено правонарушение. Причем это не просто хронологический промежуток, измеряемый в минутах, часах, годах и т.д., а значимый элемент объективной стороны, позволяющий наиболее полно охарактеризовать внешнее проявление деяния. Так, А.В. Наумовым приведены примеры воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (статья 141 Уголовного кодекса Российской Федерации) и фальсификация избирательных документов, документов референдума (статья 142 Уголовного кодекса Российской Федерации), которые предполагают совершение их в определенное время – в ходе выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления или в ходе референдума. Автором сделан вывод,

что «в этих случаях и место, и время совершения преступления являются признаком объективной стороны состава преступления, отсутствие которого означает и отсутствие соответствующего состава»²⁰². Представляется, что изложенное справедливо и для характеристики объективной стороны конституционного деликта.

Анализ конституций стран мира показывает, что наиболее часто встречаются формулировки «во время исполнения обязанностей», «во время пребывания в должности». Так, в статье 119 Конституции Нидерландов «правонарушения, совершенные депутатами и бывшими депутатами Генеральных штатов, министрами и государственными секретарями во время пребывания в должности, рассматриваются Верховным судом»²⁰³. Члены Правительства Французской Республики несут ответственность за действия, совершенные ими при исполнении своих обязанностей, квалифицируемые в момент их совершения как преступления или деликты (часть 1 статьи 68-1 Конституции Французской Республики)²⁰⁴. Согласно статье 17 Положения о Совете министров Королевства Саудовской Аравии члены Совета министров привлекаются к суду за нарушения, которые они могли совершить при исполнении своих обязанностей в соответствии со специальным статутом²⁰⁵.

В конституционно-правовых нормах указанные хронологические рамки могут быть конкретизированы. Такой подход законодателя прослеживается в изложении части 2 статьи 105 Конституции Польши, согласно которой депутат не может быть без согласия Сейма привлечен к уголовной ответственности со дня опубликования результатов выборов до дня погашения мандата депутата²⁰⁶.

Признак времени определяется как период, в течение которого осуществляются действия, значимые с точки зрения конституционного права

²⁰² Наумов А.В. Указ. соч. С. 340.

²⁰³ Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2. С. 632.

²⁰⁴ Там же. Т. 3. С. 426.

²⁰⁵ См.: Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 1. С. 508.

²⁰⁶ См.: Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2. С. 704.

(например, во время парламентской сессии, в ходе предвыборной кампании, во время подсчета голосов избирателей).

Так, в соответствии с пунктом к части 24 статьи 38 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» среди оснований для отказа в регистрации кандидата назван установленный решением суда факт несоблюдения им в течение агитационного периода определенных в законе ограничений (например, если предвыборные программы кандидатов, иные агитационные материалы содержат призывы к совершению деяний экстремистской направленности, либо возбуждают социальную, расовую, национальную или религиозную рознь, унижают национальное достоинство, пропагандируют исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности)²⁰⁷.

Место совершения правонарушения как признак объективной стороны конституционного деликта также встречается в диспозициях конституционно-правовых норм и касается возможности приостановить неприкосновенность высших должностных лиц государства в случае задержания их на месте преступления. Например, в соответствии с частью 1 статьи 98 Конституции Российской Федерации сенаторы Российской Федерации и депутаты Государственной Думы не могут быть задержаны, арестованы, подвергнуты обыску, кроме случаев задержания на месте преступления.

Аналогичные нормы содержатся и в конституциях зарубежных стран. Так, согласно положениям абзаца 2 статьи 102 Конституции Беларуси депутаты Палаты представителей и члены Совета Республики могут быть арестованы, иным образом лишены личной свободы лишь с предварительного согласия соответствующей палаты, за исключением (в том числе) задержания на месте совершения

²⁰⁷ См.: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253; 2006. № 50. Ст. 5303.

преступления²⁰⁸. В Бельгии ни один член той или иной палаты не может быть в течение сессии направлен или доставлен в суд либо трибунал, арестован за наказуемое деяние иначе как с разрешения палаты, в которую он входит, за исключением случаев задержания с поличным на месте преступления (статья 59 Конституции Бельгии)²⁰⁹. Установление признака места требуется, в редких случаях, и в отношении глав государств (статья 105а Конституции Хорватии), членов правительства (часть II статьи 123 Конституции Азербайджана, части 5 статьи 71 Конституции Казахстана, статьи 113, 178 Конституции Уругвая), судей (статья 91 Конституции Таджикистана, статья 181 Конституции Польши).

Очевидно, что в приведенных примерах прослеживается прямая взаимосвязь между конституционным деликтом, совершенным высшим должностным лицом, и преступлением, субъектом которого оно одновременно является, по признаку места. Речь идет о том, что местом совершения конституционного деликта выступает место совершения преступления.

Для конституционных деликтов характерны достаточно разнообразные способы совершения, отраженные в диспозициях конституционно-правовых норм. Так, в соответствии с пунктом XLIV статьи 5 Конституции Бразилии преступления образуют действия вооруженных гражданских или демократических групп против конституционного порядка и демократического государства, т.е. способ совершения правонарушения предполагает применение оружия²¹⁰. Статья 8 Конституции Литовской Республики называет насильственный путь в качестве способа захвата государственной власти или ее института²¹¹. Согласно статье 102 Конституции Аргентины «каждый министр несет персональную ответственность за акты, которые визирует, и отвечает солидарно за те, которые согласовывает с коллегами»²¹². В данном случае способами совершения конституционного деликта могут быть названы визирование или согласование соответственно.

²⁰⁸ См.: Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1. С. 321.

²⁰⁹ Там же. С. 349.

²¹⁰ См.: Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 3. С. 127.

²¹¹ См.: Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2. С. 333.

²¹² Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 3. С. 41.

В тех случаях, когда речь идет о конституционном деликте высшего должностного лица государства, специально оговоренном в конституционно-правовых нормах и являющемся основанием для лишения его неприкосновенности, способом в рамках объективной стороны конституционного деликта будет выступать совершение соответствующего правонарушения.

Согласно статье 45 Конституции Венесуэлы «запрещается публичным властям, гражданским или военным, в условиях чрезвычайного положения отменять или ограничивать конституционные права, принимать, давать разрешения или допускать насильственное исчезновение лиц»²¹³. Было бы ошибочным рассматривать период чрезвычайного положения как характеристику времени в рамках объективной стороны конституционного деликта. Принимая во внимание особый правовой режим, который действует в случае введения чрезвычайного положения, законодатель имеет ввиду иные обстоятельства, характеризующие внешнюю сторону проявления правонарушения. Определенный интерес представляет указание на иное обстоятельство, изложенное в статье 85 Конституции Греции, согласно которой письменное или устное указание Президента Республики ни в коем случае не освобождает министров и их заместителей от ответственности²¹⁴.

Анализ особенностей объективной стороны конституционного деликта позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, объективная сторона конституционного деликта выступает внешним проявлением правонарушения и включает, в качестве обязательного элемента, деяние в виде действия или бездействия;

во-вторых, основываясь на анализе юридической техники изложения деликтных действий в конституционном праве, диссертант считает возможным разделить их на две группы: абсолютно определенные, включающие действия, изложенные в описательных диспозициях конституционно-правовых норм, и действия, изложенные в бланкетных диспозициях конституционно-правовых норм,

²¹³ Там же. С. 319, 320.

²¹⁴ См.: Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1. С. 678.

и относительно определенные действия, деликтность которых определяется исходя из характера и степени общественной опасности (общественной вредности) или определенного вида и (или) срока наказания за их совершение;

в-третьих, ввиду высокой степени общественной опасности (общественной вредности) отдельных конституционных деликтов по сравнению с иными видами правонарушений их объективная сторона включает только само деяние в виде действия, и тем самым состав указанного правонарушения характеризуется как формальный.

в-четвертых, при отражении в диспозиции конституционно-правовой нормы факультативных признаков объективной стороны конституционного деликта – времени, места, способа и иных обстоятельств совершения правонарушения – указанные признаки приобретают статус обязательных, без которых отсутствует и (или) ставится под сомнение наличие состава конституционного деликта в целом.

§ 3. Особенности субъекта и субъективной стороны конституционного деликта

В отличие от теории уголовного, административного, трудового и иных отраслей права, где вопрос субъекта правонарушения является всесторонне изученным, в теории конституционного права до настоящего времени отсутствует единый подход к определению понятия и характеристик субъекта конституционного деликта.

Анализ изложенных в юридической литературе выводов исследователей конституционной ответственности позволяет говорить о наличии широкого и узкого подходов к пониманию этого субъекта.

С точки зрения широкого подхода, субъект конституционного деликта либо с определенными изъятиями отождествляется с субъектом конституционно-правовых отношений (С.А. Авакьян, А.А. Кондрашев), либо представляет собой

перечень лиц (граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства, должностных лиц, государственные органы, негосударственные органы и объединения), нарушающих конституционные установления и способных нести за это юридическую ответственность (В.О. Лучин, Л.В. Забровская, Н.М. Колосова, В.А. Виноградов и др.).

Узкий же подход заключается, по сути, в признании субъектами конституционно ответственности только субъектов, обладающих специальным статусом, а именно – политических деятелей, высших должностных лиц (глав государств, министров, депутатов, руководителей партий и др.), т.е. тех или иных лиц, наделенных государственно-властными полномочиями (Д.Т. Шон, М.В. Баглай и др.)²¹⁵.

По нашему мнению, широкий подход к пониманию субъекта конституционного деликта является более оправданным, поскольку позволяет применять его в рамках квалификации всех видов названного правонарушения.

В то же время следует отметить ряд проблемных моментов, в том числе излишних характеристик субъектов конституционного деликта, которые встречаются в юридической литературе.

Во-первых, не все субъекты конституционно-правовых отношений могут быть признаны субъектами конституционного деликта. С.А. Авакьян справедливо отмечает невозможность применить меры конституционной ответственности к таким субъектам, как народ, нация, в отношении которых «трудно предположить их позитивную ответственность перед другим субъектом конституционно-правовых отношений, и уж тем более негативную конституционную ответственность»²¹⁶. Аналогичного мнения придерживался и В.О. Лучин, который указывал: «Признание народа, нации в качестве субъекта конституционной ответственности не обоснованно теоретически и весьма опасно в практическом плане»²¹⁷.

²¹⁵ См.: Шон Д.Т. Указ. соч. С. 35; Баглай М.В. Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998. С. 295, 296.

²¹⁶ Авакьян С.А. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс. Т. 1. С. 125.

²¹⁷ Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. С. 400.

Во-вторых, необходимо дифференцировать понятия: конституционное правоотношение и его субъекты; субъект конституционного деликта; субъект конституционной ответственности. О.Э. Лейст писал, что если рассматривать ответственность как правоотношение, то субъектами конституционной ответственности можно называть как тех, кто подвергается санкциям, так и тех, кто применяет их по отношению к другим субъектам²¹⁸. Таким образом, понятие субъекта конституционной ответственности шире понятия субъекта конституционного деликта и включает:

- 1) субъектов, претерпевающих ответственность;
- 2) субъектов, привлекающих к ответственности²¹⁹.

Следует полностью согласиться с выводами А.В. Виноградова о том, что именно «субъекты конституционной ответственности первого вида есть субъекты конституционного деликта»²²⁰.

В-третьих, представляется излишним рассматривать в качестве характеристики субъекта конституционного деликта его правосубъектность.

Так, например, субъект конституционного деликта понимается как «участник конституционно-правовых отношений, совершивший конституционно-правовой деликт и способный с соответствии с нормами конституционного права нести конституционно-правовую ответственность»²²¹. При этом указывается, что он обладает тремя системными признаками: правосубъектностью (правоспособностью и дееспособностью) как субъект конституционных правоотношений; закрепленной конституционно-правовыми нормами обязанностью отвечать за свое юридически значимое поведение; деликтоспособностью, т.е. в отношении него могут быть применены конституционные санкции.

²¹⁸ См.: Лейст О.Э. Указ. соч. С. 170, 171.

²¹⁹ См.: Зражевская Т.Д. Указ. соч. С. 123.

²²⁰ Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. С. 44.

²²¹ Забровская Л.В. Указ. соч. С. 40.

Такой подход в рамках рассмотрения субъекта конституционного деликта представляется избыточным, тогда как для характеристики его как элемента состава конституционного деликта следует отражать только необходимые признаки такого элемента. В приведенном примере этим признаком является только деликтоспособность. Правосубъектность (правоспособность и дееспособность) выступает признаком субъекта конституционных правоотношений, а закрепленная конституционными нормами обязанность отвечать за свое юридически значимое поведение поглощается понятием дееспособности.

Изложенное согласуется с мнением В.А. Виноградова, который отмечает, что «важнейшей особенностью субъекта конституционного деликта является то, что он обладает конституционной деликтоспособностью»²²².

В-четвертых, нельзя согласиться с утверждением В.О. Лучина о том, что составы отдельных конституционных деликтов не имеют персонифицированных субъектов: «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону (часть 4 статьи 3 Конституции Российской Федерации)»²²³. Также не могут быть поддержаны умозаключения О.В. Кудряшовой об отсутствии в ряде случаев субъекта конституционной ответственности: «...при этом субъект правонарушения присутствует всегда, но конкретного субъекта ответственности, несущего негативные последствия, может и не быть»²²⁴. Подобные подходы лишают состав конституционного деликта одного из обязательных элементов – его субъекта, что не только означает отсутствие субъективных признаков совершенного деяния, но и ставит под сомнение наличие объективной стороны в виде самого деяния, и, в конечном итоге, конституционного деликта в целом. Как справедливо отмечает П.П. Серков, «свое назначение конструкция состава правонарушения выполнит

²²² Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. С. 44.

²²³ Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. С. 292.

²²⁴ Кудряшова О.В. Федеративная ответственность как институт конституционного права: понятие и особенности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. Научное издание. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 254.

только при наличии четырех элементов как оптимальной совокупности... Отсутствие субъекта состава конституционного деликта не позволяет это сделать ни на законодательном, ни на правоприменительном уровнях, так как остаются неизвестными вопросы о том, а кто же тогда совершает объективную сторону конституционного деликта, и по каким критериям сделан вывод о том, что он вообще имеет место»²²⁵.

Исходя из изложенного, под субъектом конституционного деликта автор настоящего диссертационного исследования понимает обязательный элемент состава конституционного деликта, отражающий признаки лица, совершившего данное правонарушение (в первую очередь, деликтоспособность).

К изложению перечня субъектов конституционного деликта в юридической литературе предложено множество авторских подходов²²⁶. Однако в рамках изучения субъекта этого правонарушения, как представляется, особое внимание следует уделить не разработке исчерпывающего перечня субъектов конституционного деликта, а определению признаков указанного элемента состава названного правонарушения.

Эта позиция обусловлена также динамично изменяющимся перечнем субъектов конституционных деликтов. Так, Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» расширен перечень субъектов, порядок и основания наступления конституционной ответственности которых установлены Конституцией Российской Федерации, а именно:

1) Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий. Речь идет о том, что в соответствии с частью 1 статьи 93 Закона

²²⁵ Серков П.П. Указ. соч. С. 153, 154.

²²⁶ См., например: Авакьян С.А. Государственно-правовая ответственность. С. 18; Боброва Н.А. Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. С. 66, 67; Виноградов В.А. Указ. соч. С.128; Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. С. 291; Колосова Н.М. Указ. соч. С. 89; Кондрашев А.А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 126, 127.

помимо Президента Российской Федерации, который может быть отрешен от должности в установленном Конституцией Российской Федерации порядке, Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, может быть лишен неприкосновенности Советом Федерации только на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, подтвержденного заключением Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента Российской Федерации (как действующего, так и прекратившего исполнение своих полномочий) признаков преступления, а также заключением Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения.

При этом в соответствии с требованиями части 7 статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации решение Государственной Думы об отказе в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, либо решение Совета Федерации об отказе в лишении неприкосновенности указанного лица влечет за собой прекращение уголовного преследования;

2) Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судьи Конституционного Суда Российской Федерации, Председатель Верховного Суда Российской Федерации, заместители Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судьи Верховного Суда Российской Федерации, председатели, заместители председателей и судьи кассационных и апелляционных судов.

Ранее основания и порядок наступления юридической ответственности указанных субъектов определялись на уровне федерального конституционного закона. В новой редакции пункта е.3) статьи 83 Конституции Российской Федерации эти основания и порядок устанавливаются на уровне норм Конституции Российской Федерации. Так, Президент Российской Федерации вносит в Совет Федерации представление о прекращении в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий Председателя Конституционного Суда

Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий;

3) сенаторы Российской Федерации. В данном случае речь идет о переименовании в Конституции Российской Федерации членов Совета Федерации в сенаторов Российской Федерации. Так, новая редакция части 1 статьи 98 Конституции Российской Федерации гласит: «Сенаторы Российской Федерации и депутаты Государственной Думы обладают неприкосновенностью в течение всего срока их полномочий. Они не могут быть задержаны, арестованы, подвергнуты обыску, кроме случаев задержания на месте преступления, а также подвергнуты личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других людей». Очевидно, подобное конституционное переименование потребует дальнейшей ревизии законодательства, чтобы привести его в соответствие с конституционно-правовыми нормами.

В целях определения признаков субъекта как элемента состава конституционного правонарушения считаем целесообразным использование предложенной Т.Д. Зражевской классификации субъектов конституционной ответственности на два вида: индивидуальные и коллективные. При этом к индивидуальным субъектам автор относит: а) граждан, б) депутатов, в) должностных лиц, избираемых или утверждаемых представительными органами.

Коллективные субъекты, имеющие конституционную деликтоспособность, подразделяются, по ее мнению, на: а) государственные органы, б) иные социальные

образования (постоянные комиссии представительных органов, избирательные комиссии)²²⁷.

В настоящее время признаки как индивидуального, так и коллективного субъекта наиболее полно разработаны В.А. Виноградовым. В качестве признаков индивидуального субъекта конституционного деликта автор называет достижение определенного возраста и вменяемость²²⁸. Изложенный подход в полной мере коррелируется с учениями уголовного и административного права о субъекте преступления и субъекте административного правонарушения (если речь идет о физическом лице). Субъектом правонарушения может быть достигшее установленного для наступления ответственности возраста, вменяемое лицо, т.е. способное осознавать фактический характер и общественную опасность (общественную вредность) своего деяния (действия либо бездействия) либо руководить ими.

Признак достижения определенного возраста принято исчислять числовыми параметрами с учетом специфики правовой системы того или иного государства.

Очевидно, что в отношении индивидуальных субъектов конституционных деликтов признак возраста часто взаимообусловлен особенностями их специального статуса. Исходя из этого роль названного признака представляется незначительной, поскольку в практике правоприменения маловероятна ситуация привлечения к конституционной ответственности лица, занимающего определенную должность, но не достигшего установленного в законодательстве возраста для ее занятия. Наделенные специальным статусом субъекты во всех случаях не только достигли общего возраста привлечения к юридической ответственности, но и установленного законодательством возрастного ценза для занятия определенных должностей, связанных с наделением государственно-властными полномочиями. Так, Президентом Российской Федерации может быть

²²⁷ См.: Зражевская Т.Д. Указ. соч. С. 125.

²²⁸ См.: Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. С. 120.

избран гражданин Российской Федерации не моложе 35 лет (часть 2 статьи 81 Конституции Российской Федерации), депутатом Государственной Думы – гражданин Российской Федерации, достигший 21 года (часть 1 статьи 97 Конституции Российской Федерации); судьями – граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет (статья 119 Конституции Российской Федерации) и т.д.

Вменяемость, т.е. свойства личности, которые характеризуют состояние ее интеллекта и воли по отношению к конкретному акту поведения, включает медицинский и юридический критерии. Медицинский критерий подразумевает отсутствие у лица хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики. Юридический критерий вменяемости означает способность лица отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, способность понимать их фактическую сторону²²⁹.

Как уже отмечалось, субъекты конституционного деликта могут быть специальными, т.е. имеющими обязательные качества, дополняющие общие качества субъекта. В юридической литературе подчеркивается, что «большинством составов конституционного деликта предусматривается именно специальный субъект. Например, это председатель или член правительства, участник (член) общественного объединения, избиратель, кандидат на какую-либо должность, член избирательной комиссии и т.д.»²³⁰. Данное утверждение справедливо и в отношении конституционных деликтов, в составе которых специальный субъект является коллективным. Однако в отличие от, например, уголовного или административного права, диспозициями норм которых установлены разнообразные характеристики специального субъекта (возраст, пол, гражданство, должностное положение и др.), признаки специальных субъектов конституционного деликта сводятся, как представляется, к наличию обязательных специальных полномочий, закрепленных в конституционно-правовых нормах.

²²⁹ См. подробнее: Пионтковский А.А. Учение о преступлении. С. 242–245, 277–287; Трайнин А.Н. Указ. соч. С. 190–194; Наумов А.В. Указ. соч. С. 350–361; Павлов В.Г. Указ. соч. С. 72, 73.

²³⁰ Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. С. 120, 121.

Именно нарушение или невыполнение обязанностей либо злоупотребление правами составляют конституционный деликт. Например, в соответствии со статьей 156 Конституции Польши «члены Совета Министров несут ответственность перед Государственным Трибуналом за нарушение Конституции»²³¹. Очевидно, что отстранению от должности в рассматриваемом случае подлежат только министры. Нарушение Конституции названо в статье 64 Конституции Грузии основанием для возбуждения вопроса об отстранении от должности целого ряда должностных лиц, а именно Председателя Верховного Суда, членов правительства – министров, Генерального Прокурора, Председателя Палаты Контроля и членов Совета Национального банка²³².

В отношении физических лиц, не являющихся специальными субъектами конституционного деликта, следует согласиться с мнением Н.М. Колосовой, которая считает, что они «относятся в большинстве случаев к субъектам уголовной, административной, дисциплинарной ответственности, хотя и для них не исключена конституционная ответственность в том случае, если деяния этих субъектов нарушают нормы Конституции»²³³. В целом данный вопрос остается дискуссионным, поскольку его решение корреспондируется с системой конституционных санкций, имеющих место в той или иной правовой системе. В юридической литературе перечень таких санкций включает лишение гражданства, лишение и (или) ограничение конституционного права (в основном речь идет о пассивном и активном избирательном праве), лишение государственных наград и почетных званий²³⁴. Однако применительно к российскому конституционному праву ни один из перечисленных видов санкций нельзя признать конституционным в полной мере, поскольку лишение гражданства в Российской Федерации отсутствует, лишение пассивного и активного избирательного права является следствием наказания в виде лишения свободы, а лишение государственных наград

²³¹ Конституции государств Европы. Т. 2. С.715.

²³² Там же. Т. 1. С. 737.

²³³ Колосова Н.М. Конституционная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности // Государство и право. 1997. № 2. С. 91.

²³⁴ См.: Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. С. 238–246.

и почетных званий – вид уголовного наказания. Следовательно, признание физического лица, при отсутствии специальных характеристик, общим субъектом конституционного деликта возможно только с учетом практики зарубежных государств. Так, в соответствии с частью 3 статьи 4 Конституции Греции лишение греческого гражданства допускается в случае поступления на службу в иностранном государстве, противоречащую национальным интересам²³⁵.

В настоящее время одной из самых сложных и неоднозначных проблем изучения состава конституционного деликта остается субъективная сторона этого правонарушения. При этом разработанные в теории конституционного права определения субъективной стороны конституционного деликта в целом сводятся к определению ее как психического отношения субъекта к деянию, не соответствующему должному поведению и его последствиям²³⁶. Представляется, что такое определение тождественно определению субъективной стороны правонарушения в теории права²³⁷. Кроме того, как уже отмечалось, для субъективной стороны конституционного деликта характерно наличие вины в форме умысла или неосторожности в качестве основного признака субъективной стороны, а также мотива и цели как факультативных признаков²³⁸. В то же время для конституционного права ситуация осложняется наличием коллективных субъектов конституционных деликтов, для которых определение субъективной стороны через психическое отношение к совершаемому правонарушению невозможно. Как справедливо утверждает В.А. Виноградов, «такие психологические характеристики, как «умысел», «неосторожность», представляются непригодными для установления виновности коллективного субъекта в совершении конституционного деликта»²³⁹

²³⁵ См.: Конституции государств Европы. Т. 1. С. 647.

²³⁶ См.: Лучин В.О. Указ. соч. С. 292; Забровская Л.В. Указ. соч. С. 46; Виноградов В.А. Указ. соч. С. 45.

²³⁷ См., например: Радько Т.Н. Указ соч. С. 316.; Лазарев В.В. Указ. соч. С. 420.

²³⁸ См.: Лучин В.О. Указ соч. С. 292, 293; Забровская Л.В. Указ. соч. С. 46; Виноградов В.А. Указ. соч. С. 45.

²³⁹ Виноградов В.А. Указ. соч. С. 49.

Таким образом, разделяя мнение В.А. Виноградова, В.О. Лучина, Л.В. Забровской, А.А. Кондрашева о том, что вина в конституционном праве не может быть сведена к традиционному пониманию психического отношения субъекта к деянию, не соответствующему должному поведению и его возможному общественно опасному или вредному последствию, полностью поддерживаем позицию, что к решению вопроса вины в рамках субъективной стороны конституционного деликта, совершенного коллективным субъектом, следует подходить с точки зрения наличия у субъекта возможности надлежащим образом исполнить свои конституционные обязанности и принять все необходимых меры для того, чтобы не допустить конституционного правонарушения²⁴⁰. Представляется, что именно этот подход на сегодняшний день является самым обоснованным.

В то же время заслуживает внимания позиция П.П. Серкова о невозможности привлечения к ответственности, в том числе конституционной, при отсутствии вины. Указанную позицию автор обосновывает тем, «что общая теория правового регулирования и отраслевые науки не располагают примерами существования противоправности действий (бездействия), опасной для общества и государства и требующей правовой реакции в виде юридической ответственности при отсутствии вины субъекта»²⁴¹. А.А. Кондрашев также считает, что не имеет смысла искать обоснования ответственности без вины в конституционном праве (за исключением позитивной конституционной ответственности). Как отмечает автор, «вина должна быть признана неотъемлемым основанием возложения ретроспективной конституционно-правовой ответственности»²⁴². Однако, как представляется, изложенная формулировка дискуссионна, и может быть признана бесспорной лишь при наличии уточнения, что речь идет об обязательности вины в случае, когда ретроспективная конституционная ответственность сочетается с

²⁴⁰ См.: Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 292; Виноградов В.А. Указ. соч. С. 51, 52; Забровская Л.В. Указ. соч. С. 20; Кондрашев А.А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 113.

²⁴¹ Серков П.П. Указ. соч. С. 187.

²⁴² Кондрашев А.А. Указ. соч. С. 113.

применением санкций норм иных отраслей права за виновно совершенные правонарушения.

Обозначенные подходы исследователей вопросов конституционной ответственности свидетельствуют о том, что вина является обязательным элементом субъективной стороны состава конституционного деликта, одновременно нарушающего иной отраслевой запрет. Данное утверждение полностью согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова»: «Наличие вины – общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно»²⁴³.

Анализ конституций зарубежных стран позволяет говорить о закреплении в диспозициях конституционно-правовых норм прямого указания на форму вины, наличие которой в субъективной стороне конституционного деликта является обязательным условием наступления ответственности. Так, в соответствии с частью 2 статьи 23 Конституции Австрии лица, действующие в качестве представителей федерации, земель, районов, общин и других объединений, а также учреждений публичного права, если им ставится в вину умысел или грубая неосторожность, несут перед ними ответственность за убытки, понесенные субъектом права вследствие возмещения ущерба потерпевшему²⁴⁴.

Тождественными представляются положения статьи 109.1 Конституции Лихтенштейна, согласно которой страна, общины и иные коллективы, корпорации и учреждения публичного права отвечают за вред, который противоправно был причинен третьей стороне действующими в качестве их органов лицами при

²⁴³ Собрание законодательства РФ. 2001. № 7. Ст. 700.

²⁴⁴ См.: Конституции государств Европы. Т. 1. С. 42.

исполнении ими своих служебных обязанностей. В случае умысла или грубой небрежности к виновным лицам может быть предъявлен регрессный иск. При этом указанные лица отвечают перед государством, общиной и прочими коллективами, корпорациями и учреждениями публичного права, на чьей службе они состоят, за непосредственный ущерб, причиненный ими ввиду умышленного или грубого и небрежного нарушения служебных обязанностей²⁴⁵.

Рассмотренные примеры не только иллюстрируют важность определения формы вины в вопросах привлечения к конституционной ответственности, но и раскрывают возможный механизм взаимодействия конституционного права и иных отраслей (в данном случае гражданского) в части определения порядка привлечения к ответственности за совершение конституционного деликта коллективным субъектом и его уполномоченным представителем.

Следует также отметить, что такой подход к нормативному регулированию вопросов привлечения к юридической ответственности коллективных субъектов (органов государственной и муниципальной власти) и их отдельных представителей (физических лиц) представляется весьма эффективным не только в части восстановления нарушенных прав, но и как профилактическая мера, и может быть предметом для дискуссии о возможности использовать указанный подход в российской правовой системе.

Практика показывает, что как на международном, так и национальном уровне, в случае привлечения к ответственности коллективных субъектов конституционного права (политические партии, государственные институты, религиозные организации и любые другие юридические лица) действует принцип, исключающий ответственность физических лиц, отдельных членов коллективного субъекта, не совершивших конкретных правонарушений. Только руководители, деятельность которых составляет объективную сторону правонарушения, несут юридическую ответственность, однако не в той же мере, что и весь коллективный субъект, а в соответствии с отраслевым законодательством. Одним из наиболее ярких примеров подобного привлечения к ответственности является приговор

²⁴⁵ См.: Конституции государств Европы. Т. 2. С. 393.

Международного военного трибунала, в резолютивной части которого говорилось: «28 февраля 1946 г. Обвинение исключило из требуемого им признания виновными всех сотрудников аппарата ортсгруппенлейтеров и всех помощников целленлейтеров и блоклейтеров. Решение Трибунала, которого требует Обвинение в отношении признания виновным руководящего состава нацистской партии, таким образом, должно включать фюрера, рейхслейтеров, гаулейтеров и сотрудников их аппарата, крейселейтеров и сотрудников их аппарата, ортсгруппенлейтеров, целленлейтеров и блоклейтеров, группу общей численностью по меньшей мере в 600 000 человек»²⁴⁶.

Отечественная судебная практика исходит из аналогичных представлений о порядке привлечения к ответственности отдельных членов коллективного субъекта. Примером служит правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, отраженная в постановлении от 30 ноября 1992 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. № 79 «О приостановлении деятельности коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 г. № 90 «Об имуществе КПСС и коммунистической партии РСФСР» и от 6 ноября 1991 г. № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР». Согласно этому постановлению определенные действия вменялись в вину руководящим структурам КПСС и КП РСФСР, и прежде всего их комитетам, от центральных до районных, с секретариатами и бюро (в центральных – политбюро), а также аппаратам этих комитетов. В то же время о рядовых членах КПСС (КП РСФСР) говорилось: «Масса рядовых членов, включая руководство первичных организаций, государственной деятельностью практически заниматься не могла. Даже предусмотренное до 1990 года уставом КПСС право партийного контроля за деятельностью администрации предприятий и учреждений чаще всего

²⁴⁶ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: в 8 т. Т. 8. М.: Юридическая литература, 1999. С. 640.

оказывалось пустой формальностью, поскольку во главе администрации стояли представители номенклатуры упомянутых комитетов КПСС (КП РСФСР)»²⁴⁷.

В настоящее время изложенная концепция порядка привлечения к юридической ответственности отдельных участников коллективного субъекта нашла отражение в отечественном законодательстве. Примером является закрепленная в целом ряде федеральных законов ответственность иностранных агентов, будь то некоммерческие организации, незарегистрированные общественные объединения, средства массовой информации или физические лица. При этом субъектами конституционной ответственности следует считать некоммерческие организации, выполняющих функции иностранных агентов, при нарушении ими требований, установленных Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», а также незарегистрированные общественные объединения, при невыполнении ими обязанностей, предусмотренных статьей 29 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», с применением к ним соответствующих санкций в виде приостановления либо ликвидации и запрета их деятельности.

Ответственность же физических лиц, которые выполняют функции иностранных агентов либо являются членами коллективного субъекта, выполняющего функции иностранного агента, в предусмотренных законом случаях наступает в соответствии с нормами уголовного законодательства (статья 330 Уголовного кодекса Российской Федерации), а в возможной перспективе – административного законодательства (проект федерального закона № 10609-50-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части уточнения ответственности за нарушение порядка деятельности лиц, выполняющих функции иностранного агента», принятом в первом чтении Государственной Думой Российской Федерации).

Следует признать незаконными случаи привлечения к такой конституционной ответственности, как ограничение в политических правах (и даже с последующим назначением уголовного наказания) всех членов

²⁴⁷ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 11. Ст. 400 (Постановление).

коллективных субъектов без учета наличия их персональной вины. Наиболее ярким примером такого привлечения к ответственности являются положения закона Лэндрама – Гриффина (США), официально именуемого «Законом 1959 года о предоставлении отчетов и сведений о трудовых отношениях». В соответствии с пунктом а) статьи 504 всякому, кто является или являлся членом коммунистической партии (наряду с общеуголовными преступниками, осужденными за грабеж, взяточничество, вымогательство, тяжкое убийство, изнасилование и ряд других преступлений), запрещалось занимать определенные должности, в том числе должностного лица, директора, доверенного лица, члена какого-либо исполнительного комитета или аналогичного руководящего органа, агента, управляющего, организатора или иного работника и другие²⁴⁸. Таким образом, запрет коммунистической партии, являющийся по своей природе конституционно-правовой санкцией, фактически порождает применение аналога уголовных санкций в виде бессрочного запрета занятия определенных должностей для рядовых членов партии.

В большинстве случаев при упоминании формы вины в конституционно-правовых нормах отсутствует уточнение о виде умысла (прямого или косвенного) при совершении конституционного деликта. Например, согласно статье 107 Конституции Словацкой Республики президента можно преследовать только за умышленное нарушение Конституции²⁴⁹. Пожалуй, одним из немногих исключений, содержащих указание на необходимость прямого умысла, является часть 1 статьи 49 Конституции Греции, согласно которой президент Республики несет ответственность в том числе за совершение преднамеренного нарушения Конституции²⁵⁰. Исходя из понимания правовой природы преднамеренного нарушения, в рассматриваемом примере речь идет о прямом заранее обдуманном умысле, который предполагает:

²⁴⁸ См. подробнее: Гришаев П.И. Репрессии в странах капитала. М.: Юридическая литература, 1970. С. 156–158.

²⁴⁹ См.: Конституции государств Европы. Т. 3. С. 141.

²⁵⁰ Там же. Т. 1. С. 665.

во-первых, осознание субъектом конституционного деликта общественной опасности либо общественной вредности своих действий (бездействия), предвидение возможности или неизбежности наступления негативных последствий – интеллектуальный элемент прямого умысла;

во-вторых, желание наступления негативных последствий – волевой элемент прямого умысла.

Именно волевой элемент отличает прямой умысел от косвенного, при котором виновный не желает наступления последствий, но сознательно их допускает.

При определении формы вины в виде неосторожности (как в приведенных примерах в отношении коллективных субъектов, так и в отношении индивидуальных субъектов – высших должностных лиц государства), конституционно-правовые нормы конкретизируют ее как грубую небрежность. Так, в § 116 Конституции Финляндии изложены основания предъявления обвинения против министра, в соответствии с которыми решение о возбуждении дела против члена Государственного совета может приниматься, если он умышленно или вследствие грубой небрежности существенным образом пренебрег обязанностями, которые входят в его компетенцию, или явно действовал незаконно иным образом в сфере своих полномочий²⁵¹. Представляется, что грубая небрежность наряду с иными проявлениями неосторожности (самонадеянности, легкомыслия и других видов неосторожности в зависимости от той или иной правовой системы), характеризует достаточную общественную опасность, чтобы определенное действие (бездействие) было признано конституционным деликтом. В данном случае грубая небрежность субъекта конституционного деликта свидетельствует о его крайнем непрофессионализме, несоответствии занимаемой должности и фактической невозможности должным образом исполнять возложенные на него обязанности.

Наряду с виной субъективную сторону конституционного деликта характеризуют ее факультативные признаки, т.е. мотив и цель совершения

²⁵¹ См.: Конституции государств Европы. Т. 3. С. 396.

правонарушения. Полагаем, что для конституционного права применимы общетеоретические определения мотива как побуждающего начала к совершению лицом правонарушения, и цели как того результата, которого оно стремится достигнуть. Однако в отличие, например, от уголовного права, где мотив преступления (корысть, кровная месть, национальная, расовая ненависть и др.) упоминается в диспозиции уголовно-правовой нормы довольно часто, в конституционно-правовых нормах указание на мотив не столь распространено, в том числе, как представляется, в связи с характером субъектов конституционной ответственности. В юридической литературе отмечается, что «они (мотив и цель конституционного правонарушения – прим. Ю.А. Ливадной) крайне редко попадают в орбиту регулирования в конституционно-правовых нормах, устанавливающих основания применения конституционных санкций»²⁵². Полагаем, что определение мотива будет играть роль в случае привлечения субъекта конституционного деликта, одновременно нарушающего иной запрет (уголовно-правовой, административный), к отраслевым видам ответственности.

В свою очередь, цель совершения конституционного деликта находит свое отражение в нормах закона. Так, согласно пункту «б» части 7 статьи 76 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» регистрация кандидата может быть отменена судом в случаях использования кандидатом, в целях достижения определенного результата на выборах, денежных средств, в сумме превышающих пять процентов от предельного размера расходования средств избирательного фонда, установленного законом²⁵³.

В конституциях зарубежных стран также имеет место указание на цели запрещенных деяний. Например, статья 14 Конституции Турции запрещает осуществление зафиксированных в Конституции прав и свобод с целью нарушения неделимой территориальной и национальной целостности государства, создания

²⁵² Кондрашев А.А. Указ. соч. С. 134, 135.

²⁵³ Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

угрозы существованию Турецкого государства и Республики, отмены основных прав и свобод, передачи государственной власти одному лицу или группе лиц, а также установления превосходства одной социальной группы над другими или дискриминации по языку, расе, религии или вере либо установления любыми другими средствами государственного строя, основанного на этих концепциях и идеях²⁵⁴.

Проведенный анализ особенностей субъекта и субъективной стороны конституционного деликта позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, субъект конституционного деликта является обязательным элементом состава названного правонарушения, и его отсутствие свидетельствует об отсутствии конституционного деликта в целом;

во-вторых, с учетом российского и зарубежного опыта можно говорить о классификации субъектов конституционного деликта на индивидуальные и коллективные;

в-третьих, закрепление в диспозициях соответствующих норм конституционного права особых требований к субъекту позволяет утверждать, что состав конституционного деликта в большинстве случаев предусматривает наличие именно специального субъекта. При этом специальный субъект конституционного деликта, как индивидуальный, так и коллективный, является таковым в связи с наделением его определенными полномочиями, неисполнение которых образует состав правонарушения.

в-четвертых, субъективная сторона конституционного деликта предполагает наличие вины. Однако с учетом особого проявления признака виновности конституционного деликта к этому утверждению следует подходить с оговоркой о том, что в полной мере оно проявляется исключительно в случае совершения (как индивидуальным субъектом, так и коллективным) конституционного деликта, который одновременно нарушает иной отраслевой запрет (например, уголовно-правовой, административный, дисциплинарный).

²⁵⁴ См.: Конституции государств Европы. Т. 3. С. 225.

При этом для индивидуального субъекта конституционного деликта понятие вины равнозначно аналогичному понятию в теории правонарушения – это психическое отношение субъекта к совершаемому деянию, которое может быть в виде умысла или неосторожности. Что же касается коллективного субъекта, то его вина фактически сводится к тому, что субъект имел возможность исполнить свои конституционные обязанности надлежащим образом, но, несмотря на это, не принял всех необходимых мер, чтобы не допустить конституционного правонарушения;

в-пятых, для субъективной стороны конституционного деликта характерно наличие факультативных признаков, а именно – мотива и цели. При этом, в случае их отражения в диспозиции конституционно-правовой нормы, указанные признаки приобретают статус обязательных, а их отсутствие исключает состав конституционного деликта.

Таким образом, проведенное изучение внутренней структуры состава конституционного деликта позволяет утверждать следующее.

Во-первых, разработанная в общей теории правонарушения структура состава, включающая такие элементы, как объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона правонарушения, характерна и для конституционного деликта, и для иных видов правонарушения. В то же время элементы состава конституционного деликта обладают определенной спецификой.

Во-вторых, конституционные деликты имеют структурированную систему объектов. Взаимосвязь объектов конституционного деликта и иных видов правонарушений проявляется в том случае, если конституционный деликт одновременно нарушает иной отраслевой запрет. При характеристике объектов данного вида правонарушения в большинстве случаев будет очевидно пересечение родового объекта конституционного деликта и общего и родового объекта иного правонарушения, а также полное или частичное несовпадение их непосредственных объектов, что позволяет разграничить сферы конституционной и иной отраслевой защиты с применением соответствующих санкций.

В-третьих, объективная сторона конституционного деликта является внешним проявлением правонарушения и включает, в качестве обязательного элемента, деяние в виде действия или бездействия. С учетом высокой степени общественной опасности (общественной вредности) конституционных деликтов по сравнению с иными видами правонарушений их объективную сторону образует только само деяние, и тем самым состав указанного правонарушения характеризуется как формальный.

В-четвертых, субъекты конституционного деликта могут быть индивидуальными и коллективными, общими и специальными. При этом в отличие от специального субъекта, например, преступления или административного правонарушения, который определяется по целому ряду характеристик (пол, возраст, гражданство, должностное положение), специальный субъект конституционного деликта, как индивидуальный, так и коллективный, является таковым в связи с наделением его определенными обязанностями, неисполнение которых образует состав правонарушения. Анализ составов конституционных деликтов дает основание сделать вывод о том, что в большинстве случаев они предусматривают наличие именно специального субъекта.

В-пятых, субъективная сторона конституционного деликта характеризуется обязательным наличием вины, независимо от того, индивидуальный или коллективный субъект совершил правонарушение, в тех случаях, когда деянием нарушен, одновременно с конституционным, иной отраслевой запрет.

В-шестых, в случае отражения в диспозиции конституционно-правовой нормы факультативных признаков объективной стороны (времени, места, способа и иных обстоятельств) и факультативных признаков субъективной стороны (мотива, цели) конституционного деликта, указанные признаки приобретают статус обязательных, без которых отсутствует и/или ставится под сомнение наличие состава конституционного деликта в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации установлено динамичное развитие российского законодательства, регулирующего вопросы конституционной ответственности. Это подтверждается соответствующими изменениями положений глав 3, 4, 5, 6, 7 Конституции Российской Федерации на основе Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Следует также отметить совершенствование законодательства в части определения оснований привлечения к конституционной ответственности коллективных субъектов, а именно организаций, выполняющих функции иностранных агентов. Отсюда становится очевидным возрастание роли и значения конституционной ответственности органов государственной власти, их должностных лиц, организаций.

Диссертантом проведен анализ основных характеристик конституционного деликта как юридической конструкции, нацеленной на обеспечение принципа правового государства – взаимной ответственности государства и личности, что позволило сделать ряд предложений и умозаключений.

В результате сравнительного историко-правового исследования таких малоизученных вопросов, как возникновение и развитие конституционного деликта, служащего основанием привлечения к юридической ответственности, определены характерные особенности его формирования и обособления от иных видов правонарушений, а именно:

установление конституционного запрета совершения деяний против государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности и ряда других;

особый порядок привлечения к конституционной ответственности определенных должностных лиц государства за совершение отдельных видов преступлений (против государственной власти; должностных преступлений либо

совершенных с использованием должностного положения, например, растрата или хищение государственной собственности);

применение специфических санкций в виде отстранения от должности, утраты мандата, лишения активного избирательного права и др.

Выявленные особенности возникновения и развития конституционного деликта как самостоятельного вида правонарушения способствовали более четкому пониманию его правовой природы на современном этапе.

Обстоятельный анализ специфики нормативного регулирования оснований и порядка привлечения к юридической ответственности за совершение конституционных деликтов позволил установить ключевое значение особенностей исторических реалий развития государственности различных стран для формирования законодательства в данной сфере. На основании обозначенного вывода предложены четыре базовые модели развития нормативного регулирования привлечения к конституционной ответственности. Их описание дало возможность показать место российского законодательства в этом процессе, становление которого проходило под влиянием общемировых тенденций регулирования конституционно-правовыми нормами отдельных признаков конституционного деликта, а именно: противоправности, наказуемости и виновности, с акцентом на том или ином из них либо с отражением всех перечисленных признаков.

На современном этапе развития законодательства справедливо, по мнению автора, следующее основанное на общетеоретических подходах определение понятия «конституционный деликт»: общественно опасное или общественно вредное, конституционно противоправное, виновное и наказуемое деяние.

Вместе с тем более глубокий подход к определению названного правонарушения позволяет утверждать, что, с одной стороны, конституционный деликт обладает признаками, характерными для любого вида правонарушения (общественная опасность или общественная вредность, противоправность, виновность и наказуемость), а с другой стороны, отдельные из названных признаков его понятия имеют свою специфику.

На основании всестороннего изучения признака виновности конституционного деликта обоснован вывод о том, что в конституционном праве действует, в строго ограниченном объеме, принцип объективного вменения. Он характеризуется отсутствием вины его субъекта, что не исключает наличия состава правонарушения в качестве основания конституционной ответственности, которая в данном случае выступает в качестве формы взаимоотношений субъектов конституционных правоотношений. Однако при совершении – как коллективным субъектом, так и физическим лицом – конституционного деликта, который одновременно нарушает иные отраслевые нормы, предусматривающие виновный характер совершенного деяния, следует говорить исключительно о субъективном вменении, т.е. о наступлении ответственности только за виновно совершенное правонарушение.

Исследование признака наказуемости позволило выявить специфику его проявления в понятии конституционного деликта при комбинированной реализации конституционно-правовых, уголовных, административных и иных отраслевых санкций, а именно: закон определяет последовательность наложения мер ответственности в случаях, когда конституционный деликт одновременно содержит признаки иных правонарушений.

Разработанная в результате анализа особенностей признака наказуемости авторская классификация конституционно-правовых санкций, включающая самостоятельные и комплексные санкции, требующие комбинированного применения конституционно-правовых санкций и санкций иных отраслей права в совокупности, имеет практическое значение при решении вопроса о порядке привлечения к ответственности.

Выводы, сделанные на основании анализа названных проявлений признаков виновности и наказуемости понятия конституционного деликта, не характерных для правонарушений в области публичных отраслей права, позволяют внести определенный вклад в развитие теоретических основ института конституционной ответственности.

В работе установлено, что для понимания правовой природы конституционного деликта и отграничения этого понятия от иных видов правонарушений ключевое значение имеет его высокая степень общественной опасности либо общественной вредности. Анализ особенностей проявления указанного признака в контексте конституционного деликта позволяет обосновать классификацию названных правонарушений на общественно опасные и общественно вредные, а также определить их место в структуре современной системы видов правонарушений.

В целях устранения встречающихся в юридической литературе терминологических неточностей в диссертации дифференцированы следующие понятия:

- противоправность как основной признак понятия конституционного деликта, и ошибочно используемый в литературе термин «противоправность» в качестве характеристики деяния в рамках объективной стороны данного правонарушения;

- виновность как признак понятия конституционного деликта, и понятие вины как основного элемента его субъективной стороны.

Правильное и единообразное употребление названных понятий позволит в дальнейшем избежать их некорректного использования в юридической литературе.

Анализ всех элементов состава (объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны) конституционного деликта выявил их особенности в сравнении с иными видами правонарушений.

В диссертации предложен алгоритм определения сфер конституционной и иной отраслевой (например, уголовной, административной либо гражданско-правовой) ответственности с применением соответствующих санкций. Он основан на анализе пересечения объектов конституционного деликта и иного вида правонарушения (преступления, административного правонарушения, дисциплинарного проступка и др.) при одновременном нарушении деянием конституционно-правовой и иной отраслевой нормы.

На основании исследования особенностей элементов объективной стороны состава конституционного деликта, проведенного путем анализа юридической техники изложения деликтных действий (бездействия), а также с учетом доказанной в работе высокой степени его общественной опасности либо общественной вредности, обоснован тезис о том, что их объективная сторона включает только само деяние, в связи с чем состав указанного правонарушения характеризуется как формальный. Последствия, наступившие в результате совершения конституционного деликта (например, причинение вреда здоровью, повреждение или уничтожение имущества, нарушение общественного порядка), как и возникшие в связи с этим правоотношения, находятся в области правового регулирования соответствующих отраслей права.

В диссертации отмечена особенность субъекта конституционного деликта, как индивидуального, так и коллективного, а именно: наличие специального статуса, обусловленного наделением его определенными обязанностями, неисполнение или ненадлежащее исполнение которых образует состав правонарушения. Это позволило автору прийти к выводу, что для большинства конституционных деликтов характерно наличие специального субъекта.

В результате анализа порядка отражения в диспозиции конституционно-правовой нормы факультативных признаков объективной стороны конституционного деликта (времени, места, способа и иных обстоятельств) и факультативных признаков субъективной стороны (мотив, цель) совершения правонарушения, диссертант обосновывает приобретение указанными признаками статуса обязательных, отсутствие которых ставит под сомнение наличие состава конституционного деликта в целом.

Обстоятельное исследование состава конституционного деликта и особенностей его структурных элементов имеет прикладное значение при его квалификации и разграничении с иными правонарушениями в правоприменительной деятельности.

Несмотря на отмеченное динамичное развитие нормативного регулирования оснований привлечения к конституционной ответственности в

Российской Федерации, в настоящее время по-прежнему отсутствует единый подход к определению порядка и оснований привлечения к ответственности таких коллективных субъектов, как партии, общественные объединения или иные некоммерческие организации. В целях устранения сложившейся правовой неопределенности, а также защиты прав названных субъектов в диссертации предложено внести изменения в статью 33 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», дополнив ее исчерпывающим перечнем правонарушений, являющихся основанием для наступления такой ответственности.

Изложенные выводы и обобщения позволили автору прийти к заключению о возможности использовать положения диссертационного исследования для углубления существующих теоретических познаний в области конституционной ответственности и оснований ее наступления. Сформулированные в исследовании положения имеют практическое значение для эффективной квалификации деяний, совершение которых одновременно нарушает нормы конституционного и иных отраслей права.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
3. Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2000 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. № 45. – Ст. 7061.
4. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.
5. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.

9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

12. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.

13. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Р Российской Федерации. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

14. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

15. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

16. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.

17. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. I). – Ст. 6228.

18. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

19. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

20. Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 2. – Ст. 74.

21. Свод Законов Российской Империи. Т. I. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/169/18.html>

Конституции иностранных государств

1. Конституция Австралии // Конституции государств (стран) мира. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru>.

2. Конституция Австрийской Республики // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 26–121.

3. Конституция Азербайджанской Республики // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 131–170.

4. Конституция Алжирской Народно-Демократической Республики // Конституции государств (стран) мира. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru>.

5. Конституция Арабской Республики Египет // Конституции государств (стран) мира Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru>.

6. Конституция Аргентинской Республики. Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 3: Южная Америка / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – С. 14–50.

7. Конституция Барбадоса // Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 2: Карибский регион / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – С. 179–252.

8. Конституция Бельгии. Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 341–380.

9. Конституция Боливарианской Республики Венесуэла // Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 3: Южная Америка / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – С. 309–410.

10. Конституция Боливии 1826 года // Виртуальная библиотека Мигеля Сервантеса: <http://www.cervantesvirtual.com/obra/constitucion-del-estado-del-19-de-noviembre-de-1826/>.

11. Конституция Бразилии 1824 года // Джорджтаунский университет США // <http://pdba.georgetown.edu/Constitutions/Brazil/brazil1824.html>.

12. Конституция Венесуэлы 1830 года // Виртуальная библиотека Мигеля Сервантеса. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/obra/constitucion-del-estado-de-venezuela-24-de-septiembre-1830>.

13. Конституция Государства Бруней Даруссалам // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 3: Дальний Восток / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – С. 10–46.

14. Конституция Гренады // Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 2: Карибский регион / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и

сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – С. 327–402.

15. Конституция Греции // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 646–696.

16. Конституция Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 2: Средняя Азия и Индостан / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – С. 866–1021.

17. Конституция Иорданского Хашимитского Королевства // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 1: Западная Азия / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – С. 154–180.

18. Конституция Ирландии // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 785–816.

19. Конституция Исламской Республики Иран // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 1: Западная Азия / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – С. 234–274.

20. Конституция Исламской Республики Пакистан // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 2: Средняя Азия и Индостан / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2010. – С. 615–744.

21. Конституция Испании // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 50–94.

22. Конституция Итальянской Республики // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 104–132.

23. Конституция Канады // Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 1: Северная и Центральная Америка / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт

законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – С. 330–384.

24. Конституция Китайской Народной Республики // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 3: Дальний Восток / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – С. 224–258.

25. Конституция Княжества Лихтенштейн // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 374–394.

26. Конституция Королевства Бутан // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 2: Средняя Азия и Индостан / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – С. 134–168.

27. Конституция Королевства Дания // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 751–774.

28. Конституция Королевства Нидерландов // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 613–639.

29. Конституция Королевства Саудовская Аравия // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 1: Западная Азия / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2010. – С. 492–510.

30. Конституция Кыргызской Республики // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 2: Средняя Азия и Индостан / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – С. 454–492.

31. Конституция Литовской Республики // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 332–364.

32. Конституция Мексиканских Соединенных Штатов // Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 1: Северная и Центральная Америка / под ред. Т.Я.

Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. — С. 458–568.

33. Конституция Непала // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 2: Средняя Азия и Индостан / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2010. — С. 533–602.

34. Конституция Норвежского Королевства // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под ред. Л.А. Окунькова. — М.: НОРМА, 2001. — С. 658–672.

35. Конституция Объединенных Арабских Эмиратов // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 1: Западная Азия / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2010. — С. 422–456.

36. Конституция Республики «Союз Мьянма» // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 3: Дальний Восток / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2010. — С. 553–664.

37. Конституция Республики Албания // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. Л.А. Окунькова. — М.: НОРМА, 2001. — С. 181–218.

38. Конституция Республики Беларусь // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. Л.А. Окунькова. М.: НОРМА, 2001. — С. 298–330.

39. Конституция Республики Болгария // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. Л.А. Окунькова. — М.: НОРМА, 2001. — С. 394–422.

40. Конституция Республики Индия // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 2: Средняя Азия и Индостан / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2010. — С. 177–448.

41. Конституция Республики Йемен // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 1: Западная Азия / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2010. — С. 283–312.

42. Конституция Республики Казахстан // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 166–196.

43. Конституция Республики Корея // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 3: Дальний Восток / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2010. – С. 983–1010.

44. Конституция Республики Македония // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 433–460.

45. Конституция Республики Мальдивы // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 3: Дальний Восток / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2010. – С. 470–546.

46. Конституция Республики Польша // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 686–732.

47. Конституция Республики Суринам // Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 3: Южная Америка / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – С. 854–896.

48. Конституция Республики Таджикистан // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 2: Средняя Азия и Индостан / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2010. – С. 756–780.

49. Конституция Республики Хорватия // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 3 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 446–490.

50. Конституция Республики Эль-Сальвадор // Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 1: Северная и Центральная Америка / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – С. 732–796.

51. Конституция Румынии // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 3 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: НОРМА, 2001. – С. 63–92.

52. Конституция Сент-Люсии // Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 2: Карибский регион / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. — С. 807–910.

53. Конституция Словацкой Республики // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 3 / под ред. Л.А. Окунькова. — М.: НОРМА, 2001. — С. 112–158.

54. Конституция Соединенных Штатов Америки // Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 1: Северная и Центральная Америка / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. — С. 809–829.

55. Конституция Социалистической Республики Вьетнам // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 3: Дальний Восток / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. — С. 112–146.

56. Конституция Турецкой Республики // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 3 / под ред. Л.А. Окунькова. — М.: НОРМА, 2001. — С. 222–286.

57. Конституция Федеративной Республики Бразилия // Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 3: Южная Америка / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. — С. 123–302.

58. Конституция Французской Республики // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 3 / под ред. Л.А. Окунькова. — М.: НОРМА, 2001. — С. 411–430.

59. Конституция Швеции // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 3 / под ред. Л.А. Окунькова. — М.: НОРМА, 2001. — С. 598–702.

60. Основной закон Федеративной Республики Германия // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. Л.А. Окунькова. — М.: НОРМА, 2001. — С. 580–634.

61. Основной закон Финляндии // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 3 / под ред. Л.А. Окунькова. — М.: НОРМА, 2001. — С. 371–400.

62. Основной закон ФРГ // Deutsch-Russische Juristenvereinigung e.V.// Grundgesetz // https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz/gg_03/245126.

63. Политическая Конституция Восточной Республики Уругвай // Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 3: Южная Америка / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – С. 906–996.

64. Политическая Конституция Колумбии // Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 3: Южная Америка / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – С. 547–688.

65. Политическая Конституция Республики Чили // Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 3: Южная Америка / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – С. 1004–1070.

66. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия // Deutsch-Russische Juristenvereinigung e.V.// Strafgesetzbuch (StGB) // www.gesetze-im-internet.de/stgb/BJNR001270871.html.

67. Федеральная конституция Объединенных Мексиканских государств 1824 г. // Виртуальная библиотека Мигеля Сервантеса // <http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/constitucion-federal-de-los-estados-unidos-mexicanos-sancionada-por-el-congreso-general-constituyente-el-4-de-octubre-de-1824--0/html>.

Научная литература

1. Авакьян, С.А. Государственно-правовая ответственность / С.А. Авакьян // Советское государство и право. – 1975. – № 10. – С. 16–24.

2. Авакьян, С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. Т. 1 / С.А. Авакьян. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 864 с.
3. Альперович, М.С. Новая история стран Латинской Америки / М.С. Альперович, Л.Ю. Слезкин. – М.: Высшая школа, 1970. – 379 с.
4. Анаркулова, Д.М. Социально-политическая борьба в Иране в середине XIX в. / Д.М. Анаркулова. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. – 164 с.
5. Арабаджян, З.А. Иран: власть, реформы, революции (XIX–XX века) / З.А. Арабаджян. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 125 с.
6. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации / М.В. Баглай. – М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 752 с.
7. Баглай, М.В. Малая энциклопедия конституционного права / М.В. Баглай, В.А. Туманов. – М., 1998. – 519 с.
8. Бардах, Ю. История государства и права Польши / Ю. Бардах, Б. Леснодорский, М. Пиетрчак. – М.: Юридическая литература, 1980. – 559 с.
9. Бахрах, Д.Н. Административное право: учебник для вузов / Д.Н. Бахрах, Б.В. Российский, Ю.Н. Стариков. – М.: Норма, 2005. – 800 с.
10. Блос, В. Германская революция. История движения 1848–1849 года в Германии / В. Блос. – М.: Государственное издательство, 1922. – 528 с.
11. Боброва, Н.А. Ответственность в системе гарантий конституционных норм / Н.А. Боброва, Т.Д. Зражевская. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. – 154 с.
12. Богданович, Т.А. Очерки из прошлого и настоящего Японии / Т.А. Богданович. – СПб.: Тип-я товарищества «Просвещение», 1905. – 474 с.
13. Братусь, С.Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории / С.Н. Братусь. – М.: Юридическая литература, 1976. – 216 с.
14. Вейберт, С.И. Понятие и классификация преступных деяний по уголовному законодательству отдельных стран Европейского союза / С.И. Вейберт // Вопросы управления. – 2012. – № 3. URL: vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2012/03/23.

15. Вильсон, В. Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений / В. Вильсон. – М.: Издание М.В. Саблина, 1905. – 800 с.
16. Виноградов, В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование / В.А. Виноградов. – М., 2000. – 287.
17. Виноградов, В.А. Понятие и особенности конституционно-правовой ответственности: проблемы России, опыт зарубежных стран / В.А. Виноградов. – М.: Институт права и публичной политики, 2003. – 117 с.
18. Витрук, Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – М.: Норма, 2009. – 432 с.
19. Волошин, И.А. Уголовная ответственность юридических лиц: за и против / И.А. Волошин, С.А. Давиденко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Серия «Юридические науки». – 2015. – Т. 1 (67). № 2. С. 95–98.
20. Герцензон, А.А. Уголовное право. Общая часть / А.А. Герцензон. – М.: Издание РИО ВЮА КА, 1946. – 325 с.
21. Годс, М. Реза Иран в XX веке. Политическая история / М. Годс; пер. с англ. И.М. Дижера. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 353 с.
22. Головненков, П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона / П.В. Головненков. – М.: Проспект, 2017. – 312 с.
23. Гороховцев, О.В. Конституционная ответственность в Российской Федерации: монография / О.В. Гороховцев, А.Ш. Бибиев. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2014. – 91 с.
24. Гришаев, П.И. Репрессии в странах капитала / П.И. Гришаев. – М.: Юридическая литература, 1970. – 264 с.
25. Дурманов, Н.Д. Понятие преступления / Н.Д. Дурманов. – М–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. – 315 с.

26. Ежов, А.Н. Уголовное законодательство стран Европейского союза: учебное пособие / А.Н. Ежов, Н.А. Селяков. – М.–Архангельск: Юпитер, 2005. – 240 с.
27. Жалинский, А.Е. Современное немецкое уголовное право / Жалинский А.Е. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 660 с.
28. Жидков, О.А. История государства и права стран Латинской Америки: Учебное пособие для вузов / О.А. Жидков; отв. ред. О.А. Зубрицкий; Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. – М., 1967. – 175 с.
29. Зражевская, Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву / Т.Д. Зражевская. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980. – 159 с.
30. Иванов, М.С. Иранская революция 1905–1911 годов / М.С. Иванов. – М.: Изд-во ИМО, 1957. – 561 с.
31. История Франции / под ред. Ж. Карпантье, Ф. Лебрена; пер. с фр. М. Некрасова. – СПб.: Евразия, 2008. – 605 с.
32. Козлова, Е.И. Конституционное право России: учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – М.: Проспект, 2014. – 592 с.
33. Козочкин, И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования / И.Д. Козочкин. – СПб.: Изд-во Р. Асланова; Юридический центр Пресс, 2007. – 478 с.
34. Колосова, Н.М. Конституционная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности / Н.М. Колосова // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 86–91.
35. Колосова, Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации / Н.М. Колосова. – М.: Городец, 2000. – 192 с.
36. Кондрашев, А.А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации / А.А. Кондрашев. – М.: Изд-во Московского университета, 2011. – 472 с.

37. Конституции буржуазных государств: в 3 т. Т. 1: Великие державы и западные соседи СССР. – М.–Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. – 336 с.

38. Конституции государств Ближнего и Среднего Востока. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. – 591 с.

39. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учебное пособие / сост. В.В. Маклаков. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 640 с.

40. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII – XIX вв.: сборник документов / под ред. П.Н. Галанзы. – М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1957. – 587 с.

41. Конституционное право России / под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 671 с.

42. Конституция Республики Сербия. Конституции государств (стран) мира. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru>.

43. Конституция Федеративной Демократической Республики Эфиопия. Конституции государств (стран) мира. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru>.

44. Коростелева, М.В. Муниципальное право Российской Федерации: учебное пособие / М.В. Коростелева, А.А. Савченко, – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2017.

45. Костомаров, Н.И. Старый спор (Последние годы Речи Посполитой) / Н.И. Костомаров. – М.: Чарли; Смоленск: Смядынь, 1994. – 768 с.

46. Кудряшова, О.В. Федеративная ответственность как институт конституционного права: понятие и особенности / О.В. Кудряшова // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран: научное издание. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 251–257.

47. Кутафин, О.Е. Избранные труды: в 7 т. Т. 4. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации: монография / О.Е. Кутафин. – М.: Проспект, 2011. – 400 с.

48. Лавровский В.М. Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII века / В.М. Лавровский, М.А. Барг. — М.: Социально-экономическое изд-во, 1958. – 366 с.

49. Лазарев, В.В. Теория государства и права / В.В. Лазарев. – М.: Юрайт, 2015. – 521 с.

50. Лафитский, В.И. Конституционный строй США / В.И. Лафитский. – М.: Статут, 2011. – 351 с.

51. Лейст, О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы / О.Э. Лейст. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 240 с.

52. Леонов, Н.С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки / Н.С. Леонов. – М.: Мысль, 1975. – 328 с.

53. Ливадная, Ю.А. Некоторые аспекты соотношения понятий конституционно-правового деликта и преступления / Ю.А. Ливадная // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 117–124.

54. Ливадная, Ю.А. Объективная сторона конституционно-правового деликта / / Ю.А. Ливадная // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4. – С. 137–141.

55. Ливанцев, К.Е. Польская конституция 3 мая 1791 года / К.Е. Ливанцев // Вестник Ленинградского университета. – 1958. – № 23. – С. 136–143.

56. Лучин, В.О. Конституционные деликты / В.О. Лучин // Государство и право. – 2000. № 1. – С. 12–19.

57. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.

58. Лучин, В.О. Ответственность в механизме реализации Конституции / В.О. Лучин // Право и жизнь. – 1992. – № 1. – С. 36–44.

59. Манфред, А.З. О природе якобинской власти / А.З. Манфред // Вопросы истории. 1969, № 5. – С. 92–107.

60. Марченко М.Н. Теория государства и права России: учебное пособие: в 2 т. Т. 2. Право / М.Н. Марченко, Е.М. Дерябина. – М.: Проспект, 2019. – 448 с.
61. Матъез, А. Французская революция / А. Матъез. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1995. – 576 с.
62. Миллер, А.Ф. 50-летие младотурецкой революции / А.Ф. Миллер. – М.: Знание, 1958. – 48 с.
63. Миллер, А.Ф. Краткая история Турции / А.Ф. Миллер. – М.: Госполитиздат, 1948. – 303 с.
64. Миллер, А.Ф. Очерки новейшей истории Турции / А.Ф. Миллер. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. – 280 с.
65. Мишин, А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / А.А. Мишин. – М.: Белые альвы, 1996. – 316 с.
66. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть / А.В. Наумов. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 736 с.
67. Никифоров, А.С. Юридическое лицо как субъект преступления и юридической ответственности / А.С. Никифоров. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – 204 с.
68. Никифоров, Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б.С. Никифоров. – М.: Госюрриздат, 1960. – 229 с.
69. Новая история Ирана. Хрестоматия. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. – 332 с.
70. Норман, Г. Возникновение современного государства в Японии / Г. Норман. – М.: Издательство восточной литературы, 1961. – 296 с.
71. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: в 8 т. Т. 8. – М.: Юридическая литература, 1999. – 792 с.
72. Ольденбург, С.С. Царствование Николая II / С.С. Ольденбург. – М.: АСТ, 2003. – 764 с.
73. Оппенгейм, Л. Международное право. Т. I: Мир. Полутом I / Л. Оппенгейм. – М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. – 408 с.

74. Павлов, В.Г. Субъект преступления / В.Г. Павлов. – СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2001. – 318 с.
75. Петросян, Ю.А. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции / Ю.А. Петросян. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. – 157 с.
76. Петросян, Ю.А. Османская империя / Ю.А. Петросян. – М.: Алгоритм, 2013. – 304 с.
77. Пионтковский, А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А.А. Пионтковский. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. – 666 с.
78. Прело, М. Конституционное право Франции / М. Прело; пер. с франц. Ф.А. Кублицкого; под ред. и с предисловием А.З. Манфреда. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. – 671 с.
79. Радько, Т.Н. Теория государства и права / Т.Н. Радько, В.В. Лазарев, Л.А. Морозова. – М.: Проспект, 2015. – 568 с.
80. Радько, Т.Н. Теория государства и права / Т.Н. Радько. – М.: Проспект, 2019. – 496 с.
81. Рогожкин, А.И. История государства и права стран Азии и Африки: Очерки / А.И. Рогожкин, И.П. Сафронова, Н.Н. Страхов; отв. ред. Н.А. Селезнев. – М.: Юридическая литература, 1964. – 254 с.
82. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – 958 с.
83. Савин, А.Н. Лекции по истории Английской революции / А.Н. Савин. – М.: «Крафт+», 2000. – 536 с.
84. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / под ред. В.А. Туманова. – М.: Юристъ, 2003. – 448 с.
85. Селезнев, Н.А. Всеобщая история государства и права зарубежных стран: Государство и право Китая 1864–1918 гг. Государство и право Японии 1868–1918 гг.: учебное пособие для вузов / Н.А. Селезнев. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1960. – 78 с.

86. Серков, П.П. Конституционная ответственность в Российской Федерации: современная теория и практика / П.П. Серков. – М.: Норма, 2016. – 464 с.

87. Скифский, Ф.С. Ответственность за конституционные правонарушения / Ф.С. Скифский. – Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 1998. – 16 с.

88. Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. Т. 2: Федерации и Республики / пер., под общ. ред. и со вступ. очерками В.М. Гессена и Б.Э. Нольде. – СПб.: Издание юридического книжного склада «Право», 1907. – 655 с.

89. Соколов, Н.В. Современные проблемы импичмента в связи с коррупционными нарушениями: опыт Бразилии / Н.В. Соколов // Конституционное право и проблемы коррупции: видение молодых ученых. – М.: Юстицинформ, 2016. – С. 202–227.

90. Соловьев, С.М. История падения Польши / С.М. Соловьев // Сочинения: в 18 кн. Кн. 16. Работы разных лет. – М.: Голос, колокол-пресс, 1998. – 556 с.

91. Тарле, Е.В. Наполеон / Е.В. Тарле. – М.: Наука, 1991. – 464 с.

92. Теория государства и права / под ред. А.В. Малько. – М.: КНОРУС, 2014. – 400 с.

93. Томсинов, В.А. «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах: учебное пособие / В.А. Томсинов. М.: Зерцало-М, 2010. – 250 с.

94. Трайнин, А.Н. Общее учение о составе преступления / А.Н. Трайнин. – М.: Госюрриздат, 1957. – 364 с.

95. Убичини. А. П. де-Куртейль. Современное состояние Оттоманской империи: Статистика, правление, администрация, финансы, армия, общины немусульманские и пр.: По официальному ежегоднику на 1875–1876 г. (Салмане на 1293 г. хиджры) и по другим новейшим документам. – СПб.: Тип-я О.И. Бакста, 1877. – 264 с.

96. Уголовное законодательство Норвегии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 375 с.

97. Уголовный кодекс Бельгии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 561 с.
98. Уголовный кодекс Республики Корея – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 240 с.
99. Умнова, И.А. Конституционные основы современного российского федерализма: учебно-практическое пособие / И.А. Умнова. – М.: Дело, 1998. – 280 с.
100. Фостер, У. З. Очерк политической истории Америки / У. З. Фостер. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. – 903 с.
101. Французская буржуазная революция 1789–1794 / под ред. В.П. Волгина, Е.В. Тарле. – М–Л.: Академия Наук СССР, 1941. – 852 с.
102. Хрестоматия по новой истории: учебное пособие: в 3 т. / под общ. ред. А.А. Губера и А.В. Ефимова. Т. 1. 1640–1815. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 768 с.
103. Хрестоматия по новой истории: учебное пособие: в 3 т. / под общ. ред. А.А. Губера и А.В. Ефимова. Т. 2. 1815–1870. – М.: Мысль, 1965. – 783 с.
104. Чиркин, В.Е. Конституционное право в Российской Федерации / В.Е. Чиркин. – М.: Юрист, 2001. – 480 с.
105. Шон, Д.Т. Конституционная ответственность / Д.Т. Шон // Государство и право. 1995. № 7. – С. 35–43.
106. Шоню, П. История Латинской Америки / П. Шоню; пер. с фр. Е.А. Ермаковой. – М.: АСТ, 2008. – 157 с.
107. Шугрина, Е.С. Муниципальное право Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Е.С. Шугрина. – М.: ТК Верби, Проспект, 2007. – 672 с.
108. Юрченко, И.А. Уголовное право зарубежных стран / И.А. Юрченко. – М.: Проспект, 2015. – 112 с.
109. Яковлев, Н.Н. Джордж Вашингтон / Н.Н. Яковлев. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. – 416 с.

Диссертационные исследования и авторефераты

1. Забровская, Л.В. Конституционно-правовые деликты: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.02 / Забровская Людмила Виссарионовна. – М., 2003. – 198 с.
2. Середа А.Г. История конституционализма в испано-говорящих государствах Латинской Америки: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Середа Александр Григорьевич. – Краснодар, 2003. – 235 с.
3. Стручков Н.А. Правовое регулирование исполнения наказаний (основные проблемы советского исправительно-трудового права): автореф. дис. д-ра юрид. наук / Стручков Николай Алексеевич. – М., 1963. – 36 с.

Литература на иностранных языках

1. Las constituciones de la Argentina (1810–1972). Recopilacion, notas y studio preliminary Arturo Enrique Sampay. Buenos Aires: EUDEBA, 1975.
2. Leyes fundamentals de Mexico 1808–1957. Direccion y efemerides de Felipe Tena Ramirez. – Mexico: Editorial Porrua, S.A., 1957.
3. La constitucion federal de Venezuela de 1811 y documentos afines // Biblioteca de la Academia Nacional de la Historia. Caracas – Venezuela, MCMLIX.
4. Kolosova, N.M., Livadnaia I.A. Constitutional Sanctions in the Context of Punishability // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. 2019. Vol. 12 (3). P. 492–503. DOI: 10.17516/1997-1370-0379.